

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ...

Стихи и рассказы для школьников

Оренбург-Казань
2020

УДК 882-8
ББК 84(2)92
К89
Х18
К18

Книга издана фондом поддержки и развития детской литературы «Надежда» (город Оренбург) – президент КУЗНЕЦОВА Надежда Викторовна

При поддержке
Свято-Троицкой Сергиевой Лавры

Составители:

Н. В. Кузнецова, В. П. Хамидуллина, Г. Н. Калашников

К89 **Чтобы помнили:** стихи и рассказы для школьников. – Оренбург–Казань: 2020. – 184 с., ил.

Сборник включает художественные и документальные произведения для детей младшего и среднего школьного возраста и посвящён 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Поэты и писатели из России, Беларуси, Украины, Азербайджана, Латвии, Германии, Испании, Израиля – фронтовики и наши современники, пишущие для детей и взрослых, принадлежащие разным поколениям, воспевают и пробуждают самое сокровенное чувство, чувство любви к Родине. Процесс формирования духовных ценностей начинается в детстве, и очень важно, чтобы детство было мирным.

ISBN

© Кузнецова Н. В., 2020
© Хамидуллина В. П., 2020
© Калашников Г. Н., 2020
© «Идел-Пресс» оформление, 2020

Константин СИМОНОВ писал:

«О минувшей войне необходимо знать всё. Надо знать, и чем она была, и с какой безмерной тяжестью были связаны для нас дни отступлений и поражений, и каким безмерным счастьем была для нас Победа. Надо знать и о том, каких жертв нам стоила война, какие разрушения она принесла, оставив раны и в душах людей, и на теле земли...»

...О войне нужно знать всё, чтобы она больше никогда не повторялась.

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Ты держишь в руках уникальную книгу произведений о войне современных авторов разных поколений.

Здесь стихи и рассказы поэтов-фронтовиков, молодых авторов и даже школьников. Их всех объединяет чувство глубокой благодарности к людям, которые с помощью невероятных усилий и ценою собственной жизни смогли победить. Любовь к Родине, к своей семье, к своему дому давала им силы идти вперёд и стойко переносить все тяготы военного времени.

Война затронула не только наше государство, она коснулась многих стран и народов, что отразилось в творчестве писателей разных национальностей. Весь мир объединился в борьбе с фашизмом ради сохранения жизни на Земле.

При составлении этого сборника мы старались подобрать произведения, которые показали бы не только ужасы того времени, но и высокие моральные качества, которые проявляли люди в экстремальной ситуации. Такие как милосердие, самопожертвование, справедливость, доброта и сила духа.

Люди, познавшие войну, особенно ценят мирное небо над головой, яркое солнце, красоту природы, драгоценные минуты общения с близкими. Спасибо всем ветеранам, участникам Великой Отечественной войны. Благодаря вам мы живём.

Пусть эта книга сделает наш мир чуть-чуть добрее, а подвиг наших дедушек и бабушек научит каждого бороться, никогда не сдаваться и побеждать!

Надежда КУЗНЕЦОВА

ВОЙНА И ДЕТСТВО

РУСТАМ КАРАПЕТЬЯН

ВОЙНУШКА

Мы в войну играли с папой,
Шли бои за коридор.
В папу я из автомата
Метко выстрелил в упор.

Вдруг с разбегу папа на пол
Повалился и молчит.
Я бегу скорей на папу
И кричу: «Убит! Убит!»

Только страшно мне немножко:
Ну, скорее, папа, встань!
Мы ж воюем понарошку!
Притворяться перестань!

Ожил папа-притворяшка,
Я обнять его лечу.
И уже играть в войнушку
Почему-то не хочу.

РЕЦЕПТ

Если люди всей Земли обнимутся
(От посудомойки и до принца),
То, пока все будут обниматься,
На Земле все войны прекратятся.
Ведь согласен даже маршал злобный:
Воевать в обнимку НЕУДОБНО!

Я РИСУЮ

Я рисую на окне:
Звёзды в тёмной вышине,
Вдалеке густеет лес,
Полный страхов и чудес.
Я рисую пыльный двор,
Покосившийся забор,
Приоткрытую калитку,
Папу с доброю улыбкой.
Вот стоит он, папа мой:
«Я – вернулся, я – живой!»

РИСУНОК

Карандаши беру с утра,
Беру бумагу.
Кричат солдатики: «Ура!»
Бегут в атаку.

Не посрамят они мундир
На поле брани.
Но самый главный командир
Опасно ранен.

Бьёт барабан, грохочет медь,
Сверкают каски.
А он ведь может умереть
Без перевязки.

Стираю взрывы я над ним
И клочья дыма.
Пусть он останется живым!
И все – живыми!

ДЕТСКИЕ СТРЕЛЬБЫ

В среднем и старшем дошкольничестве Бабушка запрещала мне стрелять из любого игрушечного оружия.

По людям.

Даже просто целиться в них...

Да и вообще мой тогдашний мальчишеский интерес к вооружению Старшими Родственниками не слишком поощрялся.

Хотя, конечно, некоторый арсенал у меня имелся.

Включая автомат.

Синий, пластмассовый...

Позже, в школьные годы, ситуация изменилась мало.

Ни рогатки, ни самопала у меня не было.

Никогда.

А вот лук был.

Настоящий.

В смысле, игрушечный, однако же фабричный.

Мы его с Мамой из поездки по Эстонии привезли.

Когда я во второй класс перешёл.

На даче из этого лука я иногда постреливал.

В древесную цель.

Но чаще стрелял в подмосковный дачный воздух.

Громко и пахуче.

Специальными одноразовыми пороховыми пробками.

Из пугача.

Собственноручно купленного вместе с первой партией пробок.

Втайне от Бабушки.

В обмен на пару десятков бутылок из-под лимонада.

У довольно регулярно следовавшего мимо нашего участка лошадного старьёвщика-тележечника...

Впрочем, больше всего я любил стрелять пустыми, вконец исписавшимися стержнями от шариковых ручек.

Дома.

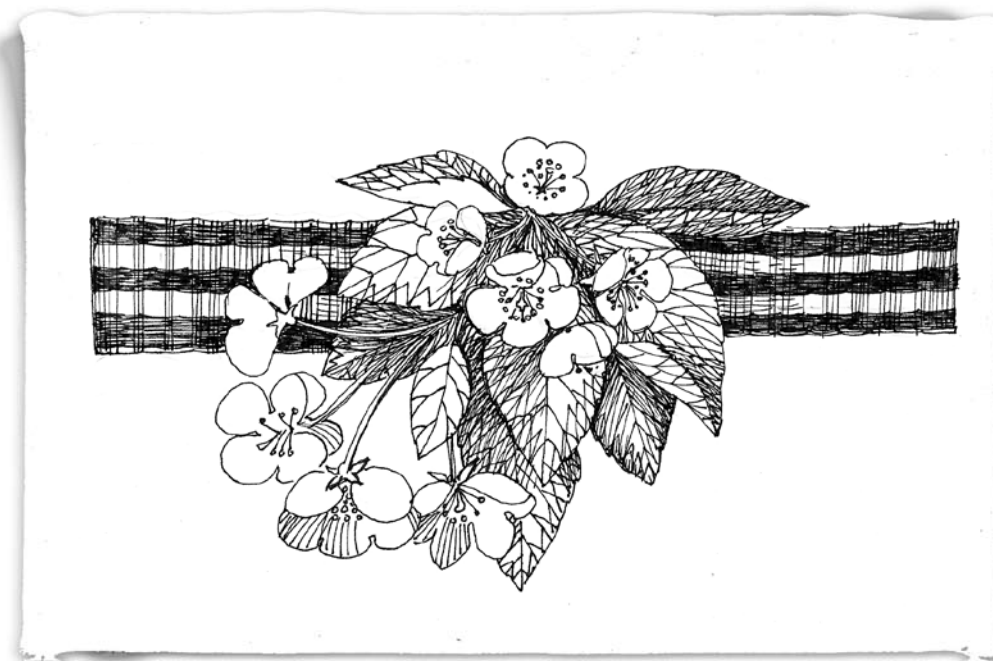
В Маленькой Комнате.

Через пластмассовую трубочку.

К ней жвачкой, уже абсолютно безвкусной, приклеивался десятисантиметровый фрагмент резинки для трусов...

Что до мишеней – то концентрические круги мной рисовались на вырванных из тетрадок в клетку листах.

Ещё вполне рабочими стержнями от шариковых ручек...

С САБЛЕЙ В РУКЕ

(детская песня)

Враг идёт, враг идёт,
Страх наполнил страну;
Я вскочил на коня,
Грозно саблей взмахнул.

Сабля очень остра,
Бьёт копытами конь,
Ты не бойся, скачи
Смело прямо в огонь.

Всех врагов перебьём,
Пусть боится, дрожит
Немец, каска его,
Сбита саблей, лежит.

1942

*Перевод с татарского
Наиля Ишмухаметова*

КТО ПОСТРОИЛ ЖУТКИЙ СТУЛ

Кто построил этот стул,
Этот странный, жуткий стул,
Этот ненадёжный стул,
Этот очень хлипкий стул?

Ну, а если бы война?
Ну, а если бы враги?
Ну, а если бы война
И в атаку шли враги?

Мне победы не видать.
Мне победы над врагом
Ни за что бы не видать,
Над нагрянувшим врагом.

Хорошо, что я сломал,
Этот жуткий стул сломал,
Этот хлипкий стул сломал,
На учениях сломал.

И теперь, чтобы скакать,
Я возьму себе другой.
Чтобы с саблей скакать
Стул возьму себе другой.

ПОЛЫНЬЮ ПАХНЕТ И КРАПИВОЙ

Очень люблю запах полыни.

Он у меня с детством ассоциируется.

За городом – в поле, в лесу, на берегу реки – всегда обязательно нагнусь к кусту полыни, отломлю зеленовато-серебристую гроздочку с мелкими мягкими шариками, сожму её крепко в ладони или разотру пальцами и поднесу к лицу, вдыхая терпкий, неимоверно душистый запах полыни.

Глаза закрываются от этого запаха. Словно проваливаюсь в прошлое, в те годы, когда в коротких штанишках мы с деревенскими и дачными мальчишками ползали в густых кустах полыни и крапивы за заборами огородов, играя в «войну». Прячась в зелёных зарослях от «противника» из соседних домов, прижимаясь всем телом к траве и закрывая глаза – так и со стороны ты менее заметен, – запыхавшись, стараясь не сопеть, чтоб не выдать себя, часто-часто вдыхал я воздух и вместе с ним заглатывал этот особый природный аромат трав. Оттуда, из детства, он вошёл в меня и пребывает в моём подсознании, требуя через многие годы всякий возможный раз оживлять этот запах.

К нему примешивается привкус крапивы. Жарким днём или утром на разогреваемой солнцем поляне после ночного дождя, когда блестит ещё мокрая трава, двигаясь вдоль извилистой дороги, вдруг попадаешь в густое ароматное облако запаха – озираешься: по сторонам заросли крапивы. Как боялся тогда, ползая и перескакивая в кустах за околицей, влезть, впрыгнуть с размаху в крапиву высотой почти что в рост! Потом, ужаленный ею, высккивал, охая и растирая покрасневшие, в мелких волдырях руки и ноги. И вновь бросался в густое, высоченное разнотравье, уткнувшись носом в деревянный автомат – моё оружие. От него исходил очень запоминающийся основной запах. Ведь он был срублен из смолянистого де-

ревца, и на стволе этого автомата, на его полувысохшей коже руками отца перочинным ножом была вырезана змейка и ромбики в шахматном порядке.

Мы, дети фронтовиков, тогда, в детстве, играли в войну, были «своими» и «били врага», строчили из деревянных самодельных автоматов, отстреливались из деревянных пистолетов и забрасывали противника еловыми «гранатами», уже не чувствуя настоящего запаха реальной большой войны, через которую прошли наши родители. Но с возрастом, со старостью родителей, а особенно после их смерти, как-то всё более и более проникались чувством причастности к той войне, на которой они были. И гордость за них, получивших контузии и ранения ещё в первые годы отступления, но выживших, и щемящее чувство от их недавнего ухода, уже совсем состарившихся людей, делали эту нашу причастность всё более и более непосредственной. Словно мы сами были участниками той войны, о которой так мало и неохотно нам рассказывали родители.

Я никогда не спрашивал у отца и мамы, запомнился ли им запах травы, полыни и крапивы, когда они на большой войне в летнее цветение прижимались к земле под ударами противника.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

С дедом дружим мы давно.
Вместе в цирк идём, в кино,
Вместе делаем скворечник,
Потому что вместе легче.

Дед рассказывает мне,
Как когда-то о войне
Слушал он рассказы деда
Про бои и про Победу.

«Жалко, – говорит мне дед, –
Что мне было мало лет.
Мог бы деду пригодиться.
Ох и задали б мы фрицам!»

Возмущаюсь: «Как же я?
Мы же все одна семья!
Я бы тоже на войне
Пригодился вам вполне!»

Наступает День Победы:
Дед идёт с портретом деда,
Рядом я несу медали –
Те, что за отвагу дали.

Шёл бессмертный полк парадом,
С прадедом мы были рядом!

МОИ ЦВЕТЫ

Каждый день я по утрам
Мчусь-бегу к своим цветам,
Поливаю их из лейки,
Восхищаюсь и лелею.
Ах... прекрасны и стройны!
Будете моим подарком
Для защитника страны!

Но когда он уезжал,
Куст в бутончиках стоял,
Позже радовал цветами,
Осенью пылал плодами.
Ах... цветы, цветы, цветы!
Будете моим подарком
Для защитника страны!

*Перевод с татарского
Наиля Ишмухаметова*

КОТЁНОК

Ночь. Солдат Мухтар на карауле. Лес погружён в глубокий сон. Но война и не думает спать: временами то здесь, то там раздаётся шум пулемётной стрельбы.

Мухтар скрыт, его не видно, он только наблюдает и изредка оглядывается по сторонам, когда слышит голоса или шелест травы на ветру: враг – всё равно что змея, подкрадывается незаметно...

Вдруг трава странно зашелестела. По спине Мухтара обжигающей волной пробежал холодок. Он крепче взялся за винтовку и стал слушать.

Как будто кто-то шёл к нему, осторожно пробираясь сквозь сухие заросли... Мухтар долго слушал, а потом решил про себя, что это, видимо, не человек.

Но оно – всё приближалось. И неожиданно – остановилось. Несколько секунд было тихо.

Внезапно Мухтар услышал жалобное мяуканье.

– Мяу! Мяу!..

– Что это? Кто-то подаёт сигнал?

Мухтар испугался. Рядом возникла большая чёрная тень. Мухтар взвёл курок и приготовился выстрелить. Но тень увеличилась в размере, и снова послышалось мяуканье.

Мухтар вгляделся и с удивлением обнаружил, что это совсем не тень, а крохотный котёнок, дрожавший от холода. Он, вероятно, почуял запах человека и теперь, подняв замёрзшую лапку, протяжно подавал голосок:

– Мяу! Мяу!

Мухтар успокоился, волнение разом прошло, он вдохнул и быстро выдохнул. «Ну и напугал же ты меня, чертёнок», – нежно сказал Мухтар котёнку, подозвав к себе. Котёнок, аккуратно приминая траву, подбежал к Мухтару, внюхиваясь холодным носом в незнакомца, ласкаясь и мурлыча.

Мухтар взял его на руки и, чтобы тот не привлекал внимания долгим заунывным мяуканьем, положил к

себе вглубь телогрейки. Котёнок, почувствовав тепло, заснул...

Утром Мухтар возвратился в блиндаж и там, взяв на колени, покормил ночного гостя молоком. Командир, став свидетелем этой сцены, спросил:

- Ты откуда его взял?
- На карауле, сам ко мне подошёл.
- А-а... Из Сосновки, наверно...

Сосновка – деревня, оккупированная немцами и расположенная в трёхстах метрах. Она почти разорена, лишь два-три дома в низине отчего-то стояли целыми и нетронутыми.

Котёнок был худ; бледно-серую, похожую на золу шерсть его давно никто не расчёсывал. Несколько дней подряд котёнка кормили, и шерсть его стала гладкой, с блёстками. В блиндаже он, играя, бегал из угла в угол. Мухтар привязал к нитке деревянную стружку и в свободное время с интересом наблюдал за тем, как котёнок пытался эту стружку, изворачиваясь и падая, поймать, когда Мухтар слегка дёргал нитку или ходил с ней по блиндажу. В такие часы он обычно ни с кем не разговаривал и не оборачивался. Ему представлялось, будто он находится теперь не в грязных окопах, а у себя, в чистом и прибранном доме с белой печкой. Около печи, воображалось ему, сидит Зубайра, дочка трёх лет, и весело играет с котёнком. Вот она бежит с длинной верёвкой по скрипучему полу. Котёнок бросается и пробует поймать конец верёвки; это не всегда удаётся, но когда он всё же пойман, котёнок начинает его смешно кусать и волочить в зубах по всей комнате. Зубайре радостно, она смеётся, хлопая в маленькие ладоши. Смотрит горящими глазами на отца и приговаривает: «Ати¹, посмотри-ка, посмотри». Глаза её – как две полевые ягодки, хохочут беспрестанно, а смех – лёгкий, прерывистый, словно падающие звонко на пол жемчужные камешки. Этот смех нельзя забыть, он проникает глубоко в душу, берёт за живое, пробуждая

¹ Буквальный перевод с татарского – «папа», «отец».

чистые отцовские чувства. А котёнок тем временем, заигравшись, теряет верёвку, подпрыгивает, задирая хвост, и снова ищет. Зубайра же тянет петлю на себя и бежит, бежит весело вслед за ним... Отец улыбается, глядя на плечи и крохотные пятки Зубайры, две агатовые пуговицы...

Тут послышался твёрдый и настойчивый голос:

– Мухтар!.. Мухтар!.. Мухтар, говорю! К командиру! Командир зовёт!

Мухтар пришёл в себя, ему показалось, будто его только что разбудили. Сон растаял как снег, и из всех настоящих картин явилась лишь картина с котёнком. Мирную, домашнюю обстановку сменил военный блиндаж, а Зубайра осталась за тысячи километров отсюда.

Озорной котёнок уже освоился на новом месте, успел заглянуть во все блиндажные углы. Иногда он выходил на нейтральную полосу, находившуюся между нашими и немецкими укреплениями. Немцы, слышав шелест травы, пугались и открывали огонь из пулемётов и автоматов или оставляли на том месте пехотные мины. Котёнок же безнаказанно покидал пустую зону, усаживался у края какого-нибудь окопа или траншеи, ложился на бок и, временами поднимая пушистые уши, наблюдал за тем, как свистят пули вокруг. Когда бешено летящие пули попадали, застревая, в землю, он ловко, вмиг подскакивал, стараясь лапкой играючи их зацепить. Глядя на него, можно было подумать, будто он ловит жёлтых бабочек...

Когда заканчивалась стрельба, в блиндаже начинались разговоры о смешном геройстве котёнка. Он же, едва покосившаяся дверь блиндажа открывалась, быстро пробежал мимо многочисленных ног, вскакивал на колени к Мухтару и скромно садился, а потом с усталым видом, будто в чём-то провинился, мяукал, прося молока. Речь шла о нём, а он и не замечал разговоров, лёжа с закрытыми глазами на коленях Мухтара...

Однажды котёнок пропал. Ни в этот день, ни в другой он не возвращался... Мухтар был обескуражен. Потерялось единственно близкое ему существо, вызывавшее в памяти любимую Зубайру. Мухтар втайне грустил. Однако надежда встретить котёнка появилась, когда был дан приказ наступать.

После первой атаки враг оставил Сосновку. Дома в низине страшно горели, их подожгли немцы перед отступлением. Мухтар с винтовкой на плече отправился к этим домам. Он уже подходил, когда мимо пронёсся снаряд небольшой величины и разорвался, задев солдата расплывающейся в воздухе огненной волной. Мухтар

прикрыл лицо обшлагом телогрейки, согнулся и отскокил что было силы. Обойдя один из домов, он вышел на противоположную сторону и остановился как вкопанный: к нему бежала окровавленная женщина без платка, с чёрными распущенными волосами, и не своим голосом, рыдая и захлёбываясь, кричала:

– Сына!.. Сына убили!.. Сына!..

Мухтар поспешил к ней на помощь. Женщина держала в руках небольшой свёрток в белых пелёнках, из которого сочилась густая багряная кровь.

– Немцы?

Женщина задыхалась:

– Приказал выйти из дома, грозил сжечь... Я не вышла... Он ребёнка убил... Сына...

Женщина плакала. Мухтар, полагая, что мальчик, возможно, ещё жив, взял свёрток в свои руки, развязал пелёнки и ахнул, словно его ударила молния: ребёнок был мёртв, но в руках он держал котёнка – того самого, которого когда-то приютил Мухтар у себя в блиндаже. Голова котёнка была пробита шальной пулей, а на груди годовалого мальчика зияла кровавая дыра. Глядя на него с ужасом, Мухтар вспомнил Зубайру. Сердце стало учащённо биться, в душе накопал праведный гнев.

– Куда? Куда он ушёл? В какую сторону? Голову этой гниде сверну!

Женщина указала рукой. Мухтар оставил ей ребёнка и твёрдым, уверенно-чеканным шагом направился в лес. Он торопился, тело его дрожало от злобы, и он беспрестанно, как молитву, повторял одни и те же слова:

– Не смоешь кровь детей!.. Не смоешь... Дочь мою хочешь так же... Не выйдет!.. Не смоешь кровь детей безвинных, гадина проклятая!..

Действующая армия.

Апрель 1943 года.

*Перевод с татарского
Рината Бекметова*

ДЕДУШКА

Взял я без спроса награды у деда,
Чтоб на себя их надеть в День Победы.

Дед в этот день только шкаф открывает,
Смотрит на них и тихонько вздыхает...

И на парад в этот раз не идёт –
Дома сидит, чай с сухариком пьёт.

Я остороженько лез за медалями.
Хлоп – все медали вдруг на пол упали.

Дед, став серьёзным, сказал мне: «Послушай,
Что расскажу я тебе, друг Ванюша...»

Жёлтую звёздочку поднял он с пола:
«В этой награде – военный осколок.

Памятью этот осколок зовётся...
Эта звезда просто так не даётся!

Знаешь, на фронте служил я в разведке,
К немцам ходить приходилось нередко...

Сутки я был у врага до рассвета.
Карту секретную взял из планшета.

С фрицами рядом стоял я в тот вечер
В форме немецкой и не был замечен.

Немцы уснули – я карту забрал.
Что в этой карте, тогда я не знал.

В ней оказался весь план наступленья.
И опоздай я тогда на мгновенье...

Эта звезда за спасение роты...
Я сообщил командиру пехоты:

Немец в засаде на нашем пути.
Верная гибель всех ждёт впереди...

И получается вот что, Ванюшка:
Звёздочка эта – совсем не игрушка!»

Дед помолчал и покашлял немножко.
Солнце смотрело на нас сквозь окошко.

Мне показалось, я стал выше ростом...
Больше медали не брал я без спроса!

ДЕСЯТЬ СОЛДАТ

Конец марта, зелёная трава пробивается сквозь подтаявший лёд. Чёрные силуэты грачей видны на деревьях. Надо же, все прилетели, вернулись в свои родные гнёзда, отметила я, захлопывая калитку и делая шаг во двор.

– Проходи, проходи. – На пороге дома меня ждала бабушка. – Раздевайся. Будешь чай с пирожками?

– С радостью, – ответила я, падая в мягкое кресло у стола.

– Вот, посмотри, собрала все документы деда, как ты просила, – сказала она, раскладывая передо мной маленькие книжечки с выцветшими страницами.

Самая большая среди них исписана чернилами: Волховский, Ленинградский, Северо-Западный, Украинский фронты с 1941 по 1945 год. Настоящее свидетельство о событиях того времени, в которых мой дедушка принимал участие.

Он не любил рассказывать о войне. Лишь говорил, что там очень тяжело и умереть можно в любой момент.

Но информацию о его подвиге мне всё же удалось восстановить по записям из фронтовой книжки и архива.

События мне показались невероятными и напомнили подвиг панфиловцев.

Дело было так:

«12 февраля 1945 года Михаил Добрынин с командой занимался сбором трофейных автомашин в городе Будапешт.

В это время колонна немцев, прорвав окружение, пыталась пробиться на северо-западную окраину города. Заметив это, группа бойцов из десяти человек заняла оборону на перекрёстке улиц. Создав несколько огневых точек, постоянно меняя позиции, наши солдаты приняли неравный бой. Внезапно открытый огонь заставил залечь врага, приостановил его движение.

Бой длился целый день, огонь не прекращался ни на секунду. Десять солдат победили противника, который по численности превосходил их более чем в шестьдесят раз.

В результате сражения были убиты 200 и взяты в плен 437 немецких солдат и офицеров».

– Невероятно! – сказала я, прочитав выписку из архива.

– Что-то он говорил про Будапешт. Кажется, слух у него пропал после этого боя, потом так полностью и не восстановился, – добавила бабушка. – Подожди, совсем забыла. Орден покажу. – Она вышла в другую комнату, а я задумалась.

Чувство гордости и радости наполнило меня.

В этот момент бабушка вернулась:

– Смотри, это орден Славы третьей степени.

Я аккуратно взяла его, положила на ладошку, погладила.

Теперь я знаю, какое событие стоит за этой наградой...

БУМАЖНЫЙ ПАПА

Не лежит на полке шляпа,
Не включается камин...
«А когда вернётся папа?» –
Вопрошает маму сын.
На дворе глухая осень.
По ночам стоит мороз...
Этим каверзным вопросом
Он довёл её до слёз.
На ресницах капли влаги,
В сердце – детский голосок.
«Сделай папу из бумаги, –
Попросил её сынок.
– Ничего, что он – бумажный.
Мы не скажем никому.
Он ведь сильный и отважный.
Я с собой его возьму».

ВОЙНА КОНЧИЛАСЬ

Война закончилась за пятнадцать лет до моего рождения. Естественно, что ни я, ни мои младшие сёстры её не видели. Мы читали повести, рассказы и стихи о ней, ходили с родителями на парады Победы, смотрели художественные и документальные фильмы. Но нам повезло: всё, что мы знаем о войне, нам не довелось испытать на себе. Видеть на экране и читать в книге – это совсем другое. Ты ведь знаешь, что, как бы ты ни переживал описываемое или показываемое, на самом деле всего этого сейчас уже нет. На самом страшном месте книжку можно закрыть, а телевизор – выключить. И всё. И нет никакой войны.

Во дворе я играл с ребятами в войну. Тогда во всех дворах можно было увидеть, как мальчишки бегали с вырезанными из досок «автоматами», а то и просто палками, в «атаки», кричали «ура» и в итоге всегда побеждали всех «врагов». Ими назначались такие же мальчишки, но помладше, потому что «пленными немцами» добровольно не хотел быть никто.

Я любил фильмы про войну, такие как «Отец солдата», «Баллада о солдате», «Подвиг разведчика», «Два бойца», «Жди меня» и другие. Тогда было много хороших фильмов, в том числе и документальных. Вместе с нами их смотрела мама. Однажды я заметил, что в определённые моменты просмотра она вдруг исчезает из комнаты. Поскольку это повторялось постоянно, я обратил внимание на эти моменты из фильмов. Они были разными, но общим в них было одно: с жутким воем пикирующие немецкие бомбардировщики. Как только возникал этот звук, иногда даже без показа самих самолётов, мама буквально испарялась из помещения. Долгое время это оставалось загадкой для меня.

... Когда началась война, моя мама была пятилетним ребёнком и ни в каких сражениях, естественно, не уча-

ствовала. Но она, как и её старшие сёстры и моя бабушка, оказалась тогда в особом месте – в блокадном Ленинграде. В её детской памяти запечатлелись от той войны на всю оставшуюся жизнь два момента: ощущение вечного, непрекращающегося голода и этот невообразимо страшный вой пикирующих самолётов.

Много раз она пыталась рассказать об этом и не могла, потому что вспоминать было невыносимо.

В сорок втором году семью мамы эвакуировали. Во время переправы через Ладожское озеро их в упор расстреливали с самолётов. Представьте себе: маленькая, худенькая русоволосая девочка с большими глазами, какой я видел её на единственной сохранившейся довоенной ленинградской фотографии, и огромные пикирующие на неё с воем и стрельбой фашистские самолёты. Какое было этому ребёнку? Какой безумный ужас пережила её детская душа в те мгновения? С чем это сравнить? Не знаю. Не с чем. Мама помнит, как моя бабушка обняла плачущих дочек, накрыла их собой и начала молиться о том, чтобы их убили вместе, чтобы не оставляли страдать никого...

Прошло много лет. Очень много. Моя старенькая мама ещё жива. Но всякий раз, когда где-нибудь случайно она слышит тот самый знакомый ужасный звук, она прячется. Да, прячется ото всех, и нужно бежать скорее за ней, найти, обнять и сказать тому плачущему ребёнку с морщинистыми старческими руками: «Мама! Война кончилась, мама! Кончилась война...»

КАЛЕЙДОСКОП

Три мальчика в зелёный выходной
Затеяли игру с калейдоскопом,
А лето пахло тмином и укропом
И звякало уздечкою стальной.

Три мальчика в картонную трубу
Разглядывали пыльную дорогу,
И рощицу, и пёструю сороку,
И близкого бессмертия тропу.

Саранки первобытные цвели,
И муравьи справляли новоселье.
Три мальчика рассматривали землю –
Извечные хранители земли.

И каждый видел что-нибудь своё,
Звеневшее то облаком, то сталью...
А над судьбою каждого – за далью
Мерцало и кричало вороньё.

Хотелось им над Родиной кружить,
Разворошить заоблачные дали,
Но серые кукушки подсчитали,
Кому и сколько в этом мире жить.

...И вот земля ударила в набат.
Такой смертельной не было кручины...
Три мальчика – безусые мужчины –
Из тишины пришли в военкомат.

Их ждали автоматы и окоп,
Им выдали по новенькой пилотке...
Три мальчика погибли на высотке.
Где прятали в траве калейдоскоп.

ВСТРЕЧА

Вот что рассказал мне ветеран войны и труда, бывший водитель Луганской автоколонны 2185 Николай Химич, принимавший участие в боях за освобождение Ростова от немецко-фашистских захватчиков.

★★★

Это было в феврале 1943 года. Наши части с боями продвигались к Ростову, и чем ближе мы подходили к городу, тем больше волновался мой друг Алексей Сидорчук.

Друзья причину знали: в Ростове осталась его семья – жена и два сына; младшему из них исполнилось пять лет.

По своему характеру Алексей был весёлый и находчивый, даже в самой тяжёлой, казалось бы, безвыходной ситуации он не падал духом. А тут сдал, несмотря на все наши старания поднять его настроение. Да и как это сделать, если фашистские изверги в каждом отбитом нами городе, селе оставляли страшные следы своих преступлений. Мы видели разорённые или дотла сожжённые дома, расстрелянных или повешенных ни в чём не повинных наших людей. Всё это ещё больше усиливало ненависть, когда мы шли в бой с проклятой фашисткой нечистью.

14 февраля наши части вошли в Ростов. Алексей попросил у командира разрешения отлучиться на поиски семьи. Вместе с ним пошёл и я. Улица, на которой жил мой друг, находилась на окраине города. Из-за бесконечных развалин дорога казалась ещё длиннее, в редких уцелевших домах по очереди грелись солдаты. Вот и дом Алексея. Часть крыши раскрыта, выбитые стёкла заменены фанерой, картоном или заткнуты тряпками.

Алексей не выдержал, побежал, но внезапно остановился и обернулся ко мне:

– Коля, не могу я, зайди первым. Если увидишь женщину, попроси её погреться, а я потом...

В доме я увидел много солдат. После жестоких морозов и всех лишений фронтовой жизни какой отрадой для каждого из них было обогреться хоть и не в родном, но гостеприимном доме, хлебнуть кипятка, дать отдых натруженным ногам.

– Можно обогреться? – громко спросил я с порога:

– Заходи, – отозвался один солдат, – да дверь закрывай, здесь маленькие дети.

Я увидел и хозяйку; она что-то делала у плиты и, повернувшись ко мне, негромко сказала:

– Заходите, заходите, располагайтесь, как вам будет угодно. Где-то и наш отец, если живой, просится погреться. Отдыхайте, родные, да быстрее гоните эту проклятую немчурку. Сколько мы горя натерпелись от них.

Алексей уже стоял рядом со мной. Прикрыв лицо рукой, он сквозь пальцы смотрел на мальчика. Тот подходил к бойцам и заглядывал каждому в лицо. Вид у него был истощённый и бледный; солдаты давали ему кто кусочек сахара, кто ломтик хлеба. Мальчик радостно принимал подарки и тихо благодарил, продолжая двигаться дальше. Женщина, заметив, что бойцы обращают внимание на её сына, объяснила:

– Всё отца ищет, ночью схватится и спрашивает: «Мама, папа ещё не пришёл?»

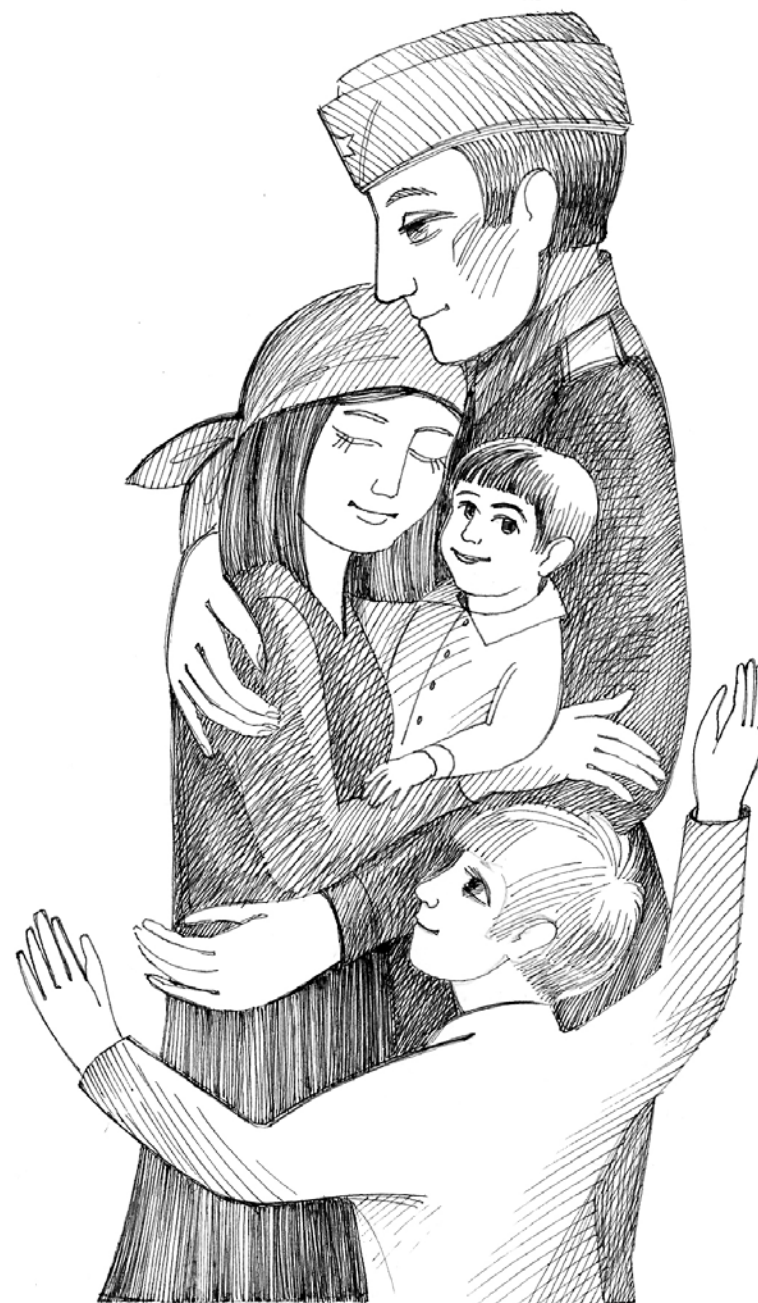
Пока она говорила, мальчик уже подходил к нам. Алексей присел на корточки, открыл лицо и полными слёз глазами смотрел на сына. Мальчик сначала оторопел, а затем, не трогаясь с места, закричал что есть мочи:

– Папа, наш папа пришёл!

Загрохотала упавшая на пол посуда. Бледная, с широко раскрытыми глазами, к нам торопливо пробиралась женщина.

Я отошёл в сторону; посхватывались сидевшие солдаты; все смотрели на троих сплетённых в объятиях людей.

Трудно представить себе, что они тогда испытывали, если даже спустя годы я не могу без волнения вспомнить эту встречу.

СИРОТА

Палисадники,
Пихты –
Станция Юшала.
У него из родных тут
Лишь Россия была.

Он с котомочкой тощей,
Как взрывною волной,
На вокзальную площадь
Был отброшен войной.

И под небом весенним
В сорок трудном году
Зарабатывал пеньем
Он себе на еду.

Пел он плохо и жалко.
Но плясал – как цыган!
Мурашами бежали
Цыпки вверх по ногам.

Мог сыграть и на ложках
О ладошку руки.
В кепку падали гроши,
Звякали медяки.

Вся в мазуте и саже
Телогрейка была.
Тётя Нюра однажды
В дом его привела.

Тётя Нюра в ушате
Замочила бельё...
То ли брызги на платье,
То ли слёзы её...

ЧЁРНО-БЕЛЫЙ ДЕНЬ

(отрывок из рассказа «Беженцы и возвращенцы»)

– Фёдор Степаныч! Поезжай, забери детей и вывози из города! – Антонина Михайловна бросила в огонь очередную стопку бумаг и подняла глаза на пожилого мужчину, топтавшегося возле. – Давай! Давай! Делай что говорю! Только что звонили – немцы в город входят.

– А вы-то как же? – Мужичок, казалось, не торопился уходить, хотя глаза его забежали при последних словах и руки сжали меховой малахай так, что побелели косточки пальцев.

– Иди уже, – умоляюще выдавила Антонина. – Видишь ещё дел сколько!

Действительно, вокруг неё на полу, столах, полках кипами были сложены бумаги, которые начальство перед отъездом приказало сжечь немедленно. С вечера их жгли во дворе, а теперь костёр из бумаг пылал посередине кабинета, со стен которого смотрели на происходящее Ленин и Сталин. Оставалось пачек тридцать-сорок. А времени – не более часа.

«Почему рукописи не горят? – тоскливо подумала Антонина. – Секретные бумаги не хотят расставаться со своими секретами...»

Мысли о детях, оставшихся в горкомовском доме, откуда все семьи были эвакуированы ещё накануне, заставили её ускориться. Степаныч ушёл, работа без его вздохов и покашливаний пошла веселей. Впрочем, весёлого было мало – немцы в городе, дети одни, на улице ноябрьский холод.

– Дай бог, успеет Васютку с Анечкой вывезти...

Что это ей пришло Бога вспомнить? На Бога надейся, а сам не плошай... А вот оплошали же! И первый секретарь Тихвинского горкома партии, и помощники его... А она кто? Тоже помощница – второй секретарь как-никак... Вот и разгребает за всеми... Списки... Протоколы... Постанов-

ления... Может, немцам-то они без надобности... А если фамилии чьи-то попадут? В городе могут семьи остаться... Пермины не успели уехать – отец при смерти лежит... Не бросишь, и с собой его никак... У Зотовых сноха на сносях – родит вот-вот... А Фридманы за дом уцепились – только построенный: хозяйство, огород, скотина...

У Антонины кроме детей – никого. Мужа накануне войны арестовали и сослали неизвестно куда. За него и её хотели из партии исключить и следом отправить, да послушной список не позволил. Посоветовали фамилию сменить, вот и превратилась она из Храпцовой в Филиппову. На том всё и успокоилось.

Стала слышна канонада. В соседнем дворе взорвался снаряд, и окна кабинета влетели внутрь, обдав её дождём битого стекла.

– Давай! Давай! – Антонина с яростью раскидала бумаги по всему полу, скрутила несколько листов жгутами, подожгла и начала подпаливать ворох со всех сторон. Когда пламя ярко засияло, она вскрывала оставшиеся пачку за пачкой и рассыпала поверх огня. Затем комкала листья и швыряла, швыряла, швыряла...

Огонь перебросился на мебель и стены. Обои сворачивались, дерево трещало, лак на ножках стульев и столов пузырился. Стало нечем дышать. Она подошла к окну и замерла: в конце улицы высоко поднималась снежная завеса, смешанная с чёрным дымом от горевших домов. Смешение чёрного и белого могло показаться красивым или даже волшебным зрелищем, но только не сегодня. Тем более что из этой взвеси, будто из-за театрального занавеса, показалось сначала круглое отверстие танкового ствола, а через мгновение и сам танк. Первый... Второй... Третий... Какая тишина! Почему не слышно выстрелов? Только лязг гусениц ближе... ближе...ближе...

«Всё!» – подумала Антонина Михайловна. Оглянувшись, поняла, что отрезана от двери огнём, и начала выбираться через окно во двор. Спрыгивая в сугроб,

услышала, как над головой что-то чирикнуло, и щепки посыпались ей на голову. Она нырнула в горкомовский гараж, из которого задняя дверь выходила на соседнюю улицу, а там проходными дворами – на следующую.

«Бежать! Бежать! Дети!.. Домой бы заглянуть, вещи какие взять... Степаныч вывез... Васютка умный, хозяйственный – должен был собрать и свои, и мои вещи, и Нюрочкины, конечно... Бежать!» Мысли клубились и были похожими на ту чёрно-белую пелену, в которой сплетались безответные хорошее и дурное предчувствия.

Уже в лесу она тяжело ухнулась в снег под кряжистым вязом и уткнулась лицом в колени.

Фёдор спустился с крыльца и проворчал под нос:

– Немцы в городе, а я должен её дитёв спасать, вишь ли... А моя Харитина сиди-дожидайся? Вот уж дудки!

Он с оттягом хлестанул лошадь:

– Пшла, прорва!

Лошадь взвилась и погнала по улице, взметнув снежную пыль, поскрипывая полозьями, заваливая на ямах и канавах то вправо, то влево сани.

Васёк сидел на подоконнике и смотрел в окно. Ему ужасно хотелось стонять посмотреть, что происходит в городе. Видны были пожары, слышались отдалённые выстрелы, взрывы, грохот орудий, по улице то и дело пробегали какие-то люди.

«Эх, сейчас бы тоже туда рвануть! Мама, конечно, не пустила бы, но её со вчерашнего дня нет дома... Если бы не сестра... – тоскливо думал он. – И Фёдор Степанович должен вот-вот заехать за нами...»

Мысленно он бежал в атаку, строчил из пулемёта по вражеским солдатам в серых касках, похожих на ведра с узкими прорезями для глаз, какие он видел в фильме

«Александр Невский». Жалко, что кино чёрно-белое. Победа над фашистами представлялась в цвете. Конечно, немцы не рыцари Ливонского ордена, но хорошо бы их заманить на Царицыно озеро или Шугозеро – и под лёд с танками, орудиями...

Размечтавшись, Вася чуть было не просмотрел Фёдора Степановича, летевшего к дому. Он быстро начал одевать Анютку. Вещи – чемодан с одеждой и корзинка с едой – давно стояли у порога. Поставив сестрёнку на площадку к дверям, мальчишка на ходу натянул ушанку, запрыгнул в валенки и, последний раз оглядев квартиру, убедившись, что ничего не забыл, подхватил вещи. Дверь захлопнулась с каким-то незнакомым звуком, похожим на всхлип. Возможно, она всегда закрывалась именно так, но никогда и никто на это не обращал внимания.

Они спустились по лестнице вниз, вышли на улицу, но ни Фёдора Степановича, ни саней рядом с домом не оказалось. Холодный ветер бил в лицо, забирался под одежду, и очень скоро пятилетняя Анечка начала хныкать. Вообще-то она была, в отличие от остальных девчонок, совершенно не капризной и не привередливой. Васёк подумал, что от такого ветра и мороза как бы самому бы не заскулить:

– Где же дядя Федя?

Из дома напротив выбежали одноклассники – Мишаня с Ильёй.

– Васька! Там танки идут! Мы в окно видали! Драпать пора – наших в городе никого, все солдаты к лесу отступили!

Вася посмотрел на сестрёнку, потом на друзей.

– И чего разорались! Идём спокойно к станции, а там посмотрим. Малышей нехорошо пугать!

Дети медленно, не поднимая головы, двигались по городу, который занимали враги. Немецкие солдаты шли длинной колонной, впереди медленно катили огромные грохочущие танки. Город вымер. Мальчишки видели в не-

которых окнах испуганные и тревожные лица знакомых и незнакомых людей, не успевших бежать. Они шли, скованные страхом и взмокшие, как после хорошей бани. К счастью, немцы не обращали на них никакого внимания – идут и идут себе. Привокзальная площадь, куда они добрались наконец, на их глазах превращалась непрошенными гостями из рыночной в прифронтовую: сооружались боевые точки, устанавливались зенитки и орудия. Чтобы не попадаться лишней раз на глаза немцам, путь выбрали обходной, через дыры в заборах, лазы, известные только тем, кто до войны играл здесь в войнушки, догонялки и прятки. Выбравшись подальше от вокзала, вся компания облегчённо выдохнула – немцев не было. Немного посоветовавшись, мальчишки пошагали к разъезду, возле которого летом в кустах они наткнулись на старую, отслужившую свой век и списанную на металлолом дрезину.

– Да-а-а... Самим такую не вытащить! Надо кого-нибудь из взрослых найти... – Мишка почесал затылок, увидев торчащую из-под снега агрегатину.

– Щас! – Илья мгновенно обежал несколько домов и привёл двоих – старого деда и мальчишку, которому было примерно так же лет двенадцать.

Спустя час откапывания и пыhtения по вытаскиванию и установке дрезины на рельсы всё было готово. Удивительно, что, пролежав под дождями и снегом неизвестно сколько времени, она оказалась вполне исправной. Тяжело поскрипывая, дрезина двинулась вперёд в сторону Ленинграда. Город провожал беглецов чёрным дымом на белом небе.

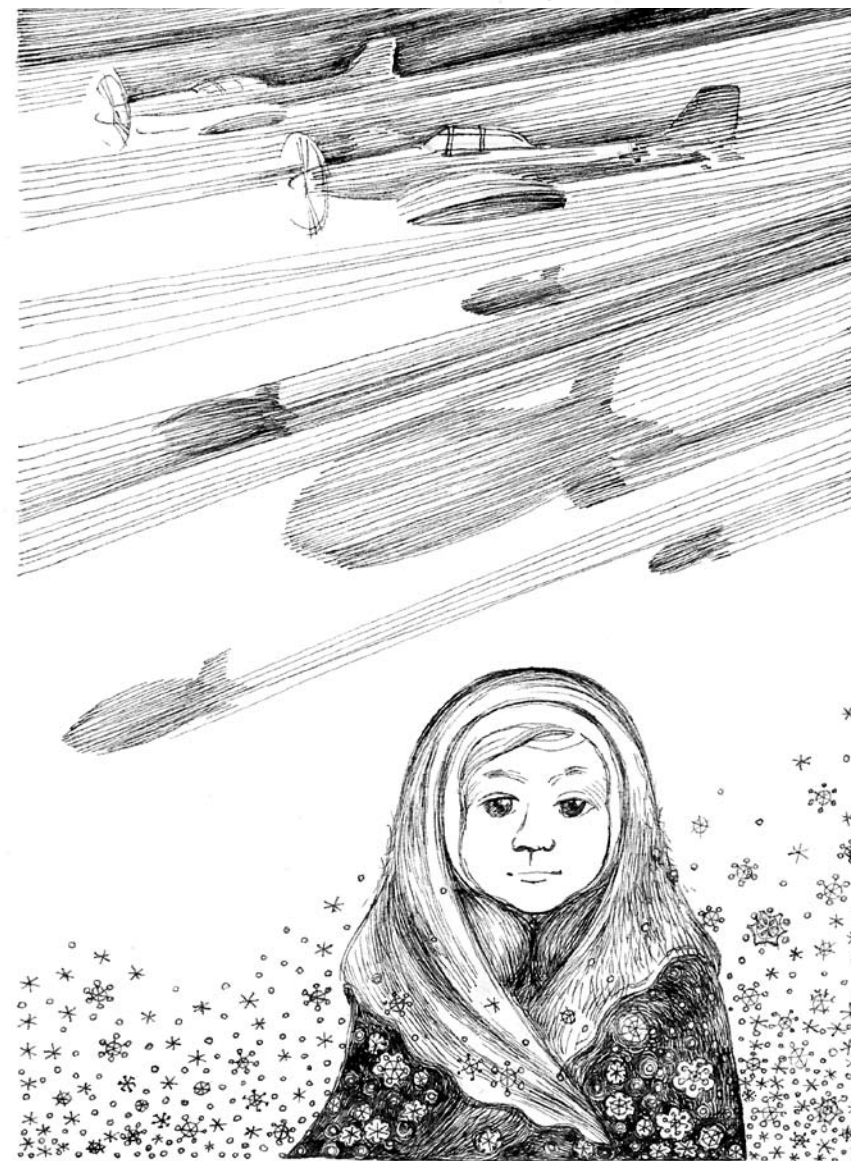
Мы не ползли под обстрелом
По хуторам обгорелым,
Не коченели от стуж.
Мёрзлую землю не рыли.
Каской в походах не пили
Ржавую воду из луж.

Нас не пытали в гестапо
И не везли по этапу
В рейх из российской глуши.
Что ж так остра в наших генах
Память о бедах военных –
Горькая ноша души?

Мы из военного теста.
Боль Сталинграда и Бреста
Спрятана в нашей крови.
Мы из родительской боли
Вырвались, как из неволи.
Родина, благослови!

Родина благословила.
Света с избытком хватило.
Всё засияло кругом.
Мы родились под салютом
Трудной победы над лютым
И ненавистным врагом.

Небо нам с вами досталось
Мирное, но оказалось –
Мы в промежутке живём.
Дети ползут под обстрелом,
Дети встают под прицелом
Над обгорелым жнивьем...

ДЕД И ВНУЧКА

*Памяти жертв Холокоста:
«Мир везде и всюду одинаков»
Александр Межиров*

«Мир везде и всюду одинаков», –
Поучает внучку мудрый Мойше.
– Жаль,
но больше нет родимой Польши,
Мы должны покинуть милый Краков.

– Не кручинься, будет всё в порядке,
Ты и там найдёшь себе подружку.
Не забудь любимую игрушку,
Карандаш, учебник и тетрадки.

Всё стучат усталые колёса...
Внучка деда теревит упрямо:
«Что за звёздочку пришила мама
К распашонке маленького Йоса?»

– Мы зовём её звездой Давида... –
Дед заводит долгую беседу.
– Сядь-ка смирно – эка непоседа! –
Мойше даже сердится – для вида.

– Боже мой!
Какие заусенцы!
Грызла ногти?
Плохо мыла руки?
А в глазах –
польнь вселенской муки.
Вот и всё.

Приехали.
Освенцим.

МАТУШКА ПЕЛА

Снова глаза закрываю несмело,
Вспомнить пытаюсь детство своё...
Помнится только: матушка пела...
Песней наполнено сердце моё.

Зимами злыми над прорубью белой
В стылой воде полоская бельё,
Вся коченея, матушка пела.
Песней наполнено детство моё.

Больше она ничего не имела.
Только свой голос. Свой – ножевой.
Не было хлеба. Матушка пела,
И оттого я остался живой.

Рядом война полыхала и тлела.
Сытым ходило одно вороньё.
Вдовы рыдали. Матушка пела.
Песней наполнено детство моё.

Минуло время, память немела.
Но без войны я не прожил и дня.
Все эти годы матушка пела.
Это, должно, сохранило меня.

Мы отнесли её лёгкое тело
На вековечное поле-жильё.
Всё мне казалось: матушка пела.
Песней наполнено сердце моё.

ИГРА В ВОЙНУ

В пустых обугленных полях
 Война оставила работы!..
 А мы седлали, как телят,
 Ободранные самолёты.
 В войну играли.
 И легко
 В степи у глиняного дота,
 Раскинув руки, как в кино,
 Красиво падала «пехота».
 Искали бабы по дворам
 Детей, но из глухих укрытий
 Им отвечала детвора:
 – Домой нельзя нам.
 Мы – убиты.
 Их воскрешала на заре
 Живой водою кружка кваса.
 А мне везло. Везло в игре –
 Всегда живым я оставался.
 И оттого в степной глуши
 В ночном холодном карауле
 Я не заметил, как прошли
 Сквозь грудь мою шальные пули.
 Стреляли где-то соловьи,
 Скрываясь среди лесных угодий,
 Но раны вещице мои
 С той ночи ноют к непогоде.

ТЕЛЬНЯШКА

Голубая луна над тыном.
 Крынки, полные тишины.
 И старушка с тельняшкой сына,
 Не вернувшегося с войны.
 Боль и нежность в глазах раскосых.
 Седина по всему виску.
 И семнадцать мальчишек босых,
 Получивших по лоскутку.
 Пахла дымом она и морем,
 Якорями, кормой, смолой...
 Тот подшитый кусочек горя
 В океане всегда со мной.
 Волны-идолы пляшут, пляшут...
 Не вернусь –
 Далек в селе
 Мать разделит мою тельняшку
 Всем
 Оставшимся на земле!

Я помню, мать у прокопчённой печки,
 Усталая, собирая нас ко сну,
 Ножом сточённым при мерцанье свечки
 Делила хлеб в прошедшую войну.

И почитаю за большое счастье
 Воды студёной из реки испить,
 Где, замерзая, на четыре части
 Сумели люди спичку расщепить.

Костры их гасли и опять адели
 В снегах, где шёл дружиною Ермак...
 Шесть тысяч лет мы нашу землю делим
 И всё не можем поделить никак.

ВОСПИТАНИЕ ПОДВИГОМ

ЭЛЬДАР АХАДОВ

РУССКИЕ

Вспомним тех,
кто в небе внемлет всем речам между людьми,
Защитивших эту землю и полёгших в ней костями;
Бородатых и безусых, ворчунов и остряков,
Украинцев, белорусов, осетин и остяков,
Телеутов, кабардинцев, эрзя, вепсов, чувашей,
И тувинцев, и даргинцев, латышей и талышей,
И якутов, и таджиков, и узбеков, и татар,
И калмыков, и кумыков, и башкир, и тофалар,
Ингушей, азербайджанцев, ненцев, энцев и армян,
Нивхов и табасаранцев, и евреев, и цыган,
Удэгейцев, хантов, коми, и казахов, и грузин,
И других, которых помнит поимённо Бог один...
В дни победного парада там, пред Ним – в одном строю
Все, кого враги когда-то звали РУССКИМИ в бою.

КРЕПОСТНАЯ СТЕНА

Всё травой поросло.
 Крепостная стена.
 Тот же вид неприступный.
 Немые бойницы.
 Кто-то около рва
 о пощаде стенал
 и просил перед смертью
 о нём помолиться.
 Гриф слетел со скалы,
 словно с плеч голова...
 Сколько их полегло
 меж камней этих древних!
 Закипала вода.
 И горела трава.
 И солдатами падали наземь деревья.
 Здесь враги
 не носили победных знамён,
 серых лестниц тяжёлых твоих не стирали.
 Не писали герои на скалах имён –
 Если Родине надо, они умирали...

ПЕРЕПРАВА

Нашу баржу разбил снаряд.
 Жадно воздух хватаю ртом.
 И с шипеньем осколков град
 Жгучим воду пронзил кустом.

Среди гребущих поодаль тел,
 Каждый к суше доплыть бы рад,
 Но течение и артобстрел
 Топят нас, как слепых котят.

Я держусь из последних сил.
 Тянет глыбой вниз автомат.
 Уж исчез тот, кто справа плыл,
 Впрочем, слева плывёт комбат.

Только нас и на берегу,
 Кроме смерти никто не ждёт,
 В этом адском густом кругу,
 Знать, настанет и наш черёд.

Вижу ранен комбат в плечо
 И окрасил собой поток,
 И, поняв, что уж обречён,
 Свой последний хлебнул глоток.

Я плыву, я стараюсь, но
 Я уже не в числе гребцов,
 И, обмякнув, иду на дно,
 На ковёр из немых бойцов.

СОВЕТСКИЙ СОЛДАТ

А ветер бьёт крылами и свистит,
Разорванные клочья чёрных туч
По небу мчатся;
Дождь всё моросит,
Дорогу покрывая сотней луж.

С защитных касок за ворот течёт
Вода, студит и обжигает грудь,
Шинель насквозь промокла, ветер бьёт
Подол набрякший.

Непомерный груз.

Несёт солдат: гранаты на ремне,
Запалы в вещмешке, патронов цинк;
Спина вспотела и парит шинель,
От лямок ноют плечи, но бойцы

Не ропщут.
У солдат в недостатке сил,
По венам кровь пульсирует рекой,
Их дальний марш-бросок не подкосил,
Сердца горят одним желаньем – в бой!

В кармашке на груди у всех солдат
Хранятся письма из родимых мест,
И каждый на святыне клятву дал,
Что будет беспощадной его месть.

Мы не жалеем сил... Придёт пора,
За Родину и жизни отдадим;
На шквал огня мы с возгласом «Ура!»
Набросимся.

Победа – впереди!

1943 г.

*Перевод с татарского
Наиля Ишмухаметова*

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА «ПОСЛЕДНИЙ ОСТРОВ»

Вместе с восходящим солнцем немцы открыли неприцельный огонь из пушек и миномётов.

Танки показались неожиданно и не из леса, откуда по всей логике должны были идти, а нахально – на узкой просёлочной дороге, шедшей по самой кромке болота к подножию высоты, на которой находился сам комбат с двумя орудиями. Остальные расчёты занимали позиции правее: у моста взвод Коршунова, а дальше, за маленькой речушкой, как раз напротив леса, откуда на ровное поле и ждали выхода танков, стоял взвод Али Магомедова.

Рассчитывая оказаться в тылу наступающих, капитан Разгонов теперь рискованно выжидал, попрут ли танки прямо на него в походной колонне или же, выходя из лесу горловиной, начнут разворачиваться фронтом, обтекая высоту, подставляя бока взводу Коршунова и захвостья орудиям в засаде.

С каждой минутой нарастал лязг гусениц и рёв мощных двигателей. Не смолкали глухие, ахающие удары в тылу батареи, куда противник перенёс огонь миномётов. Кошмарная, но понятная артиллеристу музыка. И вдруг слух резанули посторонние ноты, словно начали лопаться натянутые до предела струны.

Это умирали кони.

Среди чёрно-красных фонтанов метался на низко-рослом гривастом коньке командир взвода конной тяги старшина Михаил Винокуров. Он пытался вывести лошадей из оврага, поросшего кустами молодого ивняка. Но животные обезумели: рвали недоуздки из рук ездо-вых, ломали в построюмках и орудийных передках ноги, барахтались в вывороченных с корнями кустах, опроки-дывались в воронки. Горячими шмелями осколки вонза-лись в живые тела, и сразу взлетал или предсмертный

храп, или тонкое с болью ржание. Животные не люди, молча умирать не умели.

Первым погиб взвод Винокурова. А мины всё ещё рвались. И вот тогда, словно уже из небытия, взвился гривастый конёк под командиром.

Капитан Разгонов увидел, как всадник с зажатой в правой руке связкой гранат выскочил из дымной полосы обстрела, перемахнул позицию батареи и понёсся пыльной дорогой, огибая высоту.

– Мишка! – закричал пожилой наводчик Федот Гаврилов. – Сдохнешь, дура...

– А-а... Ма-а... – пробилось из гула и лязга уже почти от самого болота.

Понял Иван Разгонов Мишу Винокурова, своего земляка, бывшего бригадира из соседней деревни Гренадёр, с которым они уже два года воевали вместе. Миша кинулся один на танки не просто с отчаяния или из мести за солдат своих, он боялся за командира: если танки не повернут, то ни Коршунов, ни Магомедов не помогут капитану и сами окажутся под ударом с фланга. А Иван Степанович молчит, он должен молчать, он не имеет права обнаружить себя до начала боя и откроет огонь последним. Так было задумано с вечера. С этим расчётом они и занимали ночью позицию у моста через безымянную речушку.

Всадник на коне выскочил из ложбинки так неожиданно, что механик-водитель головного танка, наверное, удивился, слишком поздно заметив в узком визире летящую навстречу лошадь, и не успел сделать нужного поворота. Танк кособоко заелозил правой гусеницей, обрушивая ненадёжную и обманчивую твердь узкой дороги в жирное месиво болотной топи, накренился и медленно, с лентой, завалился набок, подставляя солнцу чумазое брюхо.

Миша проскочил его, но в тот же миг хлётко лупанули очереди крупнокалиберных пулемётов. Смертельно раненный конь дико шарахнулся и боком, с маху, ударился

о второй танк. Старшина, вылетая из седла и падая грудью на башню, успел кинуть связку гранат в моторную часть.

Танк вспыхнул чадящим костром, развернулся поперёк дороги и замер, выставив напоказ чёрно-белый крест на башне, залитый кровью старшины Винокурова.

**ЗДЕСЬ НАДО МНОЙ
ЧЕРЁМУХА В СНЕГУ**

Здесь надо мной черёмуха в снегу,
В осколках тает снегопад над речкой,
Танк
 догорает с ивами во рву,
Светлее полдня раскалённый вечер.
Стих автомат, дымит земля под ним,
Вдрызг сапоги, кровит разбитый локоть.
А рядом дом, он был вчера большим,
Сегодня ни дверей, ни стен, ни окон!

И сад горит,
 что сбитый самолёт,
Скворечник цел,
 упал на тёплый пепел...
Село освободил
 девятый взвод...
Ликуя,
 нас встречает
 только...
 ветер!

**НАС РАССТРЕЛЯЛИ
НА РАССВЕТЕ**

Нас расстреляли на
 рассвете...
Кричала бледная
 луна,
Метался,
 обезумев, ветер,
Горели звёзды и ветла.
Кукушки смолкли,
 гаркнул ворон,
Дождинка
 пала на погон...
Защёлкали
 затворы
 горном,
Трубя приказ и
 приговор...
Нас расстреляли
 на рассвете,
С убитых сняли
 сапоги...
И долго
 недобитый ветер
Молил
 планету:
 «Помоги?!!»

КУРС — НАВСТРЕЧУ ТОРПЕДАМ

(быль)

Сюжетом этого рассказа стала реальная история, герой которой – отец моего однокашника по мореходке, капитан дальнего плавания Николай Васильевич Остапюк.

Тысяча девятьсот сорок третий военный год. Танкер¹ «Советская нефть»² отправлялся в рейс из Владивостока – через Тихий океан – в США, в порт Такома, крупнейший порт штата Вашингтон. Танкер шёл за топливом для нужд фронта.

В годы Великой Отечественной войны танкером «Советская нефть» командовал Николай Васильевич Остапюк.

Быстрые буруны

Вскоре после выхода судна из порта Владивосток на нём проводились учебные тревоги – проверка готовности команды к борьбе за живучесть судна, то есть к заделке пробоины, к борьбе с пожаром, проверка умения действовать в других чрезвычайных обстоятельствах.

После учебных тревог капитан Николай Васильевич собрал экипаж и сказал:

– Вашими действиями я доволен. Больше учебных тревог не будет. Так что если услышите сигнал тревоги, знайте – это боевая. Хотя с подводными лодками немцев в Тихом океане встреча маловероятна, зато японцы патрулируют здешние воды. Известно, что Япония воюет с нашим союзником – США. И уже были случаи нападения японцев на советские гражданские суда, следующие

¹ Танкер – судно, предназначенное для перевозки жидких грузов. Очень часто – нефтепродуктов: бензина, керосина, мазута, сырой нефти, дизельного топлива. Есть также танкеры-водовозы, масловозы, химовозы и даже виновозы. Трюмы танкера называются танками.

² «Советская нефть» – танкер, почти легендарный. В 1932 году правительство Франции наградило всех членов его экипажа золотыми и серебряными медалями за героизм и самоотверженность при спасении в Аравийском море пассажиров горящего французского судна «Жорж Филиппар».

в Америку или обратно. При встрече с подлодкой возможна атака торпедами. Будем начеку.

Говорил капитан спокойно, без пламенных призывов. Его спокойствие и уверенность передались остальным членам экипажа.

С момента выхода из Владивостока пошли вторые сутки. Форштевень «Советской нефти» уверенно разрезал воды океана. Ничто не предвещало опасности. Светило солнце, шалил небольшой ветерок. Вахту на ходовом мостике нёс второй штурман. Опытный матрос-рулевой управлял штурвалом. Николай Васильевич тоже находился на мостике и привычно оглядывал водную гладь океана от бортов судна – до самого горизонта.

Вдруг капитан одновременно с вахтенным штурманом увидели, что к правому борту танкера быстро приближаются четыре буруна. Расстояние до них было ещё довольно значительным.

Неожиданный манёвр

– Торпеды! – воскликнул штурман.

Николай Васильевич тоже понял, что это выпущенные с подводной лодки торпеды. Одна из них метит прямо в середину танкера, три – направляются к его корме¹.

Завыла-завизжала сирена – объявлена боевая тревога.

Казалось, положение безвыходное – сворачивай с курса-не сворачивай, давай-не давай задний ход, торпеды всё равно поразят цель! Командир вражеской подлодки грамотно рассчитал атаку.

– Николай Васильевич! – воскликнул второй штурман.

– Разрешите дать команду экипажу спустить шлюпки и покинуть борт судна!

– Не успеем, – проговорил капитан и тут же скомандовал рулевому:

– Право на борт!

Рулевой до боли в ладонях сжимал штурвал. Капитан разворачивал судно носом на торпеды. Казалось, он решил встретиться со смертью лицом к лицу.

– Погибнем!.. – прошептал рулевой.

¹ Корма – задняя оконечность судна.

– Одерживай! – прозвучала вторая команда капитана. И – следом:
– Лево десять по аксиометру!.. Прямо руль! Хорошо. Так держать!

Танкер входит в коридор

Когда судно установилось на курсе, капитан повернулся на мгновение к рулевому. Улыбнулся, подмигнул ему и, опять смотря вперёд, произнёс:

– Не напрягайся, дружище, немного осталось. Спокойно рули. Не штурвал у тебя сейчас в руках... Наши жизни...

Судно шло навстречу торпедам. По курсу с левого борта приближалась одна из них. Три, прежде направлявшиеся к корме, поднимали пену по носу с правого борта.

Николай Васильевич, временами незначительно подправляя курс, вводил судно в «канал» между тремя торпедами и одной.

Уникальный маневр! Не каждый даже самый опытный капитан пароходства отважится на такое. Надо было определить «на глаз» безопасный коридор, направить в него неуклюжий танкер, а затем провести его в чрезвычайно узком пространстве. Оно всего на пару десятков метров превышало ширину судна. Достаточно ошибиться всего на несколько градусов, и – конец!

Остроносые носители смерти поравнялись с «Советской нефтью». Николай Васильевич вышел на крыло мостика правого борта. Проводил уже неопасные для танкера торпеды взглядом и с облегчением вздохнул. Затем капитан приказал вызвать в штурманскую рубку радиста.

Через несколько минут в пароходство полетела радиogramма: «Торпедирован...» – с указанием позывных судна и координат.

Сообщение «с того света»

Капитан знал, что с минуты на минуту может последовать повторная атака. Но судьба дала экипажу танкера «Советская нефть» шанс: идеальную видимость сменил густой туман.

После передачи радиogramмы Николай Васильевич запретил радисту выходить в эфир, чтобы «охотники»-

подводники с подводной лодки не запеленговали танкер.

Вполне вероятно, что командир подлодки уже определил генеральный курс танкера. Противника следовало запутать, он не должен был вычислить путь «Советской нефти», для этого капитан время от времени резко изменял направление движения судна, «петляя» по океану.

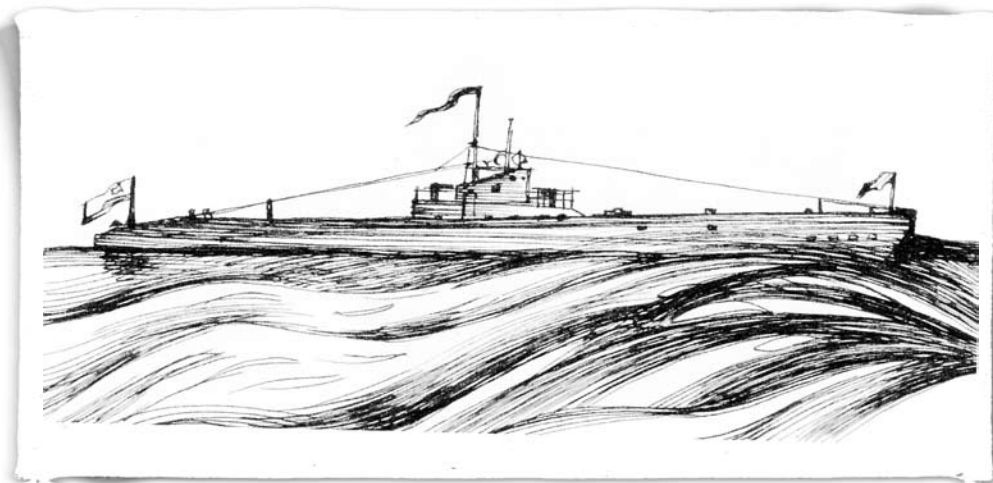
Когда в Дальневосточном пароходстве получили радиogramму, а затем связь прекратилась, там почти были уверены, что торпедированное судно погибло.

Лишь через трое суток оно вновь вышло в эфир, его сообщение приняли подобно сигналу с того света.

А через две недели танкер «Советская нефть» благополучно причалил для погрузки у нефтебазы американского порта Такома¹.

За этот рейс капитан торгового флота Николай Васильевич Остапюк был награждён боевым орденом Красной Звезды.

А пять тысяч тонн топлива, которое во Владивосток в своих трюмах доставил танкер под командованием капитана Остапюка, оченьгодились советским самолётам на фронтах Великой Отечественной.

¹ 25 февраля 1992 года Такома и Владивосток стали городами-побратимами

МОАБИТСКАЯ ТЕТРАДЬ

Берлин. Тюрьма. Холодный тусклый свет.
Стесняет узость камеры дыханье.
Здесь – фронт его. Ведёт бои поэт:
Тяжёлую войну – не выживанье.

Под полосатой робою – огонь!
Пылает пламя. Он – как нить накала!
Тетрадка умещается в ладонь –
Победную строфу в ней начертал он.

Он здесь и рядовой, и командир –
Один идёт в последнюю атаку.
Когда фашисты сдохнут, будет мир.
Глаза бессмертных строк не знают страха.

Окоп глубокий – камера его.
Из сердца льётся пламенная песня!
Стихи – и танк, и штык, и пулемёт,
Где буквы – пули, все на нужном месте.

Взывает сердце: «Яростней сверкай,
Лети, мой стих, и призывай к победам!»
И тут же Фучик встал на правый край,
И Мате Залка встал на левом следом!

...Берлин. Тюрьма. Муса строчит стихи,
Поставив на ладонь свою тетрадку.
Двадцатый век в истории притих,
Стихи поэта в вечности – закладкой.

*Перевод с татарского
Веры Хамидуллиной*

КАМЕНЬ

Тот год, когда началась война, для Прасковьи, оставшейся с малыми детьми почти на линии фронта, был особенно голодным. Дом Прасковьи был разрушен. Уже были подъяедены все запасы. Выручал только огород, где осталась ещё не выкопанная картошка. Главное – накормить детей. Они прятались от обстрелов и бомбёжек в погребе. Их у Прасковьи двое – совсем кроха грудная и четырёхлетняя Валя.

Женщина прислушалась к звукам снаружи. Вроде наступила тишина. Слышны только шаги, разговоры находящихся снаружи бойцов. Прасковья посмотрела на спящих в обнимку детей и осторожно начала подниматься по ступенькам. Во дворе красноармейцы занимались своим делом – обслуживанием техники и оружия, так поняла Прасковья.

– Прасковья! – окликнул её командир. – Нам в ближайшее время придётся покинуть ваше село. Вы тоже собирайтесь. Немцы наступают – скоро будут здесь.

У Прасковьи упало сердце. Она растерянно оглянулась вокруг. Её двор невозможно было узнать – всё изрыто взрывами, деревья повалены, дом разрушен.

– Война, – сказал командир, увидев её растерянный взгляд, – никого и ничего не щадит. Но придёт время, мы вернёмся сюда и отстроим заново дома, посадим сады... Вы, Прасковья, собирайтесь. А где ваши дети?

Прасковья, словно очнувшись, засуетилась. Надо в первую очередь добыть еды на дорогу. Затем собрать детей. Да что там собирать – узелок давно готов, детей в охапку и вперёд. С такими мыслями женщина добралась до того места в огороде, где ещё остался картофель. Это был дальний конец, почти соприкасавшийся с лесочком. Можно сказать, что её огород граничил с лесом.

Женщина подобрала по пути камень с острым и плоским краем. Лопаты у неё нет, а возвращаться – время до-

рого. Она выдернула ботву картофеля и начала долбить и ковырять мёрзлую землю. Из-под земли вместе с комьями выкатывались небольшие картофелины. Она их откладывала в отдельную кучку. Дело спорилось – кучка росла. Значит, сегодня удастся накормить малышей. Надо только успеть побольше накопать до начала эвакуации. Сделать запас на дорогу. Неровен час – артобстрел опять начнётся...

Неожиданно среди кустов Прасковья услышала шорох и увидела мелькнувшую тёмную тень в траве. Это очень напугало женщину. Однажды во время огородных работ к ней выползла змея. Это была гадюка. От испуга Прасковья громко закричала. На её крики прибежал муж и ударом лопаты разрубил гада на две части. Потом ещё долго вспоминали этот случай – настолько запал этот ужас в сердце женщины.

И в этом случае, подумав, что это опять гадюка, со всей силой кинула в сторону кустов камень, которым она выкапывала картошку. И тут же услышала короткий вскрик и стон. Прасковья встала с колен и, раздвинув кусты, увидела, что там лежит человек в красноармейской шинели. Лоб над правой бровью был рассечён, и обильно текла кровь. А рядом лежал тот злосчастный камень. «Убила», – тут же мелькнула мысль.

– А-аа! Люди-ии! Помогите – я случайно! – кричала она истощено. – Помогите-ее!

На её крик к краю огорода уже бежали бойцы вместе со своим командиром. Увидев его, Прасковья бросилась навстречу.

– Товарищ командир! Простите меня, дуру! Я случайно! – плакала она. – Хотела убить змею! А там...

– Да успокойтесь, Прасковья! – остановил её командир. – Объясните толком, что случилось.

– Там... – ответила она упавшим голосом, махнула рукой в сторону кустов.

Ничего не понимающие солдаты зашли за кусты, затем позвали своего командира. Зарёванная, перепуганная

женщина осталась ждать своей участи. За кустами слышались приглушённые голоса, особенно выделялся голос командира. Через некоторое время из-за кустов появился улыбающийся командир и подошёл к женщине.

– У меня две новости для вас, Прасковья! – сказал он. – Во-первых, человек, в которого вы кинули камень, жив! Он очнулся. Мы успели с ним побеседовать немного.

Прасковья тут же прекратила плакать и засияла от улыбки.

– Слава богу!

– Во-вторых, – продолжил командир, посерьёзнев, – он не наш боец, а переодетый враг. При нём оказалась взрывчатка. Он планировал совершить диверсию в тылу наших войск, чтобы отрезать пути отхода.

– От лица командования, от себя лично и от наших бойцов объявляю вам благодарность! – добавил он и, обняв растерянную женщину, расцеловал в обе щеки. Потом позвал ротного писаря и приказал записать точные данные на Прасковью, чтобы представить к награде.

– Ой, что вы! – засмущалась женщина. – Не нужно мне награды никакой, лучше деткам моим дайте еды какой.

– Да что же вы молчали, Прасковья, что вам есть нечего?! Конечно, поможем!

Бойцы тут же ей нашли вещмешок, куда сложили кто сухарей, кто консервов, кто сала. Затем помогли с попутным транспортом. Подсадили её вместе с детками в кузов и отправили в тыл – подальше от этих мест, где бродят диверсанты по картофельным полям.

Прасковья вернулась в родное село, когда Красная Армия прогнала оккупантов в своё логово. Прожила долгую жизнь и часто рассказывала внукам о том, как она ловила диверсантов в этих краях.

ПЕРЕДНИЙ КРАЙ

Среди горящих в поле злаков,
Среди разбитых взрывом свай
Он был повсюду одинаков –
Передний край, передний край.

За ним в штабах следили в оба.
Высотка, мельница, сарай
На карте значились особой:
Там проходил передний край.

Нависла смерть над отчим краем,
И здесь пути не выбирай...
Но мы всё чаще выбираем
Передний край, передний край.

Полк основной и полк резервный
Шли напрямиком в небесный рай...
Из пулемётов бьёт по нервам
Передний край, передний край.

Передний край завис над Летой...
Из сердца как ни выдирай,
Останется кровавой метой –
Передний край, передний край.

ЛОЖКА

Помыты банки из-под молока,
Их чистый свет колеблется у полки.
На отчий дом смотрю издалека
И вижу всё – от ложки до иголки.

Та ложка появилась до войны,
Потом с отцом отсутствовала долго.
На ней ещё отметины видны
От острого немецкого осколка.

...Когда врасплох ударил пулемёт,
Отец мой из-за бруствера вгляделся
В разбитый, скрытый на высотке дот
И проворчал: «На Бога не надейся!»

Со смертоносной связкою гранат
Отец пополз, испытывая долю.
И друг его – такой же лейтенант –
За ним, рискуя, двинулся по полю.

Они ползли к фашисту напрямиком,
А ложка из отцовского кармана
Торчала и внимательным глазком
Смотрела на Петра и на Ивана.

Рванул снаряд, как тяжкий барабан.
Ах, милые! Вы сделали оплошку!
Затих осколком срезанный Иван,
Другой осколок шмякнулся об ложку.

...Смотрю на ложку. Вот её изъян:
Следы-бороздки, а на донце – дата.
Спасибо, ложка, ложка-ветеран,
За то, что ты уберегла солдата!

МОНОЛОГ ТАНКА Т-34

Я появился в этом мире
В непробиваемой броне.
Я – танк! Я – Т-34!
И вы прислушайтесь ко мне.

Я шёл в атаку лобовую,
Гремел на волжском берегу
И, описав дугу кривую,
Врезался в Курскую дугу.

Дышал военным горьким смрадом
И плакал гильзами в пыли
Над умирающим собратом,
Которому броню прожгли.

Я грудью резал чернозёмы,
Я не взорвался, не ослеп.
Где пули сеял я, как зёрна,
Там выростал свинцовый хлеб.

Я сам кормился с упоением
Свинцовой горечью атак.
Я знал своё предназначенье,
Что я – орудие. Я – танк.

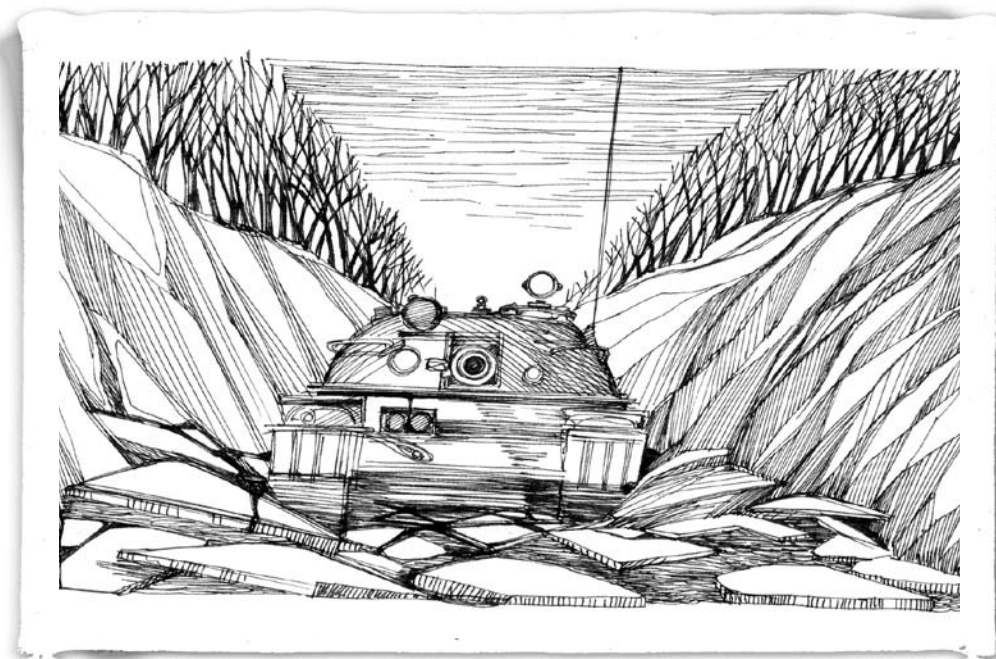
Я – танк. Я – Т-34-й!
Я мастер бешеных атак.
И если нету в мире чёрта,
То называйте чёртом танк.

Теперь такие в мире игры:
Сумей, судьбу свою прошей
Сквозь металлические иглы
Противотанковых ежей.

На фронте с местностью – морока,
Но я сквозь мины, сквозь «ежи»
Несу по стёршимся дорогам
Боль бронированной души.

...Чтоб час танкисты отдохнули,
Стою...

А сверху, на спине,
Два пехотинца прикорнули,
Пристыив затылками к броне.

ФРОНТ РЯДОМ

Наверное, и не спала, раз услышала. Или спала так, как привыкла при внезапных обстрелах и ночных бомбёжках: снов не вспомнить. Ветер выл и скрёбся, набрасывался на хату оголодавшим волчарой. Бился в ставни, с треском сдирал наледь из-под крыши и напроць выстужал трудно давшееся, накопленное за день тепло.

Из хлева давно не подавала голос Рёва – их корова-трёхлетка. Одна и выжила скотина в хозяйстве. Выйти глянуть, а то всё равно не уснёшь... И тут же Аля разобрала сторонний, отличный от метельного буйства звук: кто-то негромко стукнул в ставню. Подождал и стукнул ещё раз.

Аля оглянулась на бабушку Василису – её сиплое дыхание доносилось от печи всё так же размеренно. Осторожно, не скрипнув половицей, подошла к окну. Знала, где из ставни выпал подгнивший сучок. Напрягая глаз, вгляделась в круг снежного крошева. Под яблоней, прямо в сугробе, в двух шагах от окошка стоял кто-то в сером. Время от времени крутил головой. Один вроде. Оружия при нём не видно.

Решившись, Аля так же бесшумно прокралась к двери и, откинув крючок, выскользнула наружу. Махнула рукой. Человек в сером приблизился. Он оказался парнем одного с ней роста. Глаза смотрели пристально, блестели из-под низко надвинутой шапки.

– Ты откуда? – прошептала она.

– С дороги сбился. – Приятный голос, чуть охрипший. – А что за деревня?

– Тетеево, – назвала Аля.

Да, странно всё-таки они называются.

– Значит, крюк сделал, – вслух прикинул парень, – вёрст на двенадцать. Всё перекрыли.

Аля, лучше привыкнув взглядом к темноте, вгляделась в парня. Совсем пацанёнок. Щёки впали, скулы заострились. Руки прячет от холода. Смотрит.

– Пошли, – позвала она и кивнула на хату.

– Никого там?

– Считай, никого. Я и бабушка.

Он пристукнул валенками друг о друга, стряхнул снег с плеч, ещё раз быстро огляделся и шагнул в хату.

– Только тише, – на всякий случай шепнула Аля.

Но сипящее дыхание уже сбилось – бабушка приподнялась на локте:

– Кого привела?

– Свои, баб Вась.

Бабушка закашлялась:

– Кто тебе свои?.. Ась?.. К нам хочет? Уходи!.. Христом Богом прошу или кем хочешь – уходи только. Не один наш дом, чай? А что крайний возле леса – так здесь же сперва и искать будут... Приходили уже из-за таких вот, в подпол бомбу кидали, не было там никого, а всё разворотили, образ со стены стрясло, и печка вон треснула. Не простят ей тебя. А мне, старой, грешным делом, сразу тогда в петлю лезть. Уходи!..

Её лицо выжидающе белело в темноте.

– Ладно. Пойду, что ли, правда.

– Пойдём, провожу, – запахнув ватник, сказала Аля.

Они вышли.

Сквозь метель из-за дальнего поворота дороги мелькнуло пятно света. Фонарь – мощный, армейский.

Идут сюда. По занесённой дороге мимо старой церкви, в которой давно никто не служил. Там устроили было оружейный склад, но недавно его потрянуло бомбами, и оружие на подводах под охраной мотоциклистов перетянули куда-то к городу.

Аля с парнем переглянулись. Она подтолкнула его в сторону хлева.

– Скорей, скорей... – поторапливала, стараясь ступать за ним след в след.

У входа под навесом небольшим стожком стояло всё сено для Рёвы. Позавчера Аля сгребла его скопом.

– Залазь давай, – приподняв большую охапку, приказала она. – И там сиди.

Парень неожиданно проворно юркнул внутрь. Не видно его. Аля по тем же следам бегом вернулась в хату.

...Собак с ними нет? А если будут, что тогда?..

Накинула крючок. Сбросила ватник. Меньше чем через минуту донёсся близкий шум. Несколько отрывистых команд и хриплых криков. Тяжёлые, будто бревном, удары в шаткую дверь.

Аля едва успела откинуть крючок и сразу почувствовала резкий толчок повыше груди. Сдавленно, перехваченным дыханием, застонала и свалилась бы на пол, если бы чья-то крепкая лапища проворно не подхватила её цепкими пальцами.

От лапищи сильно воняло табаком и меньше пороком.

– Wo ist er?.. Der Mann?.. Diversant?..¹ – Её осыпали вопросами, будто пригоршнями сухого гороха.

За долгие месяцы войны Аля стала понимать некоторые слова по-немецки, но никому в этом не признавалась.

– Ты это – аккуратнее. Назад поди! – голос показался Але знакомым.

Она очнулась и с усилием приоткрыла глаза, чтобы убедиться.

Да, табачная лапища с белой повязкой над локтем принадлежала Пахому, старшему полицаяу из соседнего села. К немцам он перешёл сразу после начала войны и их стремительного наката на вчера ещё советские земли; перешёл, не колеблясь, будто давно ждал. Под партизанские пули не рвался, но служил исправно. В здешних местах знали или слышали о нём почти все.

– Чего стал? Шаг назад. Ну! – продолжил Пахом.

Автоматчик отступил.

– Ты не пугайся, – по-отечески обратился Пахом к Але и ободряюще улыбнулся.

От встречного ветра и снега глаза у него были красные, усы заледенели. Он протянул ей портсигар с дорогами папиросами:

¹ Где он? Мужчина? Диверсант? (нем.)

– Будешь?

Она мотнула головой:

– Н-не курю.

Пахом раздумал доставать папиросу себе и засунул портсигар обратно в карман.

– Плохо с хавкой у вас? Так ведь?..

Аля невольно кивнула. Пахом наклонился к ней:

– Хлеба хочешь – шесть булок свежих?.. Тушёнки? Сахара?

Представив, она сглотнула слюну.

– Будет завтра же, с утра.

Наклонился вплотную:

– Где человек-то?.. В каком углу?.. Намекни, и не скажу никому про твоего сокола – где он там и как комиссарствует..

Аля укусила себя за губу, но почувствовала, что левая рука как будто сама готова указать. Пахому этого хватит, он сообразит. А если с собакой, найдут всё одно. Неподалёку со свистом приземлился и рванул снаряд. Пахом и автоматчик вздрогнули.

Старуха, сидевшая на топчане, не спуская ног, вдруг осмелела.

– Гонют вас, – прокаркала она, прибавив что-то не слишком внятное, но задорное.

Рука младшего полицая сама дёрнулась к затвору, но Пахом тут же с досадой отвёл её:

– Патроны береги... – и громко: – Временные трудности. Рейх непобедим. Пускай ещё небо покоптит – сама увидит.

В хату вошёл ещё один немец, судя по выправке – унтер или выше. Уверенным движением он скинул капюшон и привычным голосом отдал команду.

Вбежали четверо автоматчиков. Обшарили углы, высветили подпол, пошерудили ухватом в печи, один влез на чердак. Старуха глядела молча.

– Здесь никого, – объявил младший полицай.

Прихватив Алю, вывалились из хаты. Собак с ними нет, сообразила она. Собак нет!

– Чьи следы? – спросил Пахом другим, резким голосом и указал в сторону хлева.

Следы почти замело, осталось несколько едва приметных лунок.

– Корову глянуть ночью выхожу.

– Поглядим, что за корова...

Полицай приблизились к стожку. Автоматчики осветили хлев. Рёва тревожно замычала, но, будто почувствовав опасность, сразу смолкла. Пахом быстро обнаружил и сноровисто ухватил вилы. Младший полицай, оглядевшись, приладил штык к своему карабину.

Они пошли вокруг стога, с силой втыкая с противоположных сторон вилы и карабин со штыком. На замахе лезвие мерцало.

Аля опустила глаза под пристальным взглядом унтера и, готовая ощутить страшный укол своим телом, считала всё новые и новые удары по стогу. Сейчас?.. Или мимо?.. Казалось, каждый удар то распарывал на ней самую одежду, то скользил по коже, как змея. Всякий раз, когда предстояло идти мимо немцев, она мазала лицо сажей и надвигала платок пониже, стараясь сойти за неопрятную старуху. А вот сейчас, под этим пристальным сталистоголубым взглядом, ощутила себя совершенно незащищённой.

Но это не самое важное. Главное – там, внутри, и если только ей не дышать и не бояться, то всё-всё будет хорошо.

Они трижды старательно обошли стог, пробивая его едва ли не насквозь. Но оттуда не донеслось ни звука.

Младший остановился первым и стряхнул со лба пот.

В этот момент из стога прямо на фонарный свет выскочило что-то стремительное и серое. Автоматчик дал очередь. Пахом повалился в сугроб.

– Eine Maus!.. – захохотал унтер.

– Mäuschen! Kommando zurück! Patronen sparen!¹

Пахом, матюгаясь и стряхивая снег, поднялся.

¹ Мышь!.. Мышка! Отставить! Беречь патроны! (нем.)

Бросив на бледную Алю ещё один долгий испытующий взгляд, унтер развернулся и указал рукой на дорогу.

Свет скрылся за другим поворотом. Ветер ослабел. Из-за тучи пробился край луны.

Подождав, пока не поняла, что сердце точно не выскочит прямо сейчас, Аля вернулась к хлеву.

Бросившись к стогу, она руками стала разгребать сено. Через минуту пальцы наткнулись на грубую ткань.

– Эй! – шёпотом окликнула она.

Не отзывается. Проткнули, значит. А как ещё? Весь стог прошли.

Руки опустились. Обмякнув, она наклонилась, готовая взвыть, зайтись во всепоглощающем горестном испуге.

И вдруг услышала... ровное, чуть посапывающее дыхание. Спит! Протянув обе руки, она стала изо всех сил тормозить его за плечо.

Он резко, всего за секунду, очнулся и вылез к ней. Стоя на коленях, Аля обтрогала его. Ни кровинки, ни царапины нигде не было. Вдруг она прижала его к себе с материнскими слезами.

– В рубашке родился... В рубашке! – только и смогла выговорить.

– Третьи сутки без сна пошли, навалилось, – стал он оправдываться. – А там тепло – сморило. Ротный бы не узнал.

– Не скажу ему, – против слёз улыбнулась Аля. – Вот, возьми. – Она протянула ему сухую горбушку хлеба и молока в железной кружке. – Голодный...

Он отхлебнул.

– Что ж ты сделал-то такого?

– Склад взорвал. Тот, временный.

И правда – прошлой ночью зарево полыхнуло с другой, не фронтовой, стороны. Ярко. Несколько раз поднималось оно над лесом, будто в невиданный костёр подкидывали новое сухое полено.

– Охраняли ж его?

– Охраняли, конечно. Больше взвода. Сколько после

осталось – не считал. Дождался только, когда лошадей выпрягли и отвели в сторону – их вот жалко мне стало. Ну, пора дальше.

– Пройди вдоль деревни, оврагами, – подсказала она. – Там к речке выйдешь, не заблудишься. И до своих рукой подать.

Он сделал два шага и обернулся:

– Как зовут тебя?

– Алевтина.

– А меня...

– Не говори, – она перебила. – Не говори пока. Придешь с нашими – тогда и скажешь.

Аля перекрестила его вслед.

Метель понемногу стихла. Совсем скоро утро. Где-то в стороне погромыхивают разрывы. В хлеву мычит Рёва. На топчане ворочается с боку на бок бабка Василиса.

Аля успеет вздремнуть час-другой до рассвета. И, кажется, она уже знает, что ей приснится её муж Алексей, усатый и статный. Во всём гражданском. До войны. Аля думает, что и ему она смогла помочь этой ночью. И снова, удивляясь, повторяет:

– В рубашке, точно...

ПОД ВЯЗЬМОЙ

Здесь шли жестокие бои,
И воздух смертью был пропитан.
Поди узнай, где тут свои
И кто живой, а кто убитый...

Под Вязьмой редкие леса,
Поля, речушки да болота...
Здесь ход войны переписать
Шла под огнём врага пехота.

Под артобстрел, под пулемёт,
Под танки и под автоматы...
Назад ни шагу! Лишь вперёд!
Вперёд к победе шли солдаты!

Семнадцать месяцев боёв.
Потери шли на миллионы.
Всех мы имён не назовём:
Имён солдатских медальонов,
Всех окружённых, обречённых,
Расстрелянных или пленённых,
Благодаря кому живём
В стране, их жизнями спасённой...

МАСШТАБ ПОДВИГА В МАСШТАБЕ ВОЙНЫ

История эта всего в пол-листа
Хранится в архивной стопке:
Записка предсмертная от бойца,
Схороненная в пилотке,
И рапортичка разведки в штаб...
Такой у подвига весь масштаб...
Читайте и вслушайтесь в этот бой
Простого солдата с геройской судьбой...

– Сжимаю гашетку – задача проста:
Давайте, ползите, фрицы!
Один я остался... Вас, может, полста...
Но мёртвых считать не годится!
Подмоги не жду. Да и незачем мне...
Но я удержу дорогу!
Достаточно знать: по нашей земле
Дальше шагнётся не многим!..

Разведчики в штаб через день донесли:
Какой-то безвестный герой
Держал оборону и выиграл бой,
Прикрыв отступленье собой,
И около сотни немецких солдат,
Убитые им, там же рядом лежат...

НАХОДЧИВЫЙ СТАРШИНА

Поздней осенью сорок первого года у берега озера Ильмень, что под Новгородом, курсировало судно с фашистской свастикой на борту. Основной задачей у тихоходного катера была перевозка личного состава, вооружения и боеприпасов. Попытки артиллеристов достать надоедливый катер с нашего берега были безуспешными – не позволяло расстояние.

Надо сказать, что после того как немцы в конце лета 1941 года захватили Новгород, здесь начались долгие позиционные бои – до января 1944 года, пока советские войска не прорвали фронт.

Осенняя погода брала своё: ночами стало холодать, и озеро покрывалось коркой льда. Наутро под яркими солнечными лучами лёд таял, позволяя катеру беспрепятственно передвигаться по озеру. Но со временем лёд становился всё крепче, а неуклюжее грузовое судно двигалось всё натужнее, продираясь сквозь толщу льда. Наконец капитан немецкого катера решил остановить навигацию, иначе судно могло замёрзнуть во льдах в неожиданном месте, настолько стали морозы крепкими.

Для этого он завёл свой катер в бухту. Именно с этой бухты начинает свой бег река Волхов. Бухта ещё примечательна тем, что имеет со всех сторон отличное поле обзора. Немецкий катер, имея в своём вооружении мощные пулемёты, стал своеобразной огневой точкой, не позволявшей наступать на Новгород советским подразделениям с юга.

Наступила зима, выпал первый снег и больше уже не таял. Ильмень покрылся сплошным панцирем льда. Попытки прорваться к ненавистному катеру по льду всякий срывались из-за плотного пулемётного огня.

После одной из неудачных атак в солдатском блиндаже возник разговор. Ротный старшина по фамилии Митрохин – человек основательный, хозяйственный и смелый – предложил применить солдатскую смекалку.

– Надо взорвать катер ночью, когда немчура спит! – сказал он. – Тут много людей не нужно – одному можно справиться, чтобы не привлекать внимания.

– Ну, ты загнул старшина, – засомневался солдат, гревший руки у «буржуйки». – Тут столько взрывчатки надо тащить, полагай, целое отделение надо.

– Не нужно отделения! – возразил Митрохин. – Я сам пойду. Один. А взрывчатку на санях поташу.

– Во, голова! – снисходительно заулыбались бойцы. – Только не успеешь ты. Или заметят, когда будешь отходить, и подстрелят, или сам под взрыв попадёшь. Что так, что эдак – не жилец!

– А вы меня на санях вытянете!

– Это как?

– А так. – Старшина довольно крикнул. – Привяжем к саням трос от лебёдки. Туда я поташу взрывчатку, а обратно – меня вытянете вы.

На том и порешили. Старшина пошёл доложить ротному о своём плане. Командиру роты понравился план Митрохина. Вызвал сапёров и приказал выдать всё необходимое. Получив от сапёров расчётное количество взрывчатки и бикфордов шнур, боец загрузил деревянные санки с широкими полозьями. К саням прикрепил трос от лебёдки и, многократно проверив, потренировавшись на льду, поздней ночью тронулся в путь. Ночь была настолько тёмная, что хоть глаз выколи.

Первую четверть пути, пока его силуэт сливался с темнью родного берега, он шёл пешком по компасу. Дальше уже пришлось идти ползком, таща за собой неимоверно тяжёлый груз. Периодически приходилось останавливаться и зарываться носом в тонкий снег на льду, когда прожектора с вражеского берега светили в его сторону.

Хотя он был в маскхалате, а сани с грузом завернуты в белую ткань, приходилось соблюдать осторожность, чтобы не выдать себя движением. Митрохин старался двигаться от одной снежной кочки, наметённой ветром, до другой. Двигаться быстро не получалось – к перво-

начальной усталости присоединился холод. Мороз всё крепчал. Замёрзли колени, живот и локти.

Однажды пришлось почти пятнадцать минут лежать без движения на холодном льду, когда со стороны катера началась стрельба в его сторону. Слава богу, стрельба была не прицельная. Видимо, часовым на катере что-то почудилось. С нашего берега даже подёргали за трос – так долго он не двигался. Но нет, всё нормально! Есть отзыв!

Через несколько часов труднейшего пути по льду старшина достиг цели. Справа показался тёмный профиль катера. Вокруг было тихо, только внутри судна слышалась музыка. Видимо, играл патефон. Старшина осторожно приблизился к тёмной громадине судна и, закрепив на ватерлинии, если так можно назвать скованный льдами тёмный борт, всю привезённую взрывчатку, поджёг бикфордов шнур.

Затем развернул сани в сторону своего берега и дал сигнал, два раза сильно дёрнув за тонкий трос. Быстро лёг животом на сани и, благодаря мускульным усилиям нетерпеливо ожидающих бойцов, стал быстро удаляться от катера. Через некоторое время раздался оглушительный взрыв.

Так долго досаждавшее нашим войскам судно вместе с капитаном и его командой взлетело на воздух. Огромный сноп пламени взметнулся вверх, на мгновение осветив странное транспортное средство, бесшумно несшееся по льду.

Когда паника на фашистском берегу улеглась, началась стрельба в сторону наших позиций. Но к этому времени наш отважный и находчивый старшина был уже в тёплом блиндаже.

Несмотря на позднюю ночь, бойцы долго не спали, продолжая с восхищением обсуждать ночную вылазку старшины.

ПОЧТАЛЬОНША

Как долго –
Через всю Россию –
Шли письма.
Днём и по ночам.
А ты, девчонкой, разносила
Их по дворам односельчан.

Летела мигом
К ждущим окнам,
Надеждой жившим всякий раз.
Такая шустрая,
Во многом
Не сразу ты разобралась.

Взять даже то,
Что торопиться,
Пожалуй, надо не всегда.
Ведь в сумке выцветшей тряпичной
Могла пристроиться беда.

О, письма с фронта!
Глянув мельком
На штемпель, адрес и печать,
Кто смог бы так,
Как ты умела,
Их содержанье различать?..

Обманчивость благополучья –
Был в тыщу раз
В те дни страшной
Родных мужицких закорючек
Красивый почерк писарей.

Ты, размышляя на подворье,
Как бабья доля тяжела,
В конверт заклеенное горе
Вдове
Растерянно несла.

И, жадно вслушиваясь в сводки,
То в жар бросающих,
То в дрожь,
Солдатки знали –
По походке –
С какой ты весточкой идёшь.

ЧИСТОТА

Суровое военное житьё.
И столько в нём традиций, сколько прозы...
И перед боем чистое бельё
Солдатам выдавалось из обоза.

Бойцы же треугольники потом
Политрукам зачем-то отдавали.
И главное едва ли было в том,
Что люди перед смертью надевали.

Ведь где-то токовали глухари,
А рядом на дыбы земля вставала...
И всё-таки,
Чего ни говори,
Какая-то здесь связь
Существовала.

БРАТ

Светлой памяти дяди Вани

На перекрёстке кузнец подковывал лошадь: нагнулся, одной рукой копыто к груди прижимает, а другой, с молотком – размахнулся...

И вдруг я вижу, что он так же стоит, скрючившись, – а головы уже нет. Осколком снаряда начисто снесло – её потом метрах в двадцати нашли, – а руки копыто всё держали.

Кричат: «В укрытие!» Все полезли в подвал. И тут он в нас опять кинул. Тогда я, наверное, был ближе всего от смерти.

Напротив был дом сгоревший – там раньше пожарная команда размещалась, так она сама истлела, но не развалилась. Чёрный сруб из обугленных брёвен стоял как тень.

Слышу: шррр – пыль взметнулась – и высовывается из сруба этого чушка метра в полтора длиной. Впервые я видел так близко снаряд дальнобойный: с красной головкой взрывателя, он вылез мне под ноги – и чёрный прах осыпал сапоги. Весь сруб насквозь прошил, нигде не встретил сопротивления – и взрыватель не сработал.

Позвонили артиллеристам, они сразу приехали, заметили что надо: снаряд точно, откуда прилетел, направление показал – и полчаса не прошло – накрыли ту батарею.

Немец замолчал.

Вызывает тогда меня командир части:

– Раз такой случай, что ты жив остался, – проси, чего душа пожелает.

А я ему говорю:

– К брату хочу, не видел его с начала войны...

Брат мой в пехоте служил, и по письмам его – какие города взяли – я догадывался, что он где-то рядом. Были такие умники – нас научили, как передать место и номер

части в письме. Он и написал вроде чепуху: «Шлю тебе двадцать два привета и девятьсот сорок два поцелуя». Часть его стояла под Туховичами – что-то около двухсот километров от нас.

Командир меня пускать не хотел:

– Да ты что! Там же немцы кругом!

Дело было в Польше, мы только что эти места взяли, и в лесах сброду было навалом – попадались даже отдельные немецкие части.

– Да как ты его найдёшь? Номер части знаешь?

– Знаю.

– А где стоит?

– Под Туховичами.

– Ну, раз обещал... На двое суток отпускаю, но если что – пеняй на себя.

Выдали мне увольнительную, паёк на два дня, прихватил я парабеллум свой трофейный, и в путь.

Подбросили меня наши на машине до ближайшего КПП.

Три машины сменил – к ночи так и не добрался до места.

Последний раз вылез у какого-то хутора – а ещё километров пятьдесят оставалось. Дорога пустая.

Зашёл я в хату: там хозяева – старик и старушка. Мне не очень рады.

Лопочут:

– Пан солдат, пан солдат...

Чувствую – что-то не то. Спрашиваю:

– Есть ещё кто в доме?

– Миц нема, панич.

Но чую – в хате махоркой пахнет, а они оба старые, наверняка не курят.

Сел я за стол, достал буханку хлеба, консервы. Глядь – а на печи занавеска ворухнется и дымок оттуда плывёт...

Ну, думаю, мне капут: он меня сквозь щёлку видит, а я его – нет!

Вдруг слышу: по дороге машина идёт – тут я вещмешок схватил – и в дверь!

Выбежал на дорогу, по шуму – идёт большой «студебеккер», фарами светит, шпарит прилично!

Встал я посредине дороги, руки раскинул. Ничего не оставалось делать.

Он прёт, не тормозит, сигналиит громко!

Остановился прямо передо мной – в живот бампером уткнулся.

Автоматчики выпрыгивают:

– Дурак ты, так-растак, руки вверх, кто такой?

Я говорю:

– Ребята, возьмите с собой.

Они меня обыскали, нашли парабеллум – и к офицеру. Тот спрашивает:

– Кто такой? Что тут делаешь? Тебе что, жить надое-ло?

– К брату иду. Вот увольнительная.

Как он услышал про брата, подобрел.

– А где он служит?

– Под Туховичами его часть.

– А, знаю, есть там... Я тоже брата своего с начала войны не видел. Садись!

Повезли они меня.

Остановились:

– Мы тут тебя высадим, а ты вон иди к тому лесочку. И как часового увидишь – делай всё, что он прикажет. Но только не говори никому, что это мы тебя подвезли. Запрещено нам.

Иду.

И точно – прохожу лесочек, слышу:

– Стой! Руки в гору! Лягай! Кидай сброю! – Часовой, видно, хохол.

Я лёг, ночь звёздная – я часового вижу, а он меня – нет. И какой дурак так придумал – я же его подстрелить мог легко.

Он сообщил по команде. Слышу – идут. Подняли меня. Спрашивают:

– Кто такой? Шо тут робишь?

– У меня увольнительная...

– Какая ещё увольнительная у ночи? Ты што, с глузду съехал? Ты ж в секретную часть лезешь!

Повели меня к офицеру. Докладывают ему:

– Вот боец, пытался проникнуть в часть. Сказал, будто брата ищет.

Поглядел он мои бумаги, спросил, куда иду.

– Да, есть тут рядом такая часть. А кто же тебя отпустил? Куда ты ночью пёрся?

– Увольнительная на два дня – а я брата пять лет не видел...

Посмотрел он на меня странно так и говорит:

– Ладно, дам я тебе провожатого. И вообще, повезло тебе, что дошёл. Только ведь я тебя расстрелять был бы должен.

Отвели меня к командиру батальона, уже в нужную часть. Он тоже мне не верил, всё допытывался, не вру ли.

А когда я ему про брата рассказал, и он подобрел.

– Да, – говорит, – служит у нас такой.

Повели меня, землянку показали.

– Тут он, – говорят, – братан твой.

А уже светает, и побудку играют.

Со всех сторон люди бегут, на меня показывают:

– Этот человек к брату пришёл.

Идут за мной следом: им же интересно – такое дело, братья встречаются. Гляжу, а он уже бежит навстречу, братуха мой! Ему уже кто-то успел сказать... Ну, мы встретились, обнялись – сколько же не виделись.

Только сели, а тут боевая тревога. Вскочили все. И брат тоже.

Собрались быстро. Команда: «Батальон, равняйся, смирно! Шагом марш!»

И потопали куда-то.

А я бегу за ними, шагаю сбоку – куда мне деться, что мне делать?

А если на передовую пошлют?

Слава богу, прошли километра два – и отбой, отменили тревогу.

Назад вернулись.

Ну, тут уж мы с братухой посидели: и запас у нас был – им фронтовые сто грамм выдавали, и я с собой привёз. Правда, мы не особые любители выпить. Говорили про-меж себя и про мать, и про сестёр – он в оккупации с ними оставался, пацан ещё был, когда немец пришёл – пятнад-цать лет.

А к нам все заглядывали – на брата показывали – и го-ворили:

– ЭТО ЧЕЛОВЕК, К КОТОРОМУ БРАТ ПРИШЁЛ!

Ну а назад мне уже легче было добираться. На про-пускном пункте меня тоже пристроили на ночлег к поля-кам, которые нам сочувствовали: сами натерпелись при немцах.

Но вначале они на меня поглядывали с опаской – мало ли что...

А я вижу: у них ходики с кукушкой на стене висят.

– Поломаны? – спрашиваю.

Они головами кивают:

– Да, стоят, пан.

Снял я часы, открыл заднюю стенку, а там неисправ-ность пустяковая – маховичок отломился. Открыл кон-сервы – и из жестянки новый маховичок вырезал.

Приладил на место – пошли часы.

Как старики обрадовались! Тут же и чугунок с кар-тошкой на стол поставили, и яйца варёные нашлись. А я перед ними «второй фронт» выставил – американскими консервами угостил. Хорошо посидели.

Видно, крепко они под фрицами намучались – а люди добрые.

Лёг я спать. Утром просыпаюсь, сунул руку под поду-шку – а парабеллума нет!

Тут хозяин меня кличет:

– Жолнеж, жолнеж – пушка!

Парабеллум протягивает.

Смеётся – оказывается, ночью он из-под подушки вы-пал.

Когда вернулся я на место, своей части уже не застал. Долго бы пришлось искать, но тут наши лётчики помог-ли: взяли меня на самолёт, доставили к своим. Мы часто тогда меняли аэродромы – наступали...

Это происходило не со мной. Я не воевал. Мне некому сказать «брат» – и не от кого услышать. Не чувствовал бы я этого слова – если бы не этот рассказ.

А теперь, когда я встречаю это слово в книжке или в разговоре – услышу «брат» – что-то меня ударяет.

Будто выстреливает – и это взрывное «бр», и залихват-ское «ат»: солдат, набат, раскат...

Слово это – ключ, пароль. Есть сердце в этом слове. Братьев было больше – и чувствовали это, понимали по-другому.

Как-то обратился ко мне старик:

– Браток! Ты тут не разглядишь мне номер телефона в книжке, а то глаза плохими стали, а надо позвонить в аптеку – узнать, есть ли там лекарство.

Как он был похож на моего дядю: набрякшие от болез-ни мешки под глазами, лицо одутловатое – отцов брат на фронте почки простудил в сырых окопах.

Старик этот так глубоко на меня взглянул – может, отца моего увидал?

Слово «брат» я понимаю через отца – про встречу бра-та на фронте он мне рассказал.

ЕГО УНИВЕРСИТЕТЫ

Он не был от рождения солдатом,
И не сказать, что был таким уж смелым...
Он изучал латынь по медсанбатам,
А геометрию – по секторам обстрела.

На сапоги наматывая тропы,
Вжимаясь животом в песок и камень,
Познал он географию Европы
И все травинки выучил на память.

Пусть чёрный ворон над окопом каркал,
Он осознать сумел законы света...
Он победил, он встал над Трептов-парком,
Хоть сам и не успел узнать об этом.

БАБУШКА АНЯ

Маленькая – мужику по пояс,
 Как попала в санитарный поезд?
 В толк никак я это не возьму:
 Как вообще призвали на войну...
 Как смогла всю жизнь
 служить «сестрицей»,
 День за днём
 всё больше становиться
 Образом той самой доброты,
 Что сияет нам из темноты,
 Будто бы лицо самой России,
 Что готова сотни бед осилить,
 Даже и в сырую землю лечь:
 Мир спасти – себя не уберечь...

Шло партийное собрание
 в каземате.
 Три патрона оставалось
 в автомате.
 Две винтовки со штыками
 И граната –
 Всё оружие гарнизона...
 Три солдата
 До собрания
 Две атаки отразили...
 «До конца стоять! – постановили.
 – До победы бить врага,
 До тишины!..»
 Продолжался
 первый день войны.

ШЁЛ 1943 ГОД

Село Боровецкое. В небольшом деревенском доме живут мать и дочь. Женщине чуть больше тридцати, но её осунувшееся лицо преждевременно старят глубокие морщины вокруг плотно сжатого рта. Она работает в колхозе. Дочери двенадцать лет, учится в школе. Муж ещё в сорок первом ушёл на фронт, от него давно нет вестей.

Тёплый осенний день. Ворота и двери дома распахнуты настежь – из Тарловского госпиталя, переполненного тяжелоранеными, на скрипучей телеге привезли «на поправку» солдата – всех незаразных и ходячих распределяли «по квартирам». На вид ему лет двадцать, мальчишка: худой, запуганный, с большими синими глазами. Всё время молчит и только кашляет да стонет.

Медсестра, сопроводившая больного, пояснила хозяйке, что он, видать, сильно контужен, отчего потерял слух и речь, возможно, и память. А в госпиталь поступил полуживой и полураздетый, медальона при нём не оказалось, и личность пока не установлена:

– Будем выяснять. Если заговорит, дайте знать...

Кровати для больного в доме не нашлось, и хозяйка устроила его в коридоре, отделявшем кухню от комнаты, на сундуке. Постелила и укрыла нехитрыми тряпками – лишних простыней и одеяла не было. Раненый почти не вставал, выходил лишь по нужде, слабо ковыляя во двор и обратно.

Девочка не приближалась к больному – дурно пах. А в одну из ночей сотворил такое, чего она ему, казалось, никогда не сможет простить: он обмочился во сне; в сундуке же, среди тряпья, на самом верху, был припрятан кусок сахара. Ладно тряпье – мать его выполоскала, а вот сахар пришлось выбросить. Солдат после этого вообще замкнулся, стал чаще отворачиваться к стене и тихо плакать. Мать ругала его, мол, что за воин такой, давай поправляйся, и делила с ним кусок хлеба. Больной брал лишь половину, видать, боялся объесть без того полугодных хозяев.

Однажды девочка пришла из школы и недовольно заявила матери:

– Знаешь, мы начали учить немецкий язык. А я не хочу его учить! Зачем он, ведь немцы нас убивают?!

– Надо учить, дочка, – строго сказала мать.

– Зачем?!

– Затем, что убивают не сами немцы, а фашисты. И затем, что надо знать язык врага, тогда его легче победить...

Дочка глубоко вздохнула и села за стол учить уроки, раскрыла тетрадку, начала с трудом читать:

– Mutter... Vater¹...

Тут солдат закричал и что-то забормотал.

Дочь и мать, одна из комнаты, другая из кухни, вышли в коридор. Постоялец сидел на сундуке. Увидев хозяек, оживился, стал жестикулировать, показывая, что хочет что-то написать. Девочка дала ему тетрадный листок и карандаш. Он вывел короткую строчку, протянул ей, мол, читай. Та всмотрелась в буквы, но ничего не разобрала. Тогда больной вновь взял листок и, ведя по написанному тощим длинным пальцем, тихо произнёс по слогам:

– Ich bin ein deutscher Soldat², – и, подняв глаза, прошептал: – Verzeihmir³.

– Он не русский, потому и молчит, – догадалась мать.

– Ja-ja⁴, – будто поняв что-то, закивал головой постоялец.

И мать вскрикнула, от ужаса прикрыв рот:

– Он немец!.. – Женщина медленно опустилась на небольшую лавку у противоположной стены.

– Ja-ja, – с широкой и какой-то глубоко несчастной улыбкой повторил солдат и, словно вспомнил что-то важное, добавил:

– Hitler kaputt⁵.

¹ Мать... Отец... (нем.)

² Я немецкий солдат (нем.)

³ Простите (нем.)

⁴ Да-да (нем.)

⁵ Гитлер разбит (нем.)

– Фашист? – испугалась девочка, бросилась к матери, крепко прижалась.

– Господи, – всплеснула руками мать, – сосунок ещё. Какой из него фашист?.. – На миг в её глазах блеснула жалостливая слеза, но тут же жалость сменилась гневом: – Конечечно, Гитлер капут! Чего ещё-то скажешь?.. Что с тобой делать? Свалился на нашу голову...

– Ja-ja, – неуверенно пожал плечами больной и опустил глаза.

– Надо его сдать, – решительно сказала дочь.

– Нет, – задумчиво ответила мать.

– Почему?

– Да потому. Расстреляют... А если кто узнает, что у нас в доме немец, – она тяжело покачала головой, словно вдруг навалилась невыносимая боль, хрипло прошептала: – И нас не пощадят...

– Но мы же не виноваты!

– А кто будет разбираться? Время такое...

– И что же делать? – Слёзы страха защипали девочке глаза.

– Молчать... там видно будет. – Мать внимательно посмотрела на дочь, всё ли правильно та поняла. – Вишь, он какой умный, молчит, потому и живой... Может, война скоро кончится... Может, отец скоро вернётся, что путное подскажет.

Солдат внимательно вслушивался в разговор. Он не понимал слов, но понимал, что решается его судьба. И когда хозяйка встала и со вздохом произнесла не раз слышанное от русских «будь что будет», вздохнул и покаянно опустил голову: грозная развязка в очередной раз отдалась.

Кончилось бабье лето. Потянулись хмурые дни. Мать и дочь теперь жили с оглядкой: тише говорили, плотней занавешивали окна, осторожней открывали дверь, словно тайна, поселившаяся в доме, того и ждала, чтобы с любым просветом или нечаянным скрипом вырваться наружу. Больной по-прежнему оставался молчаливым, но

когда девочка учила немецкий, он сначала робко, а потом всё смелей стал помогать ей, радуясь возможности говорить на родном языке. Завязалось общение, и школьный словарь превратился в настольную книгу. Солдат быстро запоминал русскую речь, а девочка совсем перестала его бояться и, забываясь, даже весело смеялась, когда он коверкал некоторые слова, будто каркал.

Вскоре в дом пришла похоронка. Мать только ахнула, пошатнулась, прижала клочок бумаги к сердцу и застыла на пороге окаменевшая. Девочка увидела желтоватый казённый листок – такой же почтальонка недавно вручила их соседке, и та без чувств упала на крыльце, а очнувшись, долго голосила.

В груди девочки жгуче заныло.

– Мама! – Она кинулась к матери, крепко обняла, будто хотела удержать от падения. – Mamочка, что теперь будет?

Женщина, не отрывая одной руки от похоронки, другой прижала к себе родную русую головку и, пересиливая ком в горле, вымолвила:

– Будем жить...

В один из субботних вечеров, когда топились баня (а топили редко, дрова сэкономили), хозяйка подала постельцу новое бельё и сухо сказала:

– Мужу берегла...

– Спасибо, – смутился он и положил исподнее на самый край постели, подальше от себя.

– Ишь, понимаешь, что ль?

– Ja-ja... чуть-чуть.

– Ну, коли понимаешь, скажи, зовут-то тебя как?

– Варин. – На бледных щеках солдата проступил румянец, глаза наполнились слезами.

– Варин? – будто удивилась хозяйка.

– Да. – Он робко кивнул.

– Что ж. – Она по-матерински нежно тронула его плечо, задумчиво всмотрелась в синие глаза: – Значит, будешь Ваней... Привыкай.

Хозяйка решительно направилась к входной двери, но на пороге остановилась, оглянулась и с теплотой произнесла:

– Дров подкину... Вымойся хорошенько и обязательно переоденься. Ты у нас, похоже, надолго... Ваня...

Но надолго постоялец не задержался. Однажды утром, когда женщина поднесла ему завтрак – кружку с кипятком и картофельно-хлебную лепёшку, она увидела, что немецкий беглец больше не проснётся.

Похоронили его на Боровецком кладбище, увенчав деревянный памятник звездой.

ХЛЕБ ПОБЕДЫ

Пули, хлеб из лебеды...
Всё отведал.
Шёл солдат домой с войны,
Шёл с победой.
А в походном вещмешке
Полкраюшки.
Шёл солдат домой к себе.
Смолкли пушки.

Вспомнил наш солдат жену,
Дочь Катюшу.
Вспомнил роту, старшину
Залп «Катюши»...
Шёл домой солдат с войны,
Шёл с победой.
Хлеба хватит всем живым,
Павшим – неба...

Угощал солдат в пути
Кого встретил:
Бабки, бабы, старики,
Малы дети...
Угощал солдатик всех
Своим хлебом.
Всех насытил его хлеб –
Хлеб победы.

ВОЛЖАНЕ

*Песня волжанки:
«Но куда же я поеду,
Я на Волге родилась...»*

Виктор Авдеев

Город.
Волга.
Горожане.
Аромат цветов!
Били здесь врагов волжане
Испокон веков!

На Мамаевом кургане,
Где мемориал,
Там под плитами – «волжане» –
Кто за Волгу пал!

Всё торжественно.
В огранке:
Мрамор и гранит...
А над Волгой – Мать-волжанка –
Родина стоит!

КАКАЯ СМЕРТЬ У ХРАБРЫХ

(отрывок из романа «Распутай время»)

*«И шли мы за СВА также шли,
Выстроив конницу «птицей»,
И она врагов «крыльями» накрыла,
А головой била.
И уничтожена была часть врагов тою конницей.
И вот, сосредоточив свой ум,
Мы врезались рядами в сечу,
И начали замыкать врагов в Перуново Коло.
И ныне мы должны так делать,
Если хотим одержать победу».*

Велесова книга

Я читаю её в облаках. В крутом и резком торможении маршрутки.

В торопливой шепелявости ног движущейся толпы.

Великая Отечественная унесла жизни обоих моих дедов, Петра и Николая. Один пал смертью храбрых, а другой умер от ран через месяц, вернувшись с войны. Те дальние деды и бабы, что были до них, не так часто вспоминаются, как эти. Наверное, боль их уже зарубцевалась временем. Зажила. Забылась. Боль этих ещё жива во мне. Ведь живы те, кто помнит их тепло, – мои отец и мать. И теперь через множество лет я пытаюсь разгадать то, что хотели передать мне предки. Я спрашиваю о них родителей. Но получаю в ответ лишь слёзы. И детские неосмысленные воспоминания.

Приметами посланий в нашем времени служат не отпечатки кирзачей, не надломленные ветки, как в тайге. Здесь, в XXI веке, да ещё в центре Москвы, искать их следы труднее. Гораздо труднее!

Мне сегодня везёт. Ещё утром я поговорила со Степаном Савельевичем Кашурко, энтузиастом поискового движения, руководителем центра «Подвиг». Как выяснилось в разговоре, он 43 года своей жизни отдал святому делу розыска без вести пропавших солдат Второй мировой войны.

В результате его титанического труда, которому нет аналогов в мире, более 250 тысяч семей из разных стран узнали о трагической судьбе своих родных и близких.

За годы кропотливого труда им установлены судьбы без вести пропавших на фронтах Второй мировой войны: Россия – 146 514; Украина – 48 752; Белоруссия – 28 125; Казахстан – 9320; Узбекистан – 8718; Грузия – 2836; Азербайджан – 2515; Армения – 2158; Туркмения – 550; Киргизия – 304; Молдова – 246; Латвия – 280; Эстония – 252; Литва – 198; Таджикистан – 196; Польша – 98; Югославия – 21; Израиль – 18; Чехия – 15; Болгария – 2; Франция – 1; Венгрия – 1. ВСЕГО: 250 667 человек. Но среди них Попова Николая Ивановича не оказалось...

Зато он пролил свет на ту историю с круглым русским шоколадом, о которой мне рассказали в Сербии.

Я долго выясняла здесь, в России – что за круглый такой шоколад? И вот сегодня Степан Савельевич мне раскрыл тайну. Оказывается, к концу войны была выпущена партия специального шоколада для того, чтобы наша освободительная армия угощала ребятшек дружественных стран. Как утверждает Степан Савельевич, шоколад имел вид бубликов, и его можно было ломать на части.

Вне сомнения, мой дед Пётр, освобождавший в те времена Крагуйевац, и был одним из тех артиллеристов. Ведь он так любил детей! И глаза у него были зелёные!

Подхожу к Дому кино на Маяковской. Мы договорились с Михаилом Ножкиным о встрече. Мы давно дружим. В его глазах – белый свет. Божья искра. Всепроницающая любовь к добру. В то же время яростный барьер

всему подлому и злему. Для своего возраста он прекрасно выглядит. Мысль работает чётко и стремительно. Его работы в кино – блестящи! Но я каждый раз при встрече удивляюсь, что в жизни он гораздо интереснее, чем его картинные герои. Потому что в жизни он говорит своими словами. А они сильны и точны. Для меня Михаил Ножкин является самым любимым бардом. Самым талантливым поэтом. Все шестидесятники начинались с него.

С радостью обнаруживаю, что по вопросам моих дедов он тоже в теме! Он подготовлен к встрече лучше, чем я.

Во-первых, он полностью подтверждает то, что сообщил Кашурко о круглом шоколаде. Во-вторых, добавляет детали к мифу моей семьи о том, что дед Пётр прыгал на немцев без парашюта. И легенда оживает. Оказывается не легендой. А самой настоящей былью!

Это была не сказка. И не плод больного воображения вернувшегося с войны израненного солдата. Михаил Ножкин имел доступ к архивам, когда работал с документальными материалами для телевидения. И он утверждает, что действительно зимой 1941 года к Химкам прорвалось 500 танков. Об этом сообщил лётчик, вернувшийся из разведполёта. Ему не поверили. Чуть не расстреляли.

Но проверка его донесения подтвердилась. В те леса была отправлена группа кремлёвских курсантов. Все они были уничтожены. Москва на этом направлении осталась без защиты. И наши ребята из Кургана приняли на себя тяжёлую миссию – согласились падать на немцев с самолётов. Парашютов не было.

Делали ставку на глубокий снег. Но вот новая деталь, которую я узнаю от Ножкина. Люди действительно прыгали без парашютов. Но!!! Что выдумали сибиряки! По истине – русская смекалка всегда побеждала во всём! На бреющем полёте, на самой малой высоте выбрасывались сначала брезентовые полотнища, и наши солдаты скатывались по ним, как по аварийному жёлобу. От этого гасилась скорость, смягчалась сила падения.

Поэтому так и получалось: не успевали очухиваться немцы – и наши (совершенно неожиданно падающие с

метельного неба, как привидения в белых маскхалатах!) открывали огонь на поражение. Танки были остановлены.

Я слушаю во все глаза и во все уши. Ведь среди тех героев был мой дед Пётр Фёдорович Тишков. А Михаил Иванович – эта живая энциклопедия истории – с радостью делится ценной информацией.

Но у меня есть ещё один дед – Николай, пропавший без вести под городом Ржевом. Я боюсь, что задаю слишком много вопросов. Но Михаил Иванович неумолимо продолжает рассказ. Кажется, он может говорить часами. Я не всё успеваю записывать, потому что от того, что я узнаю, мне снова становится больно.

Ржевская битва 1941–1943 гг. – самая кровопролитная за всю историю Отечественной войны. И самая замалчиваемая историками.

Потери советских войск в боях под Ржевом составили более двух миллионов человек, вдвое превысив потери в Сталинградской битве. В лесах под Ржевом погибла 29-я армия. Сам город был превращён в «лунный пейзаж». От сорокатысячного населения города осталось всего 248 человек. После ожесточённой 15-месячной битвы Ржев так и не был взят – немцы в последующем сами оставили его из-за неблагоприятной стратегической обстановки.

Михаил Иванович дарит мне диски со своими песнями. Дома я нахожу то, что мне нужно. Песню с названием «Под Ржевом». Где-то там пропал без вести мой дед Николай Иванович Попов. Он был простым пулемётчиком. Офицер, подписавший жёлтую похоронку, хранимую нашей семьёй до сих пор, сообщил потом его жене Полине, что Николай погиб «смертью храбрых».

А какая смерть у храбрых?

ПОД РЖЕВОМ

*Отцу моему, фронтовику
Ивану Петровичу Ножкину,
посвящаю...*

Под Ржевом от крови трава на века порыжела,
Под Ржевом поныне шальные поют соловьи
О том, как под Ржевом,
под маленьким городом Ржевом
Великие, долгие, тяжкие были бои...

Под Ржевом и ночью и днём не смолкали сраженья,
А враг был одет и обут и силён и жесток,
Под Ржевом сжималось,
сжималось кольцо окруженья,
И наши от пуль и от голода падали с ног.

Под Ржевом болота, повсюду болота-болота,
Трясина да кочки, да ямы, да редкий ивняк.
И в эти болота без счёта, без счёта, без счёта
Врезались герои отчаянных наших атак!

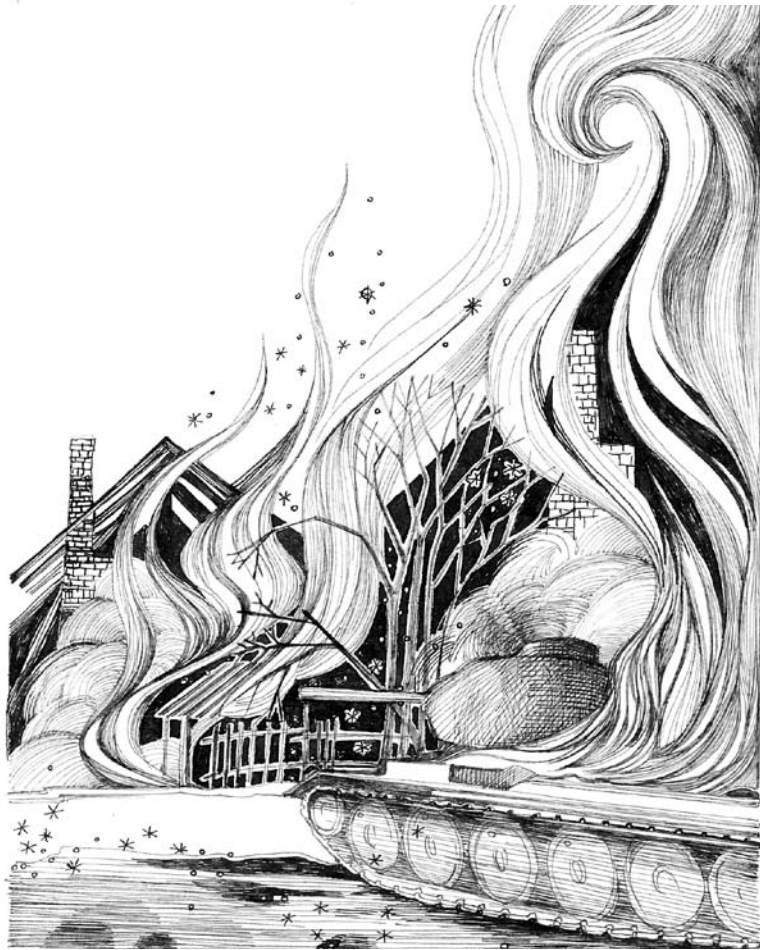
Под Ржевом в кровавой, свинцовой,
сплошной круговерти
Не дрогнули славные дети родимой земли,
Рванулись в прорыв окруженья Долиною Смерти
И в этой долине бессмертье своё обрели!

...А ныне в долине колышется хлебное поле,
А ныне в долине снимают тройной урожай,
А там, под землёю, в три слоя,
в три слоя, в три слоя –
Солдаты, солдаты, солдаты России лежат...

А дома поныне всё ждут их, всё ждут не дождутся,
В сердцах у родных всё кипит неоконченный бой,
А дома всё верят, надеются – вдруг да вернуться!
Хоть в песнях, хоть в мыслях,
хоть в сказках вернутся домой...

Под Ржевом от крови трава на века порыжела,
Под Ржевом поныне шальные поют соловьи,
О том, как под Ржевом,
под маленьким городом Ржевом
Великие, долгие, тяжкие были бои...

РЯДОВОЙ

Ах, как земля неровна...
Неровности земли
Любить заставила война,
Чтоб мог солдат укрыться.

Любая ямка, бугорок –
Спасение от пули.
И, крепко заучив урок,
Солдат живым остаться смог
В сорок втором, в июле.

Вжимался плотно в землю он,
Мечтая слиться с нею.
И был Победой награждён –
Стирал портянки в Шпрее.

И вот – землёй навеки стал,
Привнёс в родной суглинок
Своих осколков драгметалл,
Полученный в Берлине.

Да прах, что прорастёт травой,
Да память, что нетленна...
Итог, как будто рядовой,
В судьбе обыкновенной.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Как глупо умирать девятого мая тысяча девятьсот сорок пятого... Как несправедливо!

Можно подумать, что справедливо и умно умирать восьмого мая, десятого, а то и двадцать второго июня сорок первого... Нет справедливости в смерти. Но умирать девятого мая сорок пятого... умирать, когда первый диктор страны объявляет о полной и безоговорочной победе... умирать, когда огромная страна восторженно замерла у громкоговорителей и радиоприёмников, когда по лицам текут слёзы счастья... Ведь вот, закончилась, закончилась проклятая война, а ведь казалось, что нет ей ни конца, ни края, и дети рождались и жили, не зная, что бывает другая жизнь, и в страшные чёрные ночи, когда одиночество холодом подступает к сердцу, думалось, что это уже навсегда... Но нет, война закончилась, и можно начинать ждать тех, кто ушёл, теперь-то они будут возвращаться... И лихорадочный подсчёт в шевелении дрожащих губ: сколько дней прошло с последнего письма? Да-да, совсем недавно, значит, жив, жив-жив-жив, не может ведь так быть, чтобы в последний день, когда всё уже позади, когда война, дикая, жуткая, неправдоподобная – позади... Не может ведь такого быть, правда?

★★★

Мишка не сразу понял, что умирает. Ему говорили, что вся жизнь должна промелькнуть перед глазами в один миг – в тот самый, когда уже всё... Но вот этот миг тянулся и тянулся, а ничего не мелькало, никакого кино из Мишкиной жизни. Значит, ввали, и умирают совсем не так. А может миг быть длиною в жизнь?

Он чувствовал, как жизнь стекает по его рукам, собирается на кончиках пальцев и медленно капает вниз. Капли жизни не были похожи на воду, они казались маслянистыми на ощупь и очень тяжёлыми. Мишка даже

удивился, что не слышно громких шлепков от падения каждой капли. Или даже ударов. Ему представлялось, что такие тяжёлые капли должны ударяться о землю с утробным гулом – так звучал колокол на одной маленькой церквушке, мимо которой проходила их рота при отступлении в первые дни войны.

– Буоооо! – говорил колокол, провожая уходящих, ссутулённых от стыда и страха солдат, оставляющих свою землю врагу, оставляющих своих близких. – Буоооо!

И Мишке слышалась просьба о возвращении, и хотелось стрелять, хоть просто так, в воздух, хоть в этот колокол, который гудел о долге и чести.

Но сейчас отданы все долги, и отданы с честью – это Мишка знал твёрдо. Ему хотелось вновь услышать оглушительное «Буоооо!», в котором звучало бы одобрение.

Увы, капли падали совершенно бесшумно, и вообще не было слышно никаких звуков – мир завернулся в тёплое ватное одеяло, как делал сам Мишка в далёком детстве, пугаясь страшного Буки, живущего под кроватью и выходящего по ночам. Мишка прятался под одеялом, а панцирная сетка кровати тихонько поскрипывала при малейшем движении, и мамка напевала мягко:

Папка с фронта придёт, всем гостинцы принесёт:

Мамке – блузочку, Мишке – картузочку!

Ай, люли-люли, новую картузочку!

Мишке было хорошо и спокойно, как тогда, в детстве. Он был уверен, что ни один Бука больше его достать не сможет. Единственное, о чём он немного волновался – перешлют ли его вещи родным. Такая мелочь, а она не давала покоя, свербила где-то на краю сознания, не позволяла сосредоточиться на мерном падении маслянистых тяжёлых капель.

– У меня родных – мамка да Наталка, – смеялся обычно Мишка. – Ни тебе тёток, ни тебе дядек, ни двоюродных, ни троюродных. Может, были когда, да повывелись.

Был, правда, еще и Сашка, но его Мишка воспринимал с трудом: женился за неделю до войны, через семь су-

масшедших жарких ночей ушел на фронт, и когда узнал о рождении сына, то даже не сразу понял, что это – его сын, его и Наталки.

Наталка была детдомовской и лепилась к свекрови, как малое теля к корове, ну, а мамка, узнав о будущем внуке, вцепилась в невестку вообще намертво. Мишка-то у неё единственным был, да вот, ушёл на фронт, а война – дело ненадёжное, это она знала точно, и внук – единственная кровиночка, душа родная, чистая, любимая!

Так что сына Мишка видел только на не слишком чётких снимках, присланных мамкой да Наталкой. Расстраивался, что вот малыш пускает пузырьки в кроватке, а вот он уже на ножки встал, первое слово сказал, первым другом обзавёлся – и всё без папки да без папки.

– Ну, ничего, война закончится – всё наверстаем, – обещал Мишка себе и писал эти обещания в каждом письме мамке да Наталке, обязательно приписывая привет Сашке да строгое указание вести себя хорошо. А то ведь папка с фронта придёт да по попе надаёт!

Он не знал, как радостно Сашка распевал по утрам:

Папка с фронта придёт, всем по попе надаёт!

Ой, люли-люли, всем по попе надаёт!

Малыш готов был пожертвовать чем угодно, лишь бы папка пришел с фронта. А там уж хоть по попе! Не страшно.

В вещмешке Мишки хранились гостинцы для мамки и Наталки, гостинцы, которые он не хотел доверять почте, а мечтал привезти сам, вручить своим женщинам. Мелочи, конечно, он ведь солдат, а не офицер. У тех вон и транспорт, и что угодно. А солдат только то и имеет, что на собственных плечах унесёт. Не так много и утащишь!

Но Мишка всё же обзавёлся роскошным платком для матери – в цветах и райских птицах, пусть соседки о такую красоту глаза мозолят, мамке его завидуя. А для Наталки – колечко лёгкое, блестящее, сапфировыми глазками подмигивающее. Как раз такими, какие у самой Наталки – глубокие, синие, ух! Заглянешь – утонешь...

У мамки Мишкиной украшений было: буски чёрные и красные, деревянные, да кольцо обручальное – батя покойный, Царствие ему Небесное, на палец одел в церкви. Для кольца себе денег не хватило, так и венчались одним – рассказывала мамка. Да хоть и одним, а прожили, сколько Бог дал, душа в душу, вот Мишку нажили. Ну, а у Наталки и вовсе кольца не было, Мишка ей после загса конфетную фольгу блестящую скрутил вокруг пальца – вроде как колечко. Не знал он, что Наталка этот фантик конфетный берегла пуще, чем другие бриллианты, и дороже он ей был, чем целая ювелирная лавка.

А для Сашки нашёл в брошенном доме Мишка маленький игрушечный паровозик: ключик повернёшь в его боку, а он ездит, колёсиками постукивает, три вагончика за собой тянет. Вот радости-то пацану будет!

Интересно, а у этих... из-за которых жизнь сейчас вытекает из Мишки тяжкими каплями, у них были игрушечные паровозики? Чем они играли, эти дети, пока не взяли в руки автоматы и фаустпатроны?

Хотя это же были гитлерюгендцы, последняя надежда фюрера, последняя надежда нации – так утверждал Гитлер, так считали и они сами. Только Мишка точно знал, что нельзя бросать таких детей в топку войны, ведь если они погибнут – у нации не останется больше никакой надежды. Мишка спасал не мальчишек из гитлерюгенда, врагов, напавших из-за угла в первый день мира, в последний день войны. Он спасал немецкую нацию. Глупый, глупый Мишка... Кто же спасёт его?

Они выбежали из-за угла, неожиданно и резко, будто учились этому всю жизнь. Один полоснул автоматной очередью – и Лешка, Мишкин приятель сразу упал в каменное крошево, беззвучно и мягко, как плюшевая игрушка, сложившись в кучку не слишком чистого тряпья. Второй выступил из-за спины автоматчика с уже нацеленным фаустпатроном, выстрелил. Повезло – промахнулся, и лишь обрушилась стена дома за спинами советских солдат, случайно уцелевшая при бомбежках и артобстрелах.

– Надо же, доби́ли, – нервно засмеялся Пётр – совсем ещё зелёный, рвавшийся на фронт с первых дней войны, но слишком молодой, чтобы туда попасть. И вот, в последние дни его мечта всё же сбылась, война не закончится без него, он сможет поставить победную точку, как мечтал все военные годы. Правда, не всё оказалось так, как воображалось в глубоком тылу, смерть была куда страшнее...

– Пригнись! – крикнул Мишка. – Ложись, дурень!

Пацан распластался на колотом кирпиче, и Мишка вздохнул с облегчением. Остальные солдаты уже давно лежали, нюхая каменную пыль, тихо вспоминая про себя солдатское счастье и радуясь, что автоматная очередь досталась не им.

– Хендехох! – традиционно призвал кто-то из бойцов, обращаясь к немецким мальчишкам, убравшимся за угол. Понятно было, что они никуда не ушли, сидят там, за этим углом, ждут, когда русские поднимутся, и тогда вновь повторят нападение.

Этих мальчишек натаскивали чуть не с колыбели, их учили, как быть немцем – правильным немцем с точки зрения Гитлера. Для них не существовало ни поражения Германии, ни смерти их обожаемого фюрера. Был лишь приказ – сопротивляться до последнего, и они сопротивлялись. Отменить приказ невозможно, он прочно впечатан в их мозг, вырезан там вместе со свастикой. Они готовы умирать, чтобы выполнить приказ своего дохлого фюрера. Но вдруг кто-то всё же захочет жить?

– Хендехох! – опять пригласили русские. – Выходи по одному без оружия. Мынебудемстрелять!

– Wir werden nicht schießen, die Welt ist bereits unterzeichnet! Wir kämpfen nicht mehr! – Мы не будем стрелять, мир уже подписан! Мы больше не сражаемся!

А это Васька... умный паразит! Мишка им восхищался. Парень чесал по-немецки, как на родном русском, собиравшись в институт после войны. Сколько Мишка его знал, Васька никогда не расставался с тетрадкой, куда записы-

вал новые слова – это был его словарь, который он тщательно берег на всех военных дорогах. Теперь вот явно пытается объяснить что-то щенкам с фаустпатроном. И правильно, вдруг да поймут. Зачем умирать, когда войне уже конец?

– Du darfst auch nicht kämpfen! Die Welt! Der Krieg ist vorbei! – Вы тоже не должны сражаться! Мир! Война окончена!

В ответ из-за угла опять выстрелили из автомата. Правда, ни в кого на этот раз не попали, но ситуация стала совершенно ясной: сдаваться они не собираются, лучше умереть, чем сдаться, лучше попытаться убить ещё пару русских солдат, а потом умереть! Как много, оказывается, можно сказать одной автоматной очередью...

Кто-то выстрелил в ответ, выбивая фонтанчики пыли и мелко́го гравия из измученной земли. Ещё одна очередь прочертила улицу, ещё... Так можно было перестреливаться бесконечно, пока у мальчишек из гитлерюгенда не закончились бы патроны.

– И-ех! – выдохнул Пётр, поднимаясь.

– Куда? Куда, дурень?! – зашипел Мишка, но парень не повернул головы. Он почувствовал, что пришло его время, момент для подвига, о котором грезилось всю войну. Вот сейчас, в этот последний день войны, в первый день мира... если не сейчас, то когда же?

И он швырнул к углу гранату. Мишка с ужасом видел, как зелёная осколочная тварь летит к дому, падает среди обломков кирпича и каменного крошева, поворачивается, будто хищник, выбирающий цель. Всё было медленно, как в кино, когда заедает лента, и киномеханик, сердито выплёвывает папироску, чтобы заняться оборудованием, а в зале свистят и хохочут мальчишки.

Граната не летела, она плыла по воздуху, и видно было, как в стороны расходятся прозрачные волны, тревожа висящую розовую пыль.

– Они же совсем пацаны... – Мишка на мгновение зажмурился.

Он видел мальчишек в освобождаемых концлагерях – тонкие искривленные косточки, обтянутые жёлто-серой иссохшей кожей. У этих мальчишек были огромные глаза на черепоподобных лицах.

Он видел мальчишек в родных городах и деревнях – когда армия уходила, отступая, и когда возвращалась. Он видел, как мальчишки смотрели с укоризною, как пытались пристроиться в хвост солдатской колонны... И потом, когда встречали вернувшихся – с цветами и песнями, и совсем мальцы хватались за штанину, проникновенно заглядывая в глаза: «Ты не мой папа?».

Он видел мальчишек в чужих городах, куда вошла армия, победно выстукивая марш на заграничной брусчатке. Они смотрели настороженно, прятались за углами и в оконных нишах, убегали, испуганные. Но потом оттаивали, тянулись к солдатам, ели кашу из их котелков и даже пытались подпевать солдатские песни.

И вот теперь эти – сытые, хорошо одетые мальчишки с напрочь вымытыми мозгами, которые жаждут только одного: убивать. Но они же мальчишки... надежда нации... тут их поганый фюрер был прав...

И Мишка бросился на гранату, накрывая собой осколочный кошмар, зелёного хищника, затыкая своим телом зубастую пасть. У каждой нации должна быть надежда...

Ты прости, Сашка. Мужчина должен держать данное слово, но иногда нет никакой возможности. Прости...

Последняя капля тяжело ударилась в небесную твердь.

– Буооом! – гул разнёсся далеко, и Мишка услышал его сквозь пухлое ватное одеяло, спасающее от Буки.

Папка с фронта придёт, всех врагов перебьёт!

Бабка тесто натолчёт, мамка пряник испечёт!

Ай, люли-люли, пряником врагов убьёт!

– Наташа, ну что ты копаешься? – мать сердито посмотрела на невестку. – Ну, когда оно было? Не томи, не рви сердце!

– Ой, мама, так я же говорю – неделю тому как! – Наталка быстро перебирала дорогие листочки в коробке. Как назло – последний куда-то затерялся. А, вот! – Ну я же говорила! Второго числа, мама!

– Ну, значит, жив, – с облегчением вздохнула мать. – Если неделю тому как... Самое плохое позади. Теперь уж не страшно, теперь вернётся. Жив.

И она не удержалась, улыбнулась истончёнными, морщинистыми губами, а в глазах мелькнул радостный отсвет. Наталка засмеялась, подхватила на руки сына, закружила его.

– Ты слышишь, Сашка, скоро папка с фронта придёт!

Сашка захлопал глазами, развеселился. Папка с фронта придёт... Это была мечта всех мальчишек военных лет, а Сашки особенно. Он ведь папку и не видел никогда, разве что на героических фотографиях, которые показывала мама. А теперь вот – он придёт с фронта, и жизнь станет просто замечательной!

– Папка с фронта придёт! – повторил он. – Мама, баба, а скоро?

– Скоро, ягодка моя, скоро, – Наталка прижала сына к тёплой груди, поцеловала белобрысую макушку. – Уже совсем скоро...

Сашка закивал и подумал, что нужно будет похвататься перед мальчишками во дворе. Шутка ли – папка с фронта...

Папка с фронта придёт и гостинец принесёт!

Ай, люли-люли, пряничные гули...

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

МИХАИЛ НОЖКИН

ГЛЯДЯТ НА НАС ФРОНТОВИКИ

Прошла война, ушла за поворот,
В чехлах стоят гвардейские знамёна,
И жизнь, и время движутся вперёд –
Отстали только павших миллионы!..

Остались в поле брани навсегда,
Легли живой дорогой Победы.
За нас легли, затем, чтоб никогда
Нам этой боли в жизни не изведать!

И память нам покоя не даёт,
И совесть нас с тобой частенько гложет,
И хоть сто лет, хоть тыща лет пройдёт –
Никто у нас войны забыть не сможет!..

А тех, кто жив, кто чудом уцелел,
Сегодня мы как чудо изучаем,
Но даже чуду, чуду есть предел –
Всё реже их на улице встречаем.

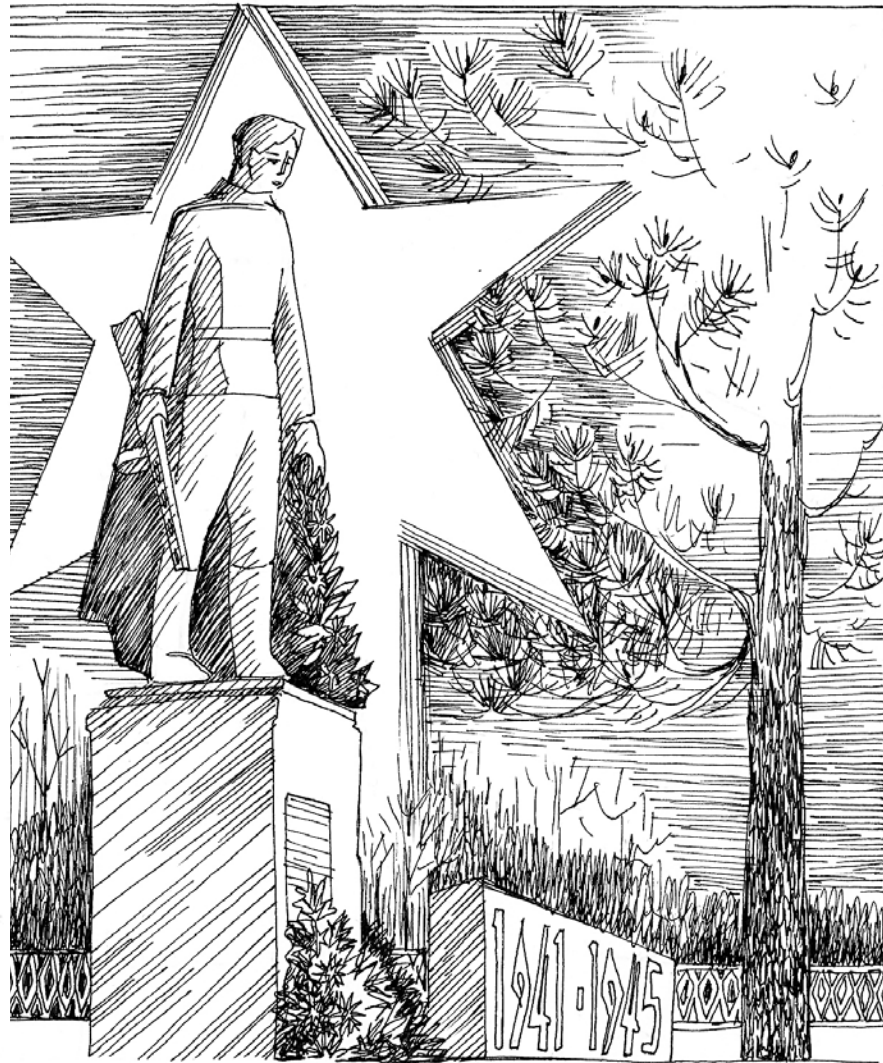
Сквозь шторм свинца, сквозь ураган огня,
Сквозь смерть саму прошли, не зная брода.
Весь мир не может до сих пор понять –
Как их хватило на четыре года!

Глядят на нас, глядят фронтовики,
Глядят на нас исчезнувшие роты,
Глядят на нас ушедшие полки,
Глядят на нас с надеждой и заботой –
Ну как мы тут и что у нас за жизнь,
Куда идём семьёю многоликой,
Готовы ль так же Родине служить,
Достойны ли Истории Великой?!

И память нам покоя не даёт,
И совесть нас с тобой частенько гложет,
И хоть сто лет, хоть тыща лет пройдёт –
Никто у нас войны забыть не сможет!..

БЕССМЕРТНЫЙ МАРШ

(песня)

Война закончилась. И пушки замолчали,
И годы сгладили великую беду,
И мы живём. И мы опять Весну встречаем,
Встречаем День Победы, лучший день в году.

И от Камчатки до прославленного Бреста,
От Севастополя до мурманских широт
Печаль и радость по стране шагают вместе,
И снова память нам покоя не даёт.

Припев:

И вновь зовут колокола святые,
И вновь страна в единый строй встаёт,
Бессмертный полк, Бессмертная Россия
Уверенно в грядущее идёт!

Война закончилась. Но песней опалённой
Над каждым домом до сих пор она кружит.
В войну отцов и дедов наших миллионы
Ушли в бессмертие, чтоб нам с тобою жить!

Они исполнили солдатский долг суровый,
И до конца остались Родине верны,
И мы в Историю заглядываем снова,
Чтоб день сегодняшний измерить днём войны.

Припев.

Война закончилась. Но в мире нет покоя,
И снова недруги пугают нас войной,
Мы не боимся их – у нас страна Героев,
И все готовы встать за Родину стеной!

Война закончилась. Но память поколений,
Как фронтовая дружба, вечна и тверда.
Нас никогда никто не ставил на колени,
И не поставит ни за что и никогда!

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

(отрывок из поэмы «Ради жизни на земле»)

*Моему народу-герою,
народу-победителю
посвящаю!*

Светлый праздник над землёю
Крылья мирные простёр –
День Победы, день Героев,
Вечной памяти костёр!
День Победы, День Победы –
Праздник самый дорогой,
Наши боли, наши беды,
Наша радость, наш покой.
Наша Правда, наша сила,
Память сердца, крик души,
Праздник, звонкий и красивый,
В день весенний к нам спешит!
И с победным вдохновеньем
Всюду буйствует Весна,
И с особенным волненьем
Просыпается Страна.
Все невольно подтянулись,
Посерьёзнили с утра,
От обычности очнулись
И на старших обернулись,
К старшим сердцем потянулись –
До чего ж ты, жизнь, мудра!..

ГОД РОЖДЕНИЯ

Над тесовою крышей
Пели ветры в трубе.
Сын Петра и Мариши,
Я родился в избе.
Ветры весело пели
И качали звезду
Над моей колыбелью
В сорок пятом году.
И салюта зарницы,
Что зажглись над Москвой,
Расцвели как жар-птицы
Над моей головой.
Чуть подрос – засверкали
На груди сорванца
Боевые медали
С гимнастёрки отца.
– Батя, вспомни!
– Не надо..
Был отец молодым.
Из блокадного ада
Возвратился седым.
Всё, что в детстве случилось,
Я запомню навек.
В нашем классе училось
Только семь человек.
Подсекали мы ловко
Пескарей на реке.
Нас растила Орловка
На парном молоке.
Деревенские вдовы,
Как пригоним коров,
Скажут, потчуйа вдоволь:
– Будь, сыночек, здоров!

Вытрут влажные веки
Уголками платка.
Не забуду вовеки
Вкус того молока!
Нас всем миром растили,
Пересилив беду.
Я родился в России,
В сорок пятом году.

ДЕРЖАВА

Нет, не империя и не страна...
Детям отцы завещали:
Родина Богом на то и дана,
Чтобы её защищали.

Наши отцы заплатили сполна –
Заживо в танках сгорали.
Родина, значит, на то и дана,
Чтоб за неё умирали.

Род – от макушки до самых корней –
Древо из плоти и стали.
Родина – почва. Недаром на ней
Внуки твои выросли.

Места другого тебе не дано.
Здесь твои сила и слава.
Впрочем, в России ещё есть одно
Точное слово – держава...

«..ВСЁ ВРЕМЯ ДУМАЛА О ТОМ, ЧТО БЫЛО КУДА ВАЖНЕЕ, ЧЕМ ОНА САМА»

(по книге Б. Л. Васильева
«А зори здесь тихие»)

Как я умудрилась так нелепо сломать руку? Сама не знаю. Боль была сильной, еле дошла до больницы, где меня решили оставить на недельку-другую. И вот она я: с гипсом на руке, в халатике и тапочках разгуливаю по дворику перед больницей. Люблю заходить в небольшую посадку берёз, садиться на лавочку и размышлять... О чём? О многом мечтает девчонка в шестнадцать лет. О скорой выписке, о лёгких экзаменах, о подружках, о любви...

Со мной в палате лежат ещё четыре девушки, но наше общение как-то сразу не задалось. День и ночь они болтают о мальчишках или сидят, уткнувшись в гаджеты. Ну и ладно, мне и одной хорошо. К тому же август стоит чудный: тёплый-тёплый, порой дует свежий ветерок, облачно – лучшая погода для меня. Хожу, люблюсь, думаю...

Больница состоит из четырёх корпусов. Все здания одинаковые, четырёхэтажные. Вот корпус номер два. Ничего интересного. Пойду дальше. Корпус номер три. Ничего интерес...

Девчонка! На подоконнике второго этажа сидела девочка в голубом платочке. Почему она в платке? Почему так грустна? Что читает? Меня как-то сразу зацепила эта встреча, гулять больше не хотелось.

В руках незнакомка держала книгу Бориса Васильева «А зори здесь тихие...». Тут же позвонила маме и попросила принести томик писателя. Уже в первые минуты чтения на глазах появились тихие слёзы. Девчонки военных лет, вы звали меня за собой, заставляли что-то делать...

И вот утром снова спешу к третьему корпусу. Зачем? Пока не знаю. В окне никого не видно. Поднялась на второй этаж. Вот и палата. Стучусь.

В дверях показалась та самая девочка в голубом платочке. Она была очень бледна.

– Привет. – В голове только сейчас беспокойно закрутилась мысль о том, что повода для моего появления тут нет. Но незнакомка открыла шире дверь, как бы приглашая войти в палату.

– Знаю, что ты не ждала меня, но я вчера увидела тебя с книгой у окна и решила, что мы можем познакомиться.

– Жанна. Я и правда не ожидала. – Её голос был тихим и немного хрипловатым.

В ходе разговора узнала, что второй этаж третьего корпуса занимает онкологическое отделение. Вот и стало понятно, зачем ей голубой платок. Рассказала Жанне, что я в гипсе из-за того, что, заснув на стуле, неудачно упала на руку. Мы посмеялись. Отметила, что девочка смеялась только губами. Глаза оставались серьёзны.

– Кстати, книгу Бориса Васильева я тоже начала читать.

– А я дочитала вчера, – сказала Жанна.

Мы снова помолчали. Вдруг она заговорила быстро-быстро:

– А ведь тут он, тот далёкий разъезд! – Жанна хлопнула по кровати, на которой сидела. – Тут тихо сейчас, но в любой момент смерть подойти может. «Всё в ней вдруг запеклось и потому не болело и не кровоточило». Это не только про Женьку Комелькову написал Васильев. Это про меня. Мне два-три месяца осталось...

Теперь побледнела я. Девочке в голубом платке осталось два-три месяца. Ей всего пятнадцать. А в глазах все сорок. Она не плакала. Лишь сухо отрезала: «Не жалею». Криво улыбнулась.

– Война сейчас здесь! – Жанна ударила себя в грудь. – Фрицев – шестнадцать, а меня – пять.

– Перестань. Девчонки ведь, несмотря на гибель, выполнили миссию! – Мне становилось не по себе. Моя новая знакомая быстро поняла это.

– А кто тебе из них ближе всего? – вдруг спросила она. Я не успела ответить, так как вошла медсестра, вопросительно посмотрела и спросила:

– Это твоя подруга?

– Друг, – коротко сказала Жанна.

– Сейчас у нас дела, встретитесь завтра.

Вечером долго-долго не могла заснуть, перечитала ставшие уже такими любимыми «А зори здесь тихие...», думала о том, кто же мне ближе из героинь Бориса Васильева. Хотелось поговорить с Жанной. Какая-то ниточка уже связывала нас. Почему меня так заинтересовала эта девчонка? Сколько их, онкологических больных?

Я не могу найти ответы на нахлынувшие вопросы, знаю лишь одно: «Хватит тех, что погибли. По горло хватит, до конца жизни».

Проснулась очень рано и заторопилась к Жанне. Теперь всё делала в спешке. Будто боялась опоздать.

– Женька Комелькова, – выдохнула я, вбегая в палату. Жанна лежала на кровати лицом к окну. Сегодня на её голове был другой платок. Девочка повернулась, и я пожалела, что пришла так рано. Сонное лицо было совсем детское и очень-очень усталое.

– Женька Комелькова нравится больше всех, – повторила я. – Женька ничего не боялась, и я не боюсь. Она до последнего боролась, она герой. И ты борись, Жанн, борись. Не время руки опускать. Даже немцы Женькой восхитились: «...долго смотрели на её и после смерти гордое и прекрасное лицо...»

Пока говорила, девочка поправила свой платок и села на кровати, устремив на меня тревожный взгляд голубых глаз.

– А мне ближе Лиза Бричкина, – медленно заговорила Жанна. – Она не прикрывала грудью товарищей, но до последнего бежала, ползла за помощью. «И осталась от неё только армейская юбка. А больше ничего не осталось, даже надежд, что помощь придёт». Помнишь, у Васильева было написано: «Каждое утро её обжигало нетерпеливое предчувствие ослепительного счастья». И меня обжигает. Лиза «...до последнего мгновения верила, что это завтра будет и для неё...» И я борюсь, верю и жду. Но мне слегка нужна. Без неё засосёт это страшное болото болезни. Я не Комелькова, я боюсь.

В тот день Жанна была слаба. Мы разговаривали с ней около часа. Потом пришли родители девочки, и я ушла к себе на лавочку, чтобы побыть одной, подумать. Возле меня кружились пожелтевшие листки, приближалась дождливая осень, тихо катились слёзы. Теперь всё чаще и чаще они появлялись на глазах. И я не Комелькова, мне тоже страшно, но не признаюсь этой такой родной уже девчонке. И ходить буду каждый день. Слегой её стану. Вспоминаю строки из книги: «Всею тяжестью налегая на шесты, девушки с трудом вытягивали ноги из засасывающей холодной топи». Буду помогать, как смогу, своему новому другу.

С нетерпением жду завтрашнего дня. Боюсь опоздать. Моя слега этой девочке просто необходима.

Утро. Бегу к Жанне. Мы долго говорим, порой переходя на шёпот и дрожащий голос. Но не плачем, будто сговорились заранее.

У Жанны на голове зелёный платок. Мама меняла их после каждой химиотерапии. Недавно была четвёртая...

В тот день меня должны были выписать где-то в полдень. Скоро буду дома. Соскучилась по близким. Я чувствовала себя в этот момент Ритой Осяниной, которая больше всего любила свои возвращения в часть ранним утром.

Много размышляю после каждой встречи с Жанной. Ведь она, читая Васильева, будто умирала с героинями писателя. Нельзя ей умирать. Силы беречь нужно. «...Шла война, раскладывая на континентах гигантский пасьянс из человеческих жизней», – пишет Борис Львович. И эта война была в ней самой. В Жанне...

Я обещала, что буду приходить каждый день. Понимала: нельзя ни дня пропустить, вдруг она вместо слеги возьмёт тоненькую палку или, как Лиза, совсем забудет о ней. Так хотелось, чтоб сбылись слова Васкова: «После споем с тобой, Лизавета. Вот выполним боевой приказ и споем». Хорошо бы и мне спеть с Жанной.

Дорога в больницу стала ежедневной. Мы много разговаривали. Я заметила, что книга Бориса Васильева по-

прежнему лежит у неё на тумбочке. Жанна сильно похудела. Мне запрещали ходить к ней каждый день, потому что девочка должна больше отдыхать. Я злилась на врачей, которые ничего не понимали. Моя Лиза без меня, без слеги, одна не пройдёт. Крутились в голове, не давали покоя строки из книги: «...Всё время думала о том, что было куда важнее, чем она сама».

Конец ноября. Сегодня я мгновенно выбежала из палаты на крыльцо. Снежинки тихо падали на мои плечи. Кружились, кружились... Первый снег. Опустилась на ступеньку.

Вспомнила слова Васкова: «Выходит, что проиграл он вчера свою войну». И я проиграла... Её больше нет...

У Васильева есть строки: «Бывает горе – что косматая медведица: навалится, рвёт, терзает – света невзвидишь». Душила боль, медленно разъедала изнутри. И никуда от неё было не деться. Я крепче сжимала голубой платок и книжку – всё, что у меня осталось от Жанны. В книге была закладка. Открываю, перечитываю подчёркнутые строки: «И такое чувство у него было, словно именно за его спиной вся Россия сошлась, словно именно он, Федот Евграфыч Васков, был сейчас её последним сыном и защитником. И не было во всём мире больше никого: лишь он, враг да Россия. Только девчат ещё слушал каким-то третьим ухом: бьют ещё винтовочки или нет. Бьют – значит, живы. Значит, держат ещё свой фронт, свою Россию. Держат!..»

И я буду держать в руках книгу талантливого автора. А потом, когда боль утраты хоть чуть-чуть притупится, снова приду сюда: в коридоре больницы на днях встретила с тревожными глазами ещё одной что-то читающей девочки. Вспомнилось: «Значит, и у тебя личный счёт имеется». Да, имеется!..

Начинаю рыдать, размазывая обжигающие слёзы по лицу. Сегодня можно, сегодня слёзы не тихие. Нет больше закона «не плакать»...

«А самое главное, что могла нарожать Соня ребятшек, а те бы внуков и правнуков, а теперь не будет этой

ниточки, маленькой ниточки в бесконечной пряже человечества, перерезанной ножом...» – эта мысль Васкова постоянно вертится в моей голове.

Ещё «...ему чудились в этом белёсом мареве его девчата, все пятеро, и он всё время шептал что-то и горестно качал головой». Я плачу и плачу, тоже качая головой... Губы шепчут: «Жанна!..»

Спасибо, друг! Спасибо за встречу с тобой, за то, что заставила так о многом задуматься.

Лежит на письменном столе книга, раскрытая на последней странице: «А зори-то здесь тихие, только сегодня разглядел. И чистые-чистые, как слёзы...»

Мы, сегодняшние, многому учимся у героинь Васильева. Рита Осянина, Женька Комелькова, Лиза Бричкина, Галя Четвертак, Соня Гурвич – вы помогаете мне становиться Человеком. Спасибо Вам, Борис Львович, за удивительные книги. Особенно – за мою любимую «А зори здесь тихие...».

Пятьдесят лет тому назад на всю страну прозвучал негромкий голос писателя, заговорившего о безвестных девчонках, погибших в карельских лесах.

Повесть Васильева – пронзительная правда о войне, о юных героинях, погибших без высоких слов. Ни у одной из них ни на секунду не мелькнула мысль о том, нужно ли было жертвовать своей жизнью в лесной глухомани.

Читая, чувствуешь постоянное дыхание вечных вопросов. Что такое подлинная человечность? Как остаться человеком в жестоких обстоятельствах беспощадного и циничного мира?

Борис Васильев скуп на слова; в самые трагичные последние минуты он пишет, стиснув зубы, а мы чувствуем комок в горле...

Обострённая совесть героев писателя ведёт нас за собой, заставляя помнить слова: «...Всё время думала о том, что было куда важнее, чем она сама».

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Перерожденье человечества
Возможно ль без пожаров зарева?
Салютом День Победы встречен был,
В честь мира, что родился заново.

День майский красною стал датой,
Стал днём – в веках увековеченным.
В тот день советскими солдатами
Непобедимых миф развенчан был.

Цена той тишины огромная,
Оплачена людскими жизнями,
Страданиями, болью, кровью их –
Всех призванных на бой Отчизною.

Детей войны зовут подранками.
Войной их детство было попрано:
Нет, не игрушечными танками
Давила их и жизни комкала.

Впрягались бабы вместо лошади
В телеги, сани. Труд был тягловый:
Оглобли были перекошены,
Ломались, а они не падали.

Деды терпели, дети, женщины.
Терпели все и все работали.
Ходили досыта не евшие
С ладонями, до крови стёртыми.

Так год, два, три, четыре прожили.
Шли трудно к часу долгожданному.
Любовь, надежду, веру множили.
Победу обрели желанную.

Дождавшиеся – стали счастливы.
А вдовы и сироты – сирые:
Без мужа, без отца остаться им
В войну пришлось и в годы мирные.

Дороже мирных дней на свете нет.
Цена у тишины огромная.
Пусть День Победы станет днём побед
Над злом воинственным и целью злобною!

*Перевод
Веры Хамидуллиной*

В ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Мусе Джалилю

Закрыв глаза –
и даль пред ним открылась,
и ввысь повлёл
широких крыльев взмах.
Там свет сиял,
там жизнь людей вершилась...

Открыл глаза –
какой кромешный мрак...

*Перевод с азербайджанского
Геннадия Калашникова*

БЕРЁЗЫ

*В Белграде
на могилах советских воинов
растут берёзы.*

Выстроились, белея,
Плавно и величаво,
Ветви свои плакучие
Мягко роняя вниз...
На берегу Дуная
Рядом с теченьем Савы
Скольких друзей я вспомнил,
Сколько имён и лиц.

Кто он был и откуда,
В светлой тени лежащий,
Спящий в краю далёком
Вечным солдатским сном?
Сыном он был и мужем,
Бойцом он был настоящим,
Родненьким был, любимым,
Защитником и отцом!

Время здесь поседело,
Здесь поднялись берёзы,
Ростом своим означили
Тех, кто здесь воевал.
Листья берёз трепещут,
И набегают слёзы...
Каждый солдат берёзою,
Белой берёзой стал.

Листья берёз трепещут,
Словно поют о России,
Словно шепчутся с теми,
Кто их помнит и ждёт.
Гордо стоят берёзы,
Небо над ними сине,
Вечен этот высокий,
Солнечный небосвод.

Пусть тишина продлится,
Пусть не грохочут грозы,
Дети пускай смеются,
Звонко поют ручьи...
Строки эти солдатам,
Строки эти – берёзам.
Сердце моё здесь плачет,
Плачут стихи мои.

*Перевод с азербайджанского
Геннадия Калашникова*

ПРОСТИ, СОЛДАТ ВАСИЛЬ ИВАНЫЧ

(отрывок из рассказа)

В Калевалу

Карелия. Сухой июль 2001 года. Дождей нет третью неделю. Крепкая грунтовка отчаянно пылит. Уже второй час ночи, и мы на подступах к Калевале, райцентру Калевальского национального района. Древняя земля, древний народ, вот только мы из настоящего.

Мы – поисковый отряд из Костомукши. Две «Нивы» и семь совершенно разных людей, которых веление души собрало сегодня вместе. Вот это – Лёха, он самый главный, хотя молодой и с виду бесшабашный. Но это на первый взгляд. Вообще-то, именно он когда-то заразил всех мощной идеей создания в городе историко-патриотической организации с целью увековечивания памяти павших советских воинов. Лёха по образованию историк. Сейчас он спит, вольготно развалившись на переднем сидении первой «Нивы». Спит, но руки крепко держат находящийся между ног сложенный металлоискатель. На поворотах трясёт. Старая бейсболка сползла на Лёхины глаза. Бедный, умаялся за день, ведь пятница была хлопотной, собирались сегодня на выезд уже после работы. Пусть спит, у него ещё много хлопот. Это я так думаю, жалея Лёху.

А вот Вовка так не думает. Умный и успешный предприниматель, добрый и не обидчивый. Будущий кандидат наук! В руке синяя баночка с тоником. Его, наверное, раздражают Лёхины ноги, безвольно болтающиеся в такт потряхиванию «Нивы». А может, не все ноги, а только колени, выглядывающие из лопнувших штанин старого армейского камуфляжа. Он тоже устал, ведь за рулём уже три часа. Через каждые пять минут повторяется одна та же сценка – Вовка громко орёт:

– Лёха, проснись, скоро будем на месте. Умаялся, бедный зайчик...

– Не громыхай костями, бобёр, смотри на дорогу.

Я сижу на заднем сиденье, молчу, смотрю на ребят, на дорогу и лес. Скоро будем на месте. Палатки, костёр, короткий ужин, отдых до утра. Июльская ночь в Карелии светлая, но усталость берёт своё. Вовка замолчал. Невольно думаю о том, что водителю ещё тяжелее бороться с дремотой, начинаю разговор с Вовкой «за жизнь». Он учится в аспирантуре, и в следующем году у него защита. Вовка бодро мне отвечает. Так, в разговорах, доехали до своротки на нашу ламбушку перед озером Кис-Кис, на которой второй год ставим лагерь.

Музей

Утром из лагеря на машинах выдвинулись на стройку. Мы уже второй год строим общественный музей под открытым небом на рубежах обороны вокруг озера Кис-Кис. Идея Лёхи. Стройку мы так и называем – наш музей. Хотя, если честно, то строим, не получив землеотвод. Наверное, и не дадут вовсе. Дождутся калевальские власти, когда построим все сооружения, и выделят землю с музеем какой-нибудь турфирме.

С собой у нас бывшие в употреблении очень удобные финские лопаты фирмы «Фискарс», одноимённый топор, бензопила, кувалда, упаковка минеральной воды «Семь ручьёв». Мы ей верны уже третий год, ну и она нам. Хорошая минералка, без постороннего привкуса. Обычно берём её по несколько упаковок. Дорога на Калевалу утром в субботу тихая, не попалось ни одной машины. Рыбаки уже давно на рыбалке. Грибники обычно выезжают в лес позднее. Вот слева на горке мелькнул мемориал на Кис-Кисе, а от него до музея ещё пара минут езды.

Наш музей. Через минуту подъехала вторая машина, тоже «Нива», только белая. Вовкина «Нива» синяя, очень пыльная и выглядит тёмно-серой. Из белой «Нивы» выбрались двое ребят, Сергей и Алексей, и две девушки. Сергей, владелец «Нивы», с нами поехал первый раз. Он работает на комбинате каким-то руководителем, заочно

учится на экономиста. Ему всё интересно и не терпит-ся окунуться в события предстоящего дня. Совершенно другим выглядит Алексей. Бывший спецназовец, срочную отслужил в Афгане. Подтянутый, загорелый, выносливый, в движениях быстрый и лёгкий. В бою получил контузию. В отличие от всех нас, «камуфляжных», Алексей не похож на поисковика, одет в старые трикотажные треники, спортивную майку, короткие резиновые сапоги. Коротко остриженные волосы ничем не прикрыты. Алексей преподаватель английского, сейчас продолжает обучение в Финляндии по информационным технологиям. На выходные приезжает в Костомукшу для участия в наших выездах на поисковые работы. Мало ест, почти не пьёт спиртного. Неизбежную в лесу тушёнку и все производные от неё не употребляет. Зато банка сгущёнки с печеньем или кексом легко поднимает Алексею настроение.

От дороги недалеко. Всего сто метров, и мы в другом измерении, в другом времени. Шестьдесят лет назад здесь воевали мужики. Крепко воевали, насмерть. Истинных потерь никто не знает. По крайней мере, нашим источникам веры нет. Земля нашпигована рваным металлом. С металлоискателем работать невозможно, пищит постоянно. Несём весь инструмент, минералку, продукты. У Лёхи металлоискатель, он уже далеко, мелькают только жёлтые наушники. Пока идём по тропе.

Солнце всё поднимается. Ни облачка. По мере отдаления от дороги возрастают атаки комариных стай. Девушки идут налегке. Натаха в кроссовках, идёт спокойно, легко и быстро. Чувствуется определённый опыт нахождения в лесу и знание именно этих мест. Натаха – экономист, все выходные проводит с нами в лесах. За спиной рюкзачок. На тропе реальную опасность представляет старая финская колючая проволока. Об этом предупреждена Юлька – напросившаяся в поездку молоденькая, но уже корреспондент местной горняцкой газеты. Внешний вид существенно отличает девушку от членов нашего

отряда: лёгкий макияж, стильные солнцезащитные очки, джинсовый костюмчик, летние туфельки на каблукке. Идёт осторожно, постоянно оглядывается по сторонам. Напряжена, но старается вида не показать. Каблуки явно мешают. Пока терпит. Бойтся Лёху, который взял её в поездку с обещанием оставить в лесу медведям, если будет хныкать.

Записка в стреляной гильзе

Это место показал нам в мае один местный мужик из Калевалы, который ещё пацаном лазил в этих местах. Тогда здесь было много неубранных тел советских солдат. Звери и время сделали своё дело. Звать его тоже Лёха. Помочь нам его еле уговорил наш поисковик Серёга, имеющий хорошие связи в Калевале. Мы за этим Лёхой еле успевали, хотя по дороге он постоянно жаловался на давление. Так и прозвали его – Лёха-давление. Он утверждал, что в этих окопах в детстве видел множество человеческих костей и остатки советской военной формы. Показал конкретные окопы. Не обманул Лёха-давление, за что мы ему до сих пор очень благодарны.

Третий час мы продолжаем расширять и углублять старую стрелковую ячейку. В прошлые выходные в заваленном ходе сообщения в соседний окоп мы подняли останки советского солдата. Вот только имени установить не удалось. Ничего, что указывало бы на конкретного человека. Подняли и сопутствующие предметы: полусгнившие ботинки, куски противогаса, стальную ложку с читаемым штампом «нерж», трёхкопеечную монету 1939 года. Всё это мной и Лёхой упаковано в полиэтиленовый пакет и с особым почтением прихоронено здесь же, под дёрном.

Лёха взял металлоискатель, сказал: «Я пройду тут недалеко...» – и испарился в лесу. Сейчас я и Алексей продолжаем углублять основание ячейки. Стали нам всё чаще попадаться стреляные гильзы. Всё найденное мы кидаем наверх Натахе, которая в перчатках вниматель-

но обследует наши находки. На неё можно положиться в этой работе. Раньше всё самое интересное обычно находила именно Натаха. Нам с Алексеем становится тяжелее вдвоём в ячейке. Решили работать по очереди, так как вдвоём здесь уже не развернуться. Да и устали изрядно. Я уступил очередь Алексею и вылез на ставший уже высоким бруствер.

Наверху было свежо. Всё вокруг резко изменилось. Посмотрел на небо и поразился. Солнце находилось в плотной дымке. С Запада весь горизонт чернел тучами. В воздухе чувствовалась какая-то напряжённость. Рядом на бруствере устроилась Натаха. С фотоаппаратом рядом стояла Юлька. Видно было, что она уже порядком устала, да и интересных находок почти не было. День заканчивался, солнце совсем пропало. Из-за дальнего болота подул свежий ветер. Потревоженная ветром, недалеко зазвенела старая финская колючая проволока на полусгнивших деревянных стойках заграждения. После той тишины, которая всегда стоит здесь, этот звук как-то тревожно отозвался у меня в душе.

Неожиданно к тонкому звону проволоки добавились низкие тугие шлепки. Почти одновременно я ощутил на себе первые тяжёлые косые капли дождя. Да мы скоро попадём под ливень! Не успел я спросить девушек, в какую сторону ушёл Лёха, как он появился передо мной в жёлтых наушниках. Довольный. Видимо, что-то нашёл стоящее. За ним показались Вовка и Сергей, которые обследовали ближайший блиндаж. Надо что-то решать, грозы не миновать. Двужильный Алексей вообще не желал вылезать из ячейки. На удивление, девушки тоже отказались ехать в лагерь.

Фигуры Сергея и Лёхи быстро пропали в пелене косо дождя. Они на белой «Ниве» первыми поедут в лагерь, укрепят палатки, разведут костёр. Я пообещал в течение часа их догнать и сменил Алексея в ячейке. Финская лопата тяжело входила в песок, заросший гибкими корнями. До дна стрелковой ячейки оставалось совсем немно-

го поднять грунта. И вдруг лопата вывернула из-под себя знакомую чёрную кривую ветку.

– Ребро! – ожгло меня. Сверху ко мне прыгнул Алексей. Всё, лопаты дальше не нужны. Молча, не сговариваясь, мы опустили на колени и руками стали вынимать грунт.

Следующие полчаса пролетели за одно мгновение. Мы подавали, а Натаха принимала чёрные влажные кости, остатки шинели, ремней, ботинок, гильзы. Всё аккуратно складывала: кости на полиэтиленовый пакет, предметы прямо на мокрый песок. Вот Натаха кричит, что не хватает только нескольких грудных костей, а так скелет почти весь. С согласия Алексея я вылез на бруствер и стал помогать Натахе упаковывать наши находки.

Я на бруствере и понимаю, что дождь льёт как из ведра. Вокруг кипят лужи. Небосвод на северо-западе вспыхивает длинными ослепительными молниями. Через несколько секунд донёсся мощный протяжный гром. Натаха насквозь вся мокрая. Смотрю на себя – и я промок до нитки. Всего этого я не ощущал там, в ячейке, занятый с Алексеем поиском останков. Словно почувствовал что-то, обернулся. На меня, прося помощи, сквозь сетку дождя смотрит оцепеневшая Юля, потрясённая обыденностью наших манипуляций с субстанцией, которая когда-то была человеком. Первая встреча с неживой человеческой плотью всегда потрясает. Я в качестве поддержки одобрительно ей кивнул. Всё, что я мог. Она ничего, держится, хотя видно, что у неё шок – зрачки расширенные. Про фотоаппарат забыла, хотя какой тут фотоаппарат, почти темно.

«Надо дать ей какое-нибудь поручение», – мелькнула у меня мысль. Но я не успел додумать, как меня позвал Алексей из ячейки с просьбой принимать последние предметы: это были последние три ребра, кусок кожи или какой-то тёмной ткани, несколько целых ржавых патронов, куча проржавевших гильз и обойм.

– Странный патрон, торчал среди грудных костей, Михалыч, – крикнул мне Алексей и стал вылезать из ячейки.

– Осторожно кидай, – кричу в ответ, хотя Алексей успел кинуть его мне. Я мягко ловлю предмет в обе руки.

В моих мокрых руках находился насквозь проржавевшая стреляная винтовочная гильза. Я протёр о мокрый рукав торцевую часть: с трудом просматривается звёздочка и цифры – 1940. Наша гильза. Из неё что-то торчит. Я стал осторожно очищать выступающий из гильзы предмет.

Боже мой! Из гильзы торчит свёрнутая в трубочку бумага! Бумага оттуда, из сороковых! Чувствую дрожь. Это дрожу я. Рядом дрожат Натаха с Юлькой, наверное, дрожит и склонившийся к нам Алексей. Дрожим от встречи с прошлым, от холода и дождя. Я чувствую, что сильно потрясён. Лица ребят осветились голубыми сполохами молний под сопровождение грома, страшно рокочущего над нашими головами...

Прости, солдат Василь Иванович

«Молим Тя, прими убо отошедших к Тебе воинов в сонмы воев Небесных сил, прими их милостию Твоею, яко павших во брани за независимость земли Русския от ига неверных, яко защищавших от врагов Веру Православную, защищавших Отечество в тяжкие години от иноплеменных полчищ; помяни...»

Калевала. Военное дивизионное кладбище. Начало октября. Отец Сергей в парадном облачении служит панихиду об упокоении православных воинов, за Веру и Отечество на поле брани убиенных. Со мной рядом стоят ребята из нашего поискового отряда. Вот Лёха, Серёга с женой Людмилой, Натаха, Вовчик. Не смог приехать из Финляндии Алексей, горняцкая газета не послала на погребение Юльку. В парадном строю стоят пограничники, отдельно – салютный взвод. Чуть в стороне я вижу нескольких местных жителей.

...Я упаковал гильзу с запиской так, чтобы сохранить её от света, от повреждений и сухости. Льёт не переставая

дождь. Мы в палатке. Собрались все. Тишина. Лёха достал бутылку. Да, надо помянуть. По русскому обычаю. Не сразу, но стало легче. Сегодня спасли от забвения ещё одну душу...

Через неделю записку частично удалось расшифровать в экспертно-криминалистической лаборатории МВД Карелии в Петрозаводске. Спецсоставом закрепили бумагу от ломки. Из 1941 года к нам дошли эти карандашные строки: *«Матросов Василь Иванович ... 5а. Матросова Екатерина Фёдоровна ...в. Г...».* Остальное прочитать не удалось.

«Прими с миром души раб Твоих Василя, неизвестных православных воинов, воинствовавших за благоденствие наше, за мир и покой наш и подаждь им вечное упокоение, яко спасавшим грады и веси и ограждавшим собою Отечество, и помилуй павших на брани православных воинов Твоим милосердием, прости им вся согрешения, в житии сем содеянная словом, делом, ведением и неведением».

Вместе с Матросовым Василем Ивановичем в одну братскую могилу в красном кофре опускают ещё четверых неизвестных солдат, погибших на рубежах обороны Ухты.

Прошло полгода. Я и Лёха читаем справку из Центрального архива Минобороны: *«По документам учёта безвозвратных потерь сержантов и солдат Советской Армии установлено, что стрелок 81 стрел. полка 54 стрел. дивизии рядовой Матросов Василь Иванович, 1906 г. р., уроженец Горьковской обл., Воротынского р-на, с. Разнетье, призван Воротынским РВК, погиб 2 ноября 1941 г., похоронен: 1500 м западнее 18 км дороги Ухта – Малвеайнен КФСР. Жена Матросова Екатерина Фёдоровна проживала по месту рождения учтённого».* Рассуждаем с Лёхой о месте погребения Василя Ивановича в ноябре 1941 года. Дело в том, что останки солдата

нами были обнаружены в четырёх километрах от того места, которое указано в справке Центрального архива Минобороны. По Лёхиному мнению, солдат не был захоронен в стрелковой ячейке. Возможно, уже мёртвого, его засыпало землёй от взрывов мин и снарядов. А координаты погребения, весьма приблизительно указанные в справке, Лёха объяснил так: командир роты оказался порядочным человеком и включил сведения о гибели и захоронении рядового Матросова В. И. в донесение о безвозвратных потерях. Семье Василя Ивановича пришла похоронка, что являлось основанием жене Матросовой Екатерине Фёдоровне получать пенсию. Я не спорю. Я думаю о его семье. Будем искать.

Прошло два года. 22 июня в Калевале на дивизионном кладбище с воинскими почестями мы захоронили ещё четверых неизвестных солдат, поднятых нашим поисковым отрядом на рубежах обороны Карельского фронта. А на братской могиле, где погребён рядовой Василь Иванович, установлена простая бетонная плита. Не сговариваясь, подошли, постояли, помолчали. Нам казалось, что и Василь Иванович, и мы были рады встрече.

Передо мной лежит записка из стреляной гильзы. От военкоматов пока нет никаких известий о родных солдата Василя Ивановича. Я пишу запрос на передачу «Жди меня».

Прости, солдат Василь Иванович...

*Костомукша –
Калевала*

Послесловие

2020 год. Все эти годы я бережно хранил записку Василя Ивановича, продолжая поиски потомков. Как-то вечером раздался радостный звонок председателя Союза поисковых отрядов Карелии Александра Осиева:

– Нашёлся внук Матросова!

С этого времени мы все стали жить новой жизнью. А потом ещё один звонок, внуку Абрамову Константину Николаевичу. И вот передо мной довоенная фотография Василя Ивановича и Екатерины Фёдоровны Матросовых.

Екатерина Фёдоровна всю жизнь получала пенсию за Василя Ивановича и не вышла замуж. Вернувшийся с войны сосед рассказал, что Василий Иванович был убит пулей финского снайпера. Аккуратно упакованную записку, гильзу и этот рассказ я отправил потомкам солдата Василя Ивановича на долгую память. Внуки и правнуки летом обещали приехать на могилу. Будем ждать.

У МОГИЛЫ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

Его зарыли в шар земной...

Сергей Орлов

А на земле ручьи звенели,
Цвела сирень,
Старела мать...
Ему б сейчас лежать в постели,
А не на площади стоять.

Продут позёмкой
Зимний вечер.
Проулки, улицы – пусты.
И стынут каменные плечи
Под плащ-накидкой темноты.

Его в Орле
Или в Иркутске
Ждать перестали земляки.
Ему бы сесть,
Переобуться
И, похоронке вопреки –

В тот край,
Где пролетело детство,
Вернуться на исходе дня,
В избе родимой отогреться,
А не у Вечного огня.

«НИКТО НЕ ЗАБЫТ
И НИЧТО НЕ ЗАБЫТО...»

Памяти Ольги Берггольц

Неужто Земля в этом месте пробита
До самого чёрного страшного дна?
«Никто не забыт и ничто не забыто...» –
Осталось тревогой на все времена.

Блокада бульжником в память зарыта,
И снова, как прежде, бьёт в сердце она.
«Никто не забыт и ничто не забыто...»
...Там не было хлеба и не было сна.

Там в жизнь –

из блокады –

дорога закрыта,

Полуторки рвали блокадную тьму.
Стоял Ленинград, в нём душа не убита,
И, может быть, выстоял он потому.

Голодных людей под гранитные плиты,
Казалось, вбивало свинцовой пургой.
«Никто не забыт и ничто не забыто...» –
Тогда и воскликнула

Ольга Берггольц.

Здесь было сиянье из мужества свито,
Которое бездну смогло победить.
«Никто не забыт и ничто не забыто...»
А если забудем – нас надо судить.

Сегодня – себя только – помнит элита,
Которая стала чужой и глухой.
«Никто не забыт и ничто не забыто...»
Им кажется нынче пустой чепухой.

Но в Питере знамя гранитное взвито,
Блокадная боль достаёт облака...
«Никто не забыт и ничто не забыто...»
Бессмертной волной ударяет в века.

ОБЕЛИСКИ

Я иду по российскому полю.
Ах ты, полюшко-целина!
Снова маки созрели в поле,
Или это цветут ордена.

В одиночку и в ряд
Обелиски стоят,
Как живые в широком поле.
Сколько бедных ребят!
Сколько русских солдат
Здесь нашло под огнём недолю!
Поднимайся, солдат!
Но не слышит солдат.

Дом солдата – земля сырая.
На холме золотом
Да во поле пустом
Как свеча обелиск сгорает.

Разгораются алые маки,
Дышит грозами матушка-степь.
И мне кажется, для атаки
Обелиски смыкаются в цепь.

Мы в пыли не оставим знамёна,
Не забудем ни лиц, ни дат.
Помним каждого поимённо:
В мире нет неизвестных солдат!

БЕЗВЕСТНЫЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ ДОМОЙ

Безоблачно сегодня над страной.
Здесь памятники – точно часовые.
Безвестно павших возвращает в строй
И честь героям воздаёт Россия.

Обласкивает солнце край родной.
Людей встречают мирные рассветы.
В любом селе у нас есть свой герой:
Батыры в доме том и в доме этом.

Когда-то почтальонка, в дом войдя,
Весть горестную тихо прошептала:
– Не обессудь, соседка, у тебя
Муж без вести пропал... – И замолчала.

Молчали строки чёрного письма,
Но крепла вера, что домой вернётся.
Солдатским медальонам нет числа,
Не все из них расслышать доведётся.

Весть добралась о сыне в Кирлигач:
Риза солдатом обошёл Европу.
За семьдесят три года мог кирзач
Стереться, но не память у народа!

Не вычеркнули – без вести пропал,
Исход войны минувшей подытожив.
Кем был солдат и как он воевал –
Читается порой с солдатских ложек.

Живой огонь у памятной свечи.
Ждёт чья-то память близкого, родного.
Чей сын ты? Чей отец? Где ты почил,
Родной солдат полка передового?

За годом год и сутки напролёт
 Без устали вас ищут следопыты.
 А ждущие надеются: вот-вот
 Своих дождутся. Нет солдат забытых!

Войны прошедшей ран не затянуть,
 И боль от этих ран не затихает.
 Когда проводим всех в последний путь,
 Тогда огонь войны отполыхает.

Безоблачно сегодня над страной.
 Здесь памятники – точно часовые.
 Те, кто Отчизну прикрывал собой,
 Сегодня возвращаются в Россию.

*Перевод с татарского
 Веры Хамидуллиной*

ТАЙНА КАПИТАНСКОГО БИНОКЛЯ

Сюжетом рассказа о Герое Советского Союза, капитане дальнего плавания Самуиле Нахмановиче Богораде послужила история, которую мне поведал его друг, капитан первого ранга, капитан-наставник Латвийского морского пароходства Вячеслав Юрьевич Камышан.

Самуил Богорад ещё в 1935 году окончил Ленинградский морской техникум, работал помощником капитана на торговых судах Балтийского государственного пароходства. Началась Великая Отечественная война и его призвали в подводный флот, где он служил сначала заместителем командира, а затем – командиром подводной лодки. Его подлодка уничтожала военные корабли и транспорты противника. Капитан первого ранга Самуил Нахманович Богорад был дважды награждён орденом Красного Знамени, а также орденом Ушакова.

Капитан торгового флота

В 1961 году Самуил Нахманович демобилизовался, но работа на берегу его не прельщала, и он пошёл в торговый флот, сначала – старпомом¹, но вскоре стал капитаном. Возглавлял экипажи пароходов и теплоходов Латвийского морского пароходства.

История, о которой пойдёт речь, произошла почти через двадцать пять лет после войны на теплоходе «Кемери»².

Этот теплоход был сухогрузом, предназначенным для перевозки разных грузов в ящиках, тюках или бочках, а также грузов насыпью, например, металлолома.

Во времена, когда теплоходом командовал капитан Самуил Богорад, судно часто ходило в порты Западной Европы.

¹ Старпом – Старший помощник капитана

² Кемери – это самая западная часть курортного города Юрмала, главная достопримечательность Кемери – уникальный Национальный природный парк.

На этот раз рейс предстоял в Роттердам – тогда самый большой в мире порт по грузообороту. Расположен он на берегу Северного моря. Выйти из Балтийского моря можно было разными путями: естественными Датскими проливами, огибающими полуостров Ютландию или искусственным Кильским каналом, словно разрезающим территорию Германии от балтийского порта Киль до порта Брунсбюттель в Северном море, в устье реки Эльба.

Погода разгулялась, штормило. В случае следования открытыми всем ветрам и штормам проливами могла быть задержка судна, в результате – невыполнение рейсового задания в срок. Капитан решил: «Идём каналом!». Так что, пройдя Балтийское море с востока на запад, Самуил Нахманович направил теплоход в Кильскую бухту. И не только погода сыграла в этом выборе свою роль. При проходе в Северное море каналом время хода до Роттердама сокращалось почти на сутки.

В Кильском канале

На входе в бухту на борт теплоход «Кемери» по штормтрапу поднялся лоцман. Он довёл судно до шлюза в порту Киль, швартовка в нём прошла успешно, и лоцман покинул борт судна.

Капитан Богорад повернулся к матросу-рулевому:

– Ты, дружище, тоже можешь отдыхать: по причалу к судну направляется тебе замена.

На борт «Кемери» поднялись три человека: лоцман и два рулевых. Здесь в Кильском канале, порядок такой: у штурвала стоят, сменяя друг друга, местные рулевые.

Дальше всё шло своим путём: уровень воды в шлюзе сравнялся с уровнем её в канале, ворота шлюза открылись – и немцы повели по каналу советское судно.

Многие моряки из экипажа «Кемери» вышли в открытые коридоры надстройки, интересно было наблюдать, как теплоход идёт вдали от морских берегов – практически по сухопутной территории, через которую прорыт канал. Судно шло, минуя поля и леса, городки и неболь-

шие посёлки. Путь по каналу – долгий, ведь его протяженность 98 километров!

Рулевые – мужчины средних лет, чего не скажешь о лоцмане. С первого взгляда становилось ясно, что это бывалый мореход, прошедший по морям и океанам не одну тысячу миль. Понятно, что он, скорее всего, заслуженный капитан, решивший быть поближе к дому и поработать в Кильском канале, фарватер¹ которого знал досконально. Да и рулевые, несмотря на возраст, были опытными: ходили по этому маршруту уже не один десяток раз.

Неожиданность

Немцы переговариваясь между собой, чувствовали себя как дома. Рулевые время от времени сменяли друг друга у штурвала, лоцман руководил их работой: давал команды, немного подправлял курс.

Подходя к очередному повороту, лоцман попросил у капитана бинокль, который висел у Самуила Нахмановича на груди.

Когда судно выполнило манёвр и легло на новый курс, лоцман посмотрел в бинокль на створы и приказал рулевому держать пару градусов правее.

После этого он не вернул бинокль капитану, а принялся его разглядывать. И скоро изменился в лице, внимательно посмотрел в лицо капитану Богораду и бросился к нему, держа бинокль перед собой.

Самуил Нахманович тоже, что-то вспомнив, и радостно приговаривая, заключил немецкого морехода в объятия.

Несколько минут два опытных судоводителя обнимали друг друга, по щекам у обоих текли нежданные слёзы.

И рулевые, и вахтенный штурман стояли в недоумении.

О чём же напомнил им старый бинокль?

¹ Фарватер — безопасный путь для судов в стесненных условиях, обставляется средствами навигационного оборудования: буйми, вехами, створными знаками

В районе порта Вентспилс

В конце войны часто из-за нехватки топлива самолёты немцев не могли взлететь, чтобы бомбить позиции советских частей в районе Риги. Для преодоления этой проблемы гитлеровцы направляли к берегам Латвии гружёные танкеры. Самуил Богорад, командир подводной лодки «Щ-310»¹ получил указание топить эти суда, с целью не дать им пришвартоваться к причалу порта Вентспилс и выгрузиться. Такая же задача была поставлена перед подводной лодкой «Щ-306». Обе подлодки успешно справились с её решением.

Как-то днём командир «Щ-310» поднимает перископ и видит: идёт немецкий сухогруз, вооружения на нём никакого нет.

Подводная лодка всплывает, командир Богорад останавливает этот сухогруз ракетой и передаёт на него: «Весь экипаж – в шлюпки – и на берег! Он недалеко. А капитан, вместе с судовыми документами – к борту подводной лодки».

Капитан сухогруза выполнил приказ – подошёл на спасательной шлюпке к подлодке, протянул документы её командиру. Самуил Нахманович увидел у него на шее бинокль и говорит:

– Бинокль тоже давай, будет трофеем.

Капитан сухогруза отдал бинокль и направился к берегу вслед за экипажем. Немецкие моряки не могли поверить в своё спасение, они избежали верной смерти.

Когда на сухогрузе уже никого не было, командир Щ-310 развернул подлодку – и одной торпедой расколол немецкий пароход надвое. Тот тут же пошёл на дно.

Разве два капитана могли тогда предположить, что через четверть века встретятся на ходовом мостике советского судна!

¹ Щ-310 принадлежит проекту подводных лодок «Щ» — «Щука»

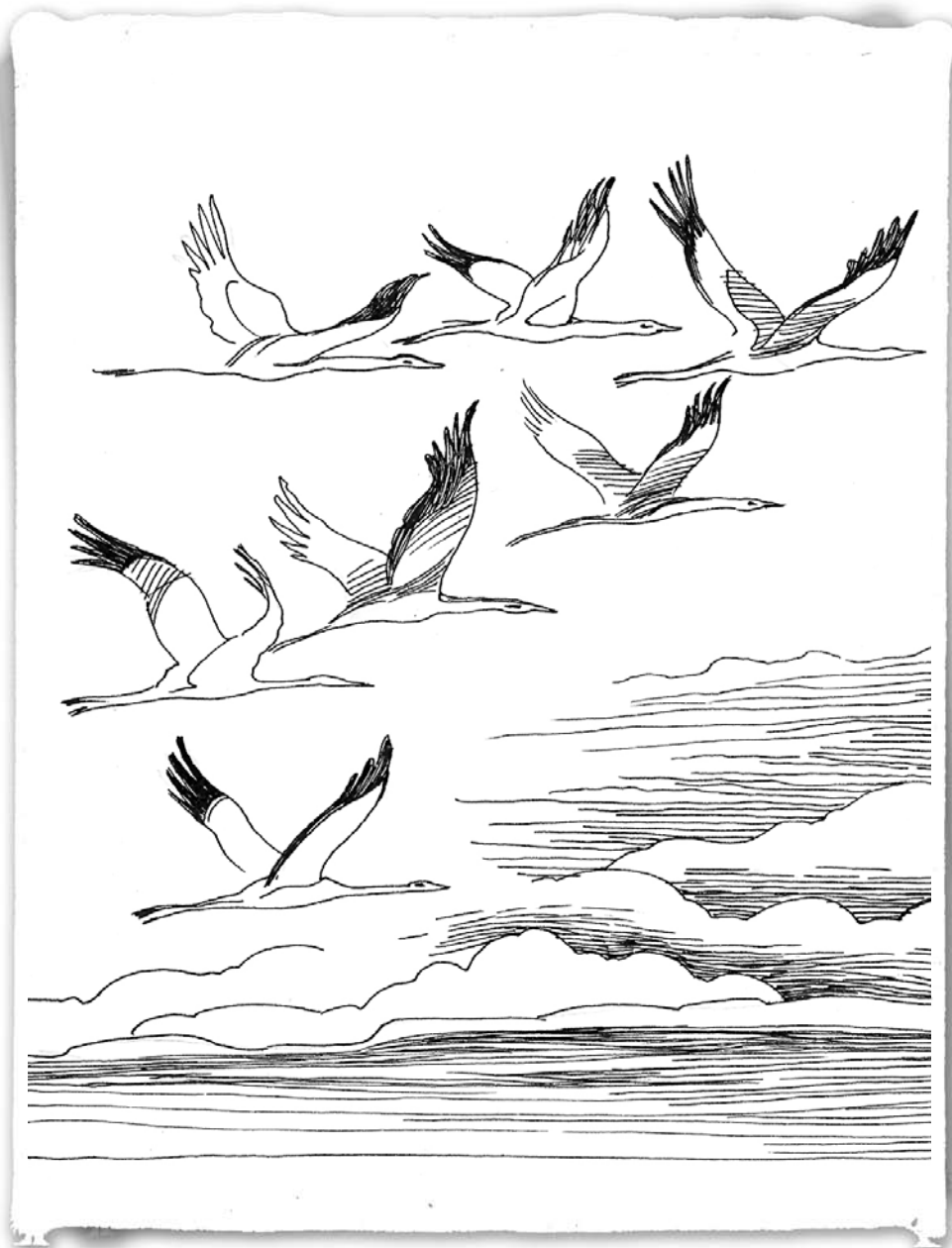
ГЛАВНАЯ ТЕМА

Он воевал под Курском и Орлом.
Он и доньне держится орлом.
Глядит окрест из-под седых бровей
на современность как на свистопляску
и называет тестом без закваски
своих сорокалетних сыновей.

Зато ко внукам дед благоволит.
У внуков с дедом очень схожий вид
в изгибе снисходительном бровей,
поскольку те пришли с Афганистана,
с другой войны...
Старик их неустанно
возносит: дескать, дедовских кровей.

А те глазами опытных бойцов
глядят сквозь поколение отцов
на старика, с ним связанные немо
узлом войны,
и сразу с двух концов
берут в штыки растерянных отцов,
живущих по краям от главной темы.

И только бабка, тихая как ночь,
на кухню позовёт сноху и дочь.
Накроют стол.
Никто и не заметит,
как женщины свой делают зачин,
когда они к столу зовут мужчин
и молятся в душе за тех и этих.

Понимаю, страшно это.
Потому-то и не рад.
Из Америки ракеты
В нашу сторону глядят.

И у нас есть тоже люди.
Тоже в случае чего
Как бабахнут – и не будет
Никого и ничего.

Понимаю, правда наша.
Мир войну разоблачит.
Но сосед мой дядя Паша
Только курит и молчит.

Фронтовик. Ему тем паче
Всё понятно.

«Чёрт возьми! –
Вдруг вскричал он.
– Кто б ни начал,
Лягут русские костями!
Как в любом и каждом деле
Сто и тыщу лет назад.
...Наших сроду не жалели.

В общем, наши победят!»

С охрипшим ветром в унисон,
 Под шёпот первых звёзд
 Звучит вальсок. Тревожит сон.
 Мотив знаком и прост.
 И что с того, что город спит,
 Что в полудрёме сад.
 В аллее на скамье сидит
 Былой войны солдат.
 Парадный китель в орденах.
 Стремится ввысь дымок,
 Когда опять кружит весна
 У фронтовых дорог.
 Он вспоминает имена
 Сержантов, рядовых,
 Кого оставила война
 Навечно в молодых.
 Сомкнутся в тесный полукруг
 Старинные друзья:
 Узнать, как подрастает внук,
 Седеют сыновья.
 Расскажет, как цветут сады,
 Их старый командир,
 Что у соседей нелады...
 И как тревожен мир.
 Звучит забытый старый вальс
 До утренней зари,
 А вместе с ним несётся вдаль
 Стук сердца: «раз», «два», «три».

ВОСПОМИНАНИЕ

У нас, мальцов, задумчивые лица –
 Отец рассказ закончил про войну.
 И я вдруг прерываю тишину:
 – Скажи, а часто убивал ты фрицев?

Нас,
 слушавших рассказ,
 всего лишь двое,
 И это мне покоя не даёт,
 Ведь так охота всем наперечёт
 Рассказывать, что был отец героем.

Но в комнате внезапно стало тише,
 И за окошком шумный вечер сник...
 Молчание о смерти – это крик.
 Лишь повзрослев, я этот крик услышал.

Вечернее солнце природу утешит,
 Все улицы будут светлы и грустны,
 По ним прошагает, давно поседевший,
 Последний солдат той, Великой, войны.

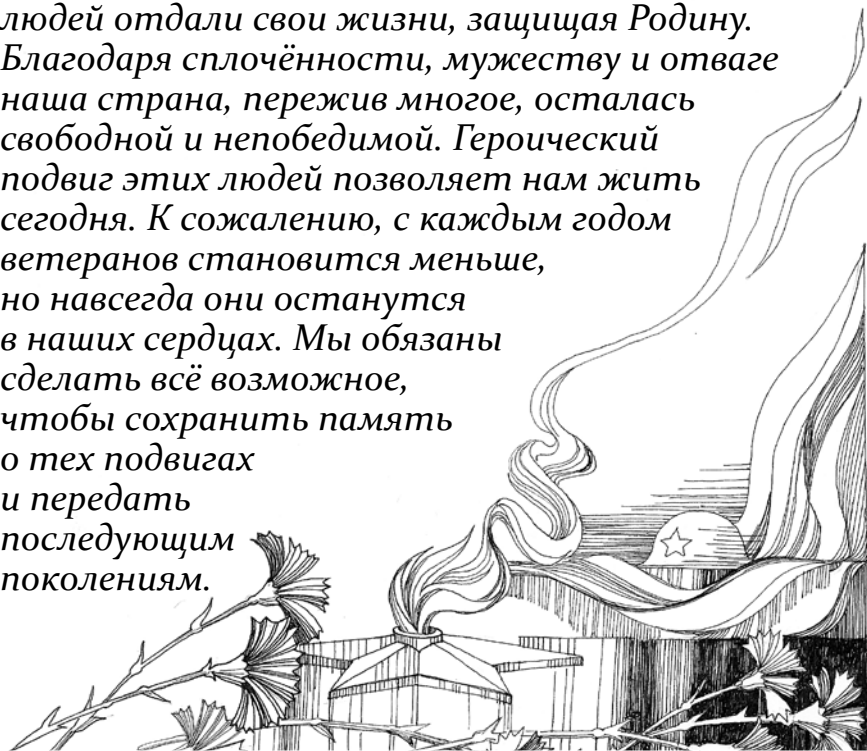
И память рванётся по топям неблизким,
 По мёрзлым дорогам, где смерть и война,
 И тихо к нему подойдут обелиски,
 Напомнив ушедших друзей имена.

Он землю тускнеющим взглядом окинет.
 И, вытянув ветки дрожащие ввысь,
 Застынут деревья. И сам он застынет.
 Навеки застынет, как обелиск.

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

75 лет назад наш народ одержал величайшую Победу в истории человечества. Миллионы людей отдали свои жизни, защищая Родину. Благодаря сплочённости, мужеству и отваге наша страна, пережив многое, осталась свободной и непобедимой. Героический подвиг этих людей позволяет нам жить сегодня. К сожалению, с каждым годом ветеранов становится меньше, но навсегда они останутся в наших сердцах. Мы обязаны сделать всё возможное, чтобы сохранить память о тех подвигах и передать последующим поколениям.

Сегодня я хочу рассказать вам несколько историй о настоящих героях.

ГОРДЕЕВ Степан Афанасьевич, пулемётчик. Ему 96 лет. На фронт ушёл добровольцем 8 июня 1942 года. 25 ноября вступил в первый бой. Пурга, снег, но советские солдаты шли в наступление. К сожалению, 28 ноября Степан Афанасьевич получил ранение и был отправлен в госпиталь. В феврале 1943 года его зачислили

запасной полк и отправили на Калининский фронт. За долгие месяцы войны пришлось пережить многое и по-настоящему испытать себя. Немцы оказывали страшное сопротивление: бросались в контратаку, били огнём артиллерии, деревни и сёла по нескольку раз переходили из рук в руки. Немцы бомбили так, что иногда земля вставала на дыбы.

В июле 1943 года в одном из таких боёв командира ранило, остался младший лейтенант, для которого этот бой был первым. Он не справился, солдаты начали пятиться назад. С возгласом «Славяне, стой! Ни шагу назад, давайте вперёд!» Степан Афанасьевич повёл ребят за собой. Его поддержали и пошли врукопашную. Не выдержав, немцы в панике отступили.

В течение месяца наши солдаты освободили 60 деревень и сёл.

3 ноября Степан Афанасьевич прибыл на станцию Бровары Киевской области, чтобы вместе с другими наступать на Киев с запада и освободить его от немцев.

9 ноября в районе села Орлова немцы с трёх сторон окружили советских солдат и начали их теснить. Пулемётный расчёт погиб. Степан Афанасьевич сразу встал за пулемёт, а его товарищ Сидоренко — вторым номером. Немцы наступают, но наши не сдаются, то влево перетаскивают пулемёт под огнём, то вправо. Так вдвоём они отбили шесть атак, а потом Степана Афанасьевича ранило. Пуля прошла навывлет в шею. На этом боевой путь нашего героя закончился. За этот подвиг он получил орден Красной Звезды.

КОТЛЯРОВА Антонина Александровна, снайпер. Ей 97 лет.

Вы можете себе представить женщину на войне, да ещё снайпером? Это очень тяжёлая работа. Антонина Александровна окончила снайперскую школу. Была награждена именной винтовкой и отправлена на фронт.

Когда она убила первого фашиста, то не находила себе места. Это ведь не просто птичка или заяц, это Человек. Она убила Человека.

Девушки снайперы выходили на задание парами. И вот Ольга, её напарница, говорит: «Что ты переживаешь? Он фашист. Он шёл к нам, чтобы нас завоевать». На что Антонина Александровна ответила: «Он – Человек. Я же его видела, молодой офицер. Может быть, он не хотел воевать и его Гитлер заставил». Тяжело она пережила первую смерть врага.

Антонина Александровна убила много фашистских солдат и офицеров. Был на её счету и один снайпер. Из-за него наши солдаты не могли пройти в первый ряд окопов. Антонине с Ольгой было дано задание – убить этого снайпера. Сделать это оказалось крайне сложно. Слишком хорошо он замаскировался в кустах. Пришлось пойти на хитрость. Антонина Александровна сказала своей напарнице: «Оля, как он будет стрелять, ты стой во весь рост, а потом упави. Пусть подумает, что он тебя убил». Ольга так и сделала. Когда немец выстрелил, она ойкнула и упала. Немец обрадовался, что убил советского снайпера, выскочил из кустов, вот тут Антонина Александровна его и уложила.

Много было на войне разного. А из хорошего вспоминается главное. Однажды на Эльбе их подняли по боевой тревоге. Все выскочили одетыми, думали, что фашисты до них добрались, а им объявили: «Девчонки, война кончилась, выходите замуж». Услышав такую замечательную новость, что войне конец, они командира расцеловали.

В 1953 году Антонина Александровна вышла замуж за молодого человека, которого любила со второго класса. Они вместе прошли войну, учились в одном институте, поженились, прожили долгую и счастливую жизнь. К сожалению, детей у них не было. Несколько лет назад муж умер.

У Антонины Александровны есть мечта – дожить до ста лет, а дальше она посмотрит, что с этим делать.

ЛЕЙБОВИЧ Григорий Сендерович, пехотинец.
Ему 97 лет.

21 июня 1941 года он окончил десять классов. Был выпускной вечер, гуляли, а на завтра война. 22 июня рано утром в первый день войны в местном клубе собрали всех комсомольцев. Там ребятам выдали винтовки, противогаз и прикрепили кого к пожарному, кого к милиционеру. Это было в Белоруссии, в небольшом городке Слуцке, который находился в 47 километрах от границы, где шли военные действия. На шестой день советские войска отступали через Слуцк. Один офицер увидел Григория Сендеровича и спросил:

– Сколько тебе лет?

– Семнадцать.

Офицер посадил его в машину и увёз из дома. Больше никогда никого из родных Григорий Сендерович не видел.

Попал он под Москву в резервную часть, где формировались воинские подразделения для наступления. Ему выдали винтовку со штыком на две головы выше роста, и был приказ пешком идти в Калужскую область. Так он попал на войну и прослужил до её окончания в одной дивизии. Сначала был рядовым, а потом командиром 45-миллиметровой пушки.

Однажды был приказ наступать. Их рота вместе с пушкой двигалась к немецким траншеям. Тяжёлая артиллерия, авиация, «Катюши», танки – все били по передней линии. Во время обстрела немецкой траншеи, немцы отходили на вторую линию обороны, а советские солдаты продвигались как можно ближе, чтобы после окончания артподготовки, ворваться первыми во вражеские окопы. Но и немцы, когда наши переставали стрелять, тоже хотели вернуться на исходные позиции. И вот кто раньше займёт рубеж, тот и победил. Иногда происходило ужасное, когда советская пехота выдвигалась вперёд, чтобы первыми влететь в немецкие траншеи, а наши снаряды ещё летели в немцев, но очень часто попадали по своим. Было много убитых и раненых.

От Калуги Григорий Сендерович дошёл до Смоленской области, затем были Белоруссия, Польша, Восточная Пруссия.

Помнится, тогда — в самом начале, когда он ещё был рядовым, в освобождённой деревне, в одном из домов женщина в слезах икричала:

– Только что немец отсюда вышел.

Григорий Сендерович выскочил на улицу, увидел немца, стал стрелять в него, но не попал, так как тот был далеко. Вместе со своим товарищем они стали его преследовать. Запомнилось: огромная пушка и этот немецкий солдат, который испугался и поднял руки. Наших двое, а он – один. Немец поднял руки, и вдруг наши солдаты обнаружили рядом ещё двоих спрятавшихся немцев. В то время был приказ взятых в плен отводить и сдавать в колонну военнопленных. Григорий Сендерович их вёл, а про себя думал: «Господи, они убили мою семью, наших людей сколько положили, а я их веду живыми?» Крикнул им по-немецки:

– Halt! (Стой!)

Они повернулись, и он расстрелял их.

ФЕДОТОВ Константин Сергеевич, разведчик. Ему 94 года.

Родился в одной из деревень Горьковской области и до семнадцати лет рос на селе. Помнит, как прозвучало по радио выступление Молотова о том, что началась война, как тогда же, буквально в первые дни зазвучала песня: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой с фашистской силой тёмною, с проклятою ордой».

Константин Сергеевич на войну попал в 1943 году. Участвовал в операции «Багратион», в форсировании реки Днепр, в освобождении Польши, Восточной Пруссии и окрестностей Берлина.

В июле 1944 года во время боя за город Могилёв Константин Федотов под сильным огнём противника ворвал-

ся в дом, забросал гранатами помещение, где находился вражеский пулемёт, уничтожил расчёт, захватил пленного. Он обеспечил успешную атаку наших стрелковых подразделений. Таким образом, задача была выполнена – пехота смогла продвигаться дальше. За этот подвиг Константин Федотов получил первый орден Красной Звезды.

Когда войска стоят в обороне, для разведчика наступает горячее время, потому что требуются данные о противнике. А противник в это время не стоит на месте: переставляет свои части, кого-то выводит в резерв.

Несколько раз Константин Сергеевич участвовал во взятии «языка». Один из таких эпизодов он особенно помнит:

«От наших траншей до немецких было примерно с километр. И мы в одну из ночей двинулись на задание. Немцы ракету пускают—мы ложимся, всё замирает, чтобы никаким звуком ты себя не обозначил. Предстояло бесшумно разрезать спираль Бруно с шипами. Эта спираль была намотана так, что, если её разрежешь и сразу отпустишь, она стянется и будет греметь. Поэтому, когда разрезаешь, нужно придержать руками и дать возможность ей бесшумно осесть.»

Сапёр из нашей группы разминировал минное поле, а мы, зная, что нам ещё придётся идти назад этим маршрутом, достали медицинские пакеты и с двух сторон протянули бинт, тем самым обозначив себе проход. Увидев немца, я с одной стороны, мой товарищ белорус с другой стороны, подобрался с тыла и по сигналу броском в ячейку напали на него. Как принято у разведчиков—кляп в рот, чтобы он не кричал, выволокли и потащили его. Когда дошли до минного поля, пленный начал брыкаться. Мой товарищ шёл сзади и, заступив за бинт, попал на мину. Нужно было и немца тащить, и первую помощь другу оказывать. Перетянул рану жгутом и на себе дотянул их обоих. Задание было выполнено. За него я получил второй орден Красной Звезды».

На войне случалось всякое. Однажды пришла дирек-

тива о том, что верховный главнокомандующий Иосиф Виссарионович Сталин подписал приказ о проведении парада Победы в Москве на Красной площади 24 июня 1945 года. Начался отбор кандидатов: не менее трёх орденов, рост не менее 1,75 м, физически крепкий и хорошо владеющий строевой подготовкой. Под все эти параметры подходил Константин Федотов. Его, вместе с другими, посадили в вагоны и направили в Москву. На каждой станции, где останавливался поезд, их встречали с музыкой и танцами.

Константин Сергеевич вспоминает, что 24 июня 1945 года в Москве был дождь. И пока вместе с другими солдатами они шли из казарм от Хамовников до Красной площади, все окна в домах были открыты, кругом народ восторженно приветствовал и поздравлял защитников страны. Проходя по Красной площади, Константин Сергеевич видел Сталина, которого война заметно состарила. До сих пор солдат благодарен ему за Победу.

Константин Сергеевич Федотов:

«Молодому поколению я хочу сказать: мы в историю вошли как поколение победителей. Вы наши наследники. Мы Россию отстояли, защитили, а вам предстоит её оберегать».

ХУХРОВСКИЙ Станислав Филиппович, сапёр. Ему 94 года.

Когда 8 мая 1945 года поздно вечером объявили о Дне Победы, он, вместе с однополчанами, находился в Берлине. У них был немецкий пулемёт и где-то пятьсот патронов, которые от радости все запустили в небо. 9 мая Станислав Филиппович праздновал свой двадцатилетний юбилей. Ребята носили его на руках, и все поздравляли друг друга.

«Молодёжь должна уважать, любить свою Родину. Если ты любишь Родину, значит, ты настоящий человек».

Много разных и интересных историй довелось мне услышать от ветеранов. Для меня каждый из них – настоящий Герой. Они на своём веку повидали много боли, испытали немало страданий, видели большое число смертей. С каждым годом таких людей остаётся всё меньше и меньше. Пройдёт ещё каких-то 5-10-15 лет и, к сожалению, никого не останется. Но пока они живы, давайте будем их беречь, любить и относиться с глубоким почтением и уважением. Не каждый дожил до сегодняшнего дня, а тех, кто смог выжить тогда и живёт сейчас, совсем немного. Берегите друг друга и любите всем сердцем, как это делают **КУРУШИНЫ Иван Терентьевич и Мария Алексеевна** на протяжении 68 лет. Они оба прошли войну, в 1952 году познакомились, в 1953 году родился сын, а в 1960 году – дочь. По утрам для любимой супруги Иван Терентьевич готовит кашу. В семье царит доброта, любовь и взаимопонимание. Мария Алексеевна мечтает только об одном – прожить ещё несколько лет вместе.

«Мы с мужем прожили долгую жизнь, и вам желаем тоже такого же счастья. Мы всегда жили в любви и дружбе. Дай бог каждому это!»

Во время съёмок все ветераны пытались нас угостить, усадить за стол, включить любимую мелодию их молодости. Всё, что сейчас нужно ветеранам – это забота, тепло, доброта, которая живёт в каждом из нас. «Чтобы помнили, чтобы знали, чтобы всегда были рядом». В их глазах целая Вселенная.

— Лапа, ты где? Иди скорее, ребята нас сфотографируют, – позвал жену **Илья Григорьевич ЛЕБЕДЕВ** (96 лет) после того, как рассказал нам свою историю.

– Иду, иду, – ответила супруга и еле слышно добавила: – возможно, это наша последняя фотография.

Пусть эта книга и весь наш проект «Чтобы помнили» объединят людей по всему миру и напомнят о том, какой ценой досталась Победа. Любовь к Родине, воспитание молодёжи, просвещение, уважение к старшему поколению позволит не бояться за будущее наших детей. Каждый человек достоин жить в мире!

НАШИ АВТОРЫ

КАРЕН АГАМИРЗОЕВ (1958), Россия

Агамирзоев Карен Михайлович – писатель. Член международного союза писателей «Новый современник». Родился в 1958 году в Баку. Золотой (2008) и серебряный (2013) лауреат Национальной литературной премии «Золотое Перо Руси». В прошлом – кадровый военно-морской офицер (Северный флот), сотрудник таможенных органов. Координатор поискового отряда «Стерх» (г. Костомукша) КРОО «Союз поисковых отрядов Карелии».

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ (1945), Россия

Алешков Николай Петрович – поэт, публицист. Член Союза российских писателей и Союза писателей Республики Татарстан. Председатель Татарстанского отделения Союза российских писателей. Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан, почётный гражданин города Набережные Челны. Родился в селе Орловка. Главный редактор литературного журнала «Аргамак. Татарстан», главный редактор издательства Татарстанского отделения Союза российских писателей. Лауреат литературно-краеведческой премии им. Эдуарда Касимова (1989), республиканской литературной премии им. Г.Р. Державина (2005), всероссийской литературной премии «Ладога» им. А. Прокофьева (С.-Петербург, 2009), литературной премии им. М.И. Цветаевой (Елабуга, 2016).

АЛЕКСАНДР АМУСИН (1959), Россия

Амусин Александр Борисович – журналист, писатель, поэт. Родился 9 июля 1959 года в селе Долина Фёдоровского района Саратовской области. Окончил агрономический факультет Саратовского сельскохозяйственного института им. Н.И. Вавилова и отделение журналистики на факультете общественных профессий. Автор книг прозы и поэзии. Издаётся с 1999 года в Саратове, в Москве и за рубежом. Отдельные произведения переведены на английский, немецкий, мордовский, персидский языки. Обладатель почётного звания «Золотое Перо Руси», награждён орденами «Г.Р. Державин», «В.В. Маяковский», «С.А. Есенин», медалями «Патриот России», «За трудовую доблесть» и др. Лауреат некоторых международных и всероссийских литературных конкурсов.

ЭЛЬДАР АХАДОВ (1960), Россия

Ахадов Эльдар Алихасович – писатель, поэт, член Союза писателей России, Южнорусского Союза писателей, Союза писателей XXI века, международного PEN-клуба, Сопредседатель Литературного Совета Ассамблеи народов Евразии. Член Русского географического общества. Родился 19 июля 1960 года в Баку. В 1983 году окончил Ленинградский горный институт. С 1986 года живёт в Красноярске. С 2010 года работает по специальности на Крайнем Севере. В

НАШИ АВТОРЫ

2003–2008 годах был заместителем председателя правления Красноярского регионального отделения Союза писателей России. В 2000–2010 годах руководил краевым литературным объединением при Государственном центре народного творчества Красноярского края и краевой литературной студией «Былина» для незрячих и слабовидящих. Звание «Серебряное перо Руси» (2007), лауреат премии за доброту в искусстве «На благо мира» (2012), литературная премия губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа (2017), серебро всероссийского литературного Фестиваля фестивалей «ЛиФФт» (2019), серебро Евразийского литературного Фестиваля фестивалей «ЛиФФт» (2019). Обладатель международного титула «Рыцарь поэзии» (Сербия, 2020).

СЕРГЕЙ БЕЛОРУСЕЦ (1959), Россия

Белорусец Сергей Маркович – российский писатель. Автор идеи, инициатор, вдохновитель, бессменный организатор фестиваля детской литературы имени Корнея Чуковского. Автор идеи, инициатор и организатор фестиваля им. Эдуарда Успенского. Президент Фонда поддержки творчества разножанровых детских авторов «РАДА». Член Русского ПЕН-центра. Секретарь Союза писателей Москвы. Родился в Москве. Окончил ГЦОЛИФК (ныне РГУФКСМиТ). Печатался в «Знамени», «Новом мире», «Октябре», «Дружбе народов», «Арионе», «Юности», «Литературной газете» и многих других изданиях. Автор сборников лирических стихотворений «Магический квадрат» (2007) и «Чёрно-белая книга» (2015), однотомника прозы и поэзии «Год Кота и Тигра, или Без названия...» (2015), прозаической р е т р о п и с и «Песни для чтения» (2013), более полутора десятков детских книжек, среди которых «Игростлов» (2003, 2005), «Весёлая аРИФМетика» (2005), «Парикмахеры травы» (2011), «Пальцем в небо!..» (2013), «Стихит-парад» (2018), «Наука побежать...» (2018). Лауреат национального конкурса «Книга года» в номинации «Вместе с книгой мы растём» (2011), а также ряда литературных премий, в том числе премии им. Корнея Чуковского в номинации «Золотой крокодил» (2013), премии им. Самуила Маршака (2011), премии «Венец» Союза писателей Москвы (2008), премии журнала «Кольцо А» (2000). Обладатель почётной грамоты и памятной медали всероссийского конкурса на лучшую книгу для детей и юношества «Алые паруса» (2006). Финалист и дипломант премии «Новая детская книга» издательства «Росмэн» (2015), международной премии им. Фазиля Искандера (2018), международной премии им. Фазиля Искандера (2019).

РИНАТ БИКМЕТОВ (1980), Россия

Бикметов Ринат Ферганович – доктор филологических наук. Родился в г. Семипалатинске (Казахская ССР). Окончил факультет

русской филологии и аспирантуру Казанского государственного педагогического университета. В настоящее время – доцент кафедры русской и зарубежной литературы Казанского (Приволжского) федерального университета. Автор более шестидесяти научных и методических работ. Занимается художественным переводом (с татарского, английского, китайского). В качестве переводчика и критика публиковался в журналах «Дальний Восток», «Идель», «Аргмак. Татарстан», альманахе «Спутник».

ЭЛЬВИРА ВАШКЕВИЧ (1967-2020), Беларусь

Вашкевич Эльвира Викторовна – писатель. Член Союза писателей Беларуси. Родилась 26 декабря 1967 года в Минске. В 1982 году окончила музыкальную школу, в 1984 году общеобразовательную школу с золотой медалью, а в 1990 году Минский радиотехнический институт по специальности инженер-радиотехник, специалист по микроэлектронике и полупроводниковым приборам. Имеет несколько авторских свидетельств об изобретениях в области лазерных технологий микроэлектроники. Работала зам. главного редактора газеты «Современный офис» и ведущим редактором журнала «Агро» г. Минск. В 2002 году написала свой первый рассказ – «Вампиры», который был опубликован в издательстве «Современник» (г. Москва). С 2003 года занималась литературной деятельностью. Статьи, рассказы и книги опубликованы не только в Беларуси, но и в других странах – России, Франции, Англии, США, Израиле, Китае, Украине, Канаде. Награждена почётной грамотной Общественной палаты Союзного государства состава 2017–2020 гг. за большой личный вклад в укрепление белорусско-российских отношений и развитие гуманитарного сотрудничества на пространстве Союзного государства. Умерла 1 мая 2020 года.

АЛЕКСАНДР ГАМИ (1965), Германия

Александр Гами – поэт, музыкант, автор-исполнитель. Родился 6 марта 1965 года в Москве. Учился в музыкальной Академии им. Ипполитова-Иванова, в ГИТИСе (РАТИ) им. Луначарского. Окончил Московскую Консерваторию им. Чайковского. Как оперный певец работал в России, Франции, Германии. Автор многих стихов и песен. Основатель новой поэтической формы «Однословный многорифм». «Золотое перо Руси» 2005 г. в номинации «Поэзия». Автор сказок, пьес, поэм и стихотворений, романа «Вождение и возмездие». Им написано около 400 песен, выпущено 18 авторских альбомов разных жанров. Составитель обширной Антологии «Клуб до 40» о русских стихотворцах, не доживших до 40 лет. В рамках Антологии опубликовал цикл из 5-ти альбомов «На стихи рано ушедших», в которых исполнил 100 романсов на стихи трагически окончивших жизнь поэтов. Первый музыкальный диск «Произведения Моцарта, Шумана,

Чайковского и Рахманинова» Александр Гами выпустил в 1998 году в Германии. Его музыкальная сказка «Про Пострела Ивановича» («Говорящая книга», 2006) получила на этом же конкурсе специальный диплом. Он является также автором поэтического сборника «Пушкин и Д'Антес» и романа «Призрак Щекатилова» («Говорящая книга», 2007; «Лучшая книга 2010»).

НАРИМАН ГАСАНЗАДЕ (1931), Азербайджан

Гасанзаде Нариман Алимамед оглы – азербайджанский поэт и драматург, кандидат филологических наук (1965), Заслуженный деятель искусств Азербайджанской ССР (1981), Народный поэт Азербайджана (2005). Родился 18 февраля 1931 года в посёлке Пойлу Газахского района (ныне – в Агстафинском районе Азербайджана). Заслужил уважение и признательность всесоюзного читателя своими книгами «Я с вами», «Нариман», «Хлеб тётушки Набат», изданными в Москве в разные годы. Поэма «Человек без родины» написана на военную тему. Поэма «Письмо народному поэту Дагестана Расулу Гамзатову» рассказывает о трагической судьбе южноазербайджанского народа при шахском режиме. Произведения Наримана Гасанзаде были переведены на языки народов СССР. Сам Гасанзаде перевёл на азербайджанский язык произведения Александра Пушкина, Тараса Шевченко, Николая Некрасова, Ивана Франко, Леси Украинки и др. Также Гасанзаде вёл исследования в области азербайджано-украинских отношений. С 1978 года Нариман Гасанзаде – главный редактор газеты «Литература и искусство». Награждён орденами «Знак Почёта» и «Шохрат». Гасанзаде является заведующим кафедрой азербайджанского языка и литературы Национальной авиационной академии. Всего в свет вышло более 30 книг Гасанзаде, а по мотивам его пьес в ведущих театрах страны ставятся спектакли.

МИХАИЛ ГРОЗОВСКИЙ (1947), Россия

Грозовский Михаил Леонидович – поэт, член Союза писателей РФ, участник фестиваля детской литературы им. Корнея Чуковского. Михаил Грозовский родился в Москве. Окончил Московский государственный университет (физический факультет) и Литературный институт им. А. М. Горького (семинар Е. Винокурова) на отделении поэзии. Автор двух книг документальной прозы, девяти сборников стихов и более полусотни детских книжек. Это стихи и переводы для детей, в том числе познавательного, развивающего направления: весёлая азбука, считалки, загадки, занимательные уроки правописания, определения животных, предметов и явлений, окружающих человека с детства, схваченные ярко, в две-четыре строки, а потому легко запоминающиеся. Это и неоднократно переизданная книжка «Мой Зоопарк», интересная, кстати, не только детям. Автор более сотни стихов к детским песням, размещённым на аудиодисках.

Участник проекта «Синтез слова и музыки», известного как ВеДеДо (Весёлый День Дошкольника) и рекомендованного Федеральным институтом развития образования (ФИРО) для детей и родителей, а также для музыкальных руководителей детских садов Российской Федерации. Составитель двух поэтических антологий и нескольких коллективных сборников стихов. Пересказал с датского языка сборник детских стихов по мотивам произведений Хальфдана Расмуссена. Лауреат премий журнала «Наш современник» (1993), журнала «Кольцо «А»» (2007), международной премии «Круг родства» (журнал «Радуга», Киев, 2008), премии им. К.И. Чуковского (2014) «за плодотворную деятельность, стимулирующую интерес детей к чтению, к отечественной детской литературе».

МУСА ДЖАЛИЛЬ (1906–1944), СССР

Джалиль (Залилов) Муса Мустафович родился 15 февраля 1906 года в деревне Мустафино Оренбургской губернии. Учился в духовной мусульманской школе «Хусаиния» в Оренбурге. В 1919 году Муса Джалиль стал комсомольцем. Первый стихотворный сборник «Мы идём» вышел из печати в 1925 году. В 1927 году Джалиль стал москвичом, а в 1929 году вышел из печати второй сборник «Товарищи». Муса Джалиль учился в Московском государственном университете, на литературном факультете, после окончания которого с 1931 года был редактором татарских журналов для детей, заведовал отделом литературы и искусства татарской газеты «Коммунист», выходившей в Москве. В 1934 году были выпущены два сборника стихов Джалиля: «Стихи и поэмы» и «Орденосные миллионы». С 1935 года Муса Джалиль заведовал литературной частью татарской студии, образованной при Московской государственной консерватории им. Чайковского. В 1938 году открылся Казанский оперный театр, и Джалиль писал оперные либретто для этого театра – «Алтынчэч» («Золотоволосая») и «Девушка-рыбачка». В 1939 году Джалиль возглавил правление Союза писателей Татарии. С началом Великой Отечественной войны поэт ушёл на фронт, а в 1942 году попал в плен. Находясь в тюрьме, он продолжал писать стихи, которые вошли в цикл «Моабитские тетради» (они были вынесены на свободу его сокамерниками, а затем переведены на русский язык). Муса Джалиль был казнён 25 августа 1944 года в Берлине. В 1956 году посмертно удостоен звания Героя Советского Союза, в 1957 году стал лауреатом Ленинской премии.

АЛЕКСАНДР ЕВСЮКОВ (1982), Россия

Евсюков Александр Владимирович – прозаик, критик. Член Союза российских писателей. Заведующий секцией прозы Московского отделения СРП. Родился в городе Щёкино Тульской области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Участник и руко-

водитель труднических экспедиций на остров Анзер Соловецкого архипелага. Победитель российско-итальянской премии «Радуга» (2016) и Российско-болгарского литературного конкурса (2017). Победитель (3-е место) премии «В поисках Правды и Справедливости» (2018). Лауреат конкурса малой прозы им. Андрея Платонова (2011). Международного литературного Тургеневского конкурса «Бежин луг» (2018), международных фестивалей-конкурсов «Русский Гофман» (2017, 2019), «Образ Крыма»; обладатель премии журнала «Зинзивер» в области критики, дважды дипломант IX Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь». Рассказы переведены на армянский, болгарский, итальянский и польский языки. Автор книги рассказов «Контур легенды» (М. «Русский Гулливер», 2017).

НАИЛЬ ИШМУХАМЕТОВ (1964), Россия

Ишмухаметов Наиль Радикович – поэт, прозаик, переводчик татарской прозы и поэзии. Член союза писателей Республики Татарстан (2009). Родился в Магнитогорске. По образованию инженер-электрик. С 2012 по 2014 год работал на должности ответственного секретаря в редакции молодёжного журнала «Идель». Автор поэтического сборника «В поисках Неба» (Таткнигоиздат, 2014). Лауреат литературной премии «Родная речь» (журнал «Подъём», Воронеж).

ГЕННАДИЙ КАЛАШНИКОВ (1947), Россия

Калашников Геннадий Николаевич – поэт, прозаик, переводчик. Член Союза российских писателей и Международного ПЕН-центра. Родился в селе Ровно Тульской области. Окончил филологический факультет Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. Работал литературным сотрудником, редактором в «Литературной газете», издательствах «Современник», «ЭКСМО» и др. Публикуется с 1971-го в российской периодике: журналы «Юность», «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», «Другой берег», «Грани». Автор нескольких книг стихов: «Ладонь» (1984), «С железной дорогой в окне» (1995), «Звукоряд» (2007). Его произведения представлены в антологиях «Русская поэзия. XX век» (2001), «Русская поэзия. XXI век» (2010). Переводил поэзию народов СССР (И. Тарба, А. Токомбаев, А. Ковусов, М. Исмаил и др.). Дипломант Всесоюзного конкурса им. М. Горького за лучшую первую книгу (1984), премии «Московский счёт» за лучшую книгу года (2007), международного Тютчевского конкурса «Мыслящий тростник» (2015), лауреат конкурса «45-й калибр» и премии Пушкинского общества Америки «Душа в заветной лире» (2016).

РУСТАМ КАРАПЕТЬЯН (1972), Россия

Карапетьян Рустам Анатольевич – поэт, писатель. Член Союза российских писателей. Член редколлегии Международного творче-

ского объединения детских авторов. Родился 21 октября 1972 года в городе Красноярске. Окончил психолого-педагогический факультет Красноярского госуниверситета. Работает программистом – в том же городе, где родился и учился. Публиковался в журналах «День и ночь», «Огни Кузбасса», «Паровозъ», «Мурзилка», «Простоквашино», «Костёр», «Чиж и Ёж», «LaOndodeEsperanto» и других, а также в различных антологиях и сборниках. Автор нескольких книг для детей. Лауреат премии В. П. Астафьева в номинации «Поэзия» (2007). Лауреат конкурса «45-й калибр» («45-я параллель», 2014). Лауреат конкурса «Детское время» (2019).

ФАТИХ КАРИМ (1909–1945), СССР

Карим Фатих Валеевич (Ахметвалеевич) – татарский поэт. Член Союза писателей СССР. Родился 9 января 1909 года в деревне Аитово, ныне Бижбулякский район Республики Башкортостан. Окончил Белебеевский педагогический техникум и землеустроительный техникум Казани. Первые свои произведения написал довольно рано. Сотрудничал с республиканскими газетами и журналами, работал в редакции детско-юношеской литературы Татиздата. Участник Великой Отечественной войны, погиб на фронте. Печатался с 1928 года. Первый сборник стихов «Начальная песня» был опубликован в 1931 году. Наиболее значительными произведениями Карима являются «Седьмая печь» (1932), «Шумная заря» (1933). Фатих Карим – автор ряда произведений, созданных на фронте: сборники «Любовь и ненависть» (1943); «Мелодия и сила» (1944); повесть «Записки разведчика» (1944). 17 января 1945 года младший лейтенант Фатых Валеевич Каримов был назначен командиром взвода сапёров 226-го отдельного сапёрного батальона 144-й стрелковой дивизии 65-го стрелкового корпуса 5-й армии 3-го Белорусского фронта. Погиб 19 февраля 1945 года, выполняя боевое задание, на подступах к Кёнигсбергу – в посёлке Победа, ныне Калининградской области. Похоронен в братской могиле города Багратионовска Калининградской области. Награждён орденами Красной звезды и Отечественной войны I степени, а также медалями.

АЛЕКСАНДР КЕРДАН (1957), Россия

Кердан Александр Борисович – российский поэт и прозаик, журналист, кандидат философских наук (1996), доктор культурологии (2007). Родился 11 января 1957 года в городе Коркино Челябинской области. Окончил высшее военное училище, военную академию и адъюнктуру Военного университета. 27 лет прослужил в Вооружённых силах. Полковник в отставке. Автор 67 книг стихов и прозы, вышедших в России, Азербайджане и США. Стихи переводились на английский, итальянский, немецкий, болгарский, азербайджанский, белорусский, башкирский, коми, хантыйский и другие языки.

Лауреат всероссийских и международных литературных премий, среди которых премии «Честь и Отечество», «Золотое перо», им. А. Грина, им. П. Бажова, им. генералиссимуса А. Суворова, Большая литературная премия России. Заслуженный работник культуры РФ. Сопредседатель Союза писателей России, координатор Ассоциации писателей Урала. Живёт в Екатеринбурге.

ГЕОРГИЙ КОЛЬЦОВ (1945–1985), Россия

Кольцов Георгий Николаевич – русский поэт. Родился в селе Буреть Боханского района Иркутской области. По окончании школы работал учителем физкультуры. В 1976 году окончил Литературный институт им. А. М. Горького (семинар Льва Ошанина). Стихи были опубликованы в журналах «Звезда», «Пограничник», «Студенческий меридиан», «Сибирь», «Молодая гвардия», «Берега». Участник знаменитого Читинского совещания молодых писателей. Участник 6-го Всесоюзного совещания молодых писателей. В 1985 году трагически погиб и похоронен в городе Кашира Московской области. В 2017 году в Москве издана книга его стихов «Спасательный круг».

МИХАИЛ КОМЛЕВ (1983), Россия

Комлев Михаил Сергеевич – президент фонда социального кино, режиссер, продюсер, писатель, член Союза журналистов России. В 2017 году создал фонд социального кино, который нацелен затрагивать глобальные проблемы человечества: проблемы здоровья, экологические проблемы, проблемы людей с особенностями развития, проблемы людей пожилого возраста и ветеранов.

ЕВГЕНИЙ КРЕМНЁВ (1976), Россия

Кремнёв Евгений Алексеевич родился 30 ноября 1976 года. Член литературного объединения «ВОЛГА». Инженер ОАО «Росжелдорпроект» филиал «Нижегороджелдорпроект», ст. преподаватель Нижегородского филиала аспирант Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ). В студенческие годы занимался в театральном коллективе при МИИТе, был чтецом, участником и лауреатом студенческих конкурсов по художественному слову, читал стихи разных авторов. В свободное время занимается творчеством. Живёт и работает в Нижнем Новгороде.

СЕРГЕЙ КРИВОНОС (1963), Украина

Кривонос Сергей Иванович – поэт, журналист. Член Национального союза писателей Украины, Международного сообщества писательских союзов, Межрегионального союза писателей Украины. Родился 3 июня 1963 года в поселке Сосновом Сватовского района Луганской области. Автор 13 поэтических сборников. Лауреат

Международной литературной премии им. Сергея Есенина (Союз писателей России), литературной премии им. Николая Ушакова (Национальный союз писателей Украины), литературных премий им. Михаила Матусовского, Владимира Даля, Николая Гринченко, Татьяны Снежиной (Межрегиональный союз писателей Украины). Победитель и призёр многих международных литературных конкурсов и фестивалей.

ОЛЬГА КУЗЬМИЧЕВА-ДРОБЫШЕВСКАЯ (1964), Россия

Кузьмичева-Дробышевская Ольга Владимировна – поэт, прозаик, журналист, автор-исполнитель. Член Союза российских писателей и Союза писателей Республики Татарстан. Родилась в городе Волжском Волгоградской области. Окончила высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького. Руководитель литературного объединения «Лебедь» (г. Набережные Челны, Татарстан). С 2015 года является автором и председателем жюри регионального литературного фестиваля «Лебеди над Челнами». Лауреат премии Республики Татарстан «Хрустальное перо – 2010», премии мэра города Набережные Челны в области литературы и искусства (2018), всероссийского фестиваля «Песня Булата» (2016), дипломант международных литературных конкурсов им. А. Платонова (2012), Ф. Тютчева (2013), дважды призёр международного песенного конкурса Грушинского фестиваля (2013, 2014) и др.

НАДЕЖДА КУЗНЕЦОВА (1984), Россия

Кузнецова Надежда Викторовна – поэт, детский писатель. Президент благотворительного фонда поддержки и развития детской литературы «Надежда». Член Союза российских писателей, член комиссии по детской литературе Союза российских писателей. Родилась в городе Бузулук Оренбургской области. Окончила юридический факультет Оренбургского государственного университета. Живёт и работает в Оренбурге. Является автором и организатором международного фестиваля детской литературы «Чудо-книга» и всероссийского конкурса рукописей произведений для детей «Первая книга» (Оренбург). Автор четырёх сборников стихов. В 2019 году её книга «На лесной тропинке» передана в дар от Оренбургской области в посольство Российской Федерации ООН в Швейцарии (Женева). Издаётся в России и Казахстане (город Астана). Руководитель литературного проекта «Чтобы помнили».

ДИНАРА МАМЕДОВА (2002), Россия

Мамедова Динара Парвизовна – ученица II класса, ГБОУ средняя общеобразовательная школа им. А. А. Климова п.г.т. Петра Дубрава муниципального района Волжский Самарской области. Руководитель: учитель высшей категории Зыкова Галина Викторовна. Динара

Мамедова лауреат Международного детско-юношеского литературного конкурса им. Ивана Шмелева «Лето Господне» (2016) – проект Издательского совета Русской Православной Церкви, учрежденный в 2014 году по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Призёр областного конкурса исследовательских работ обучающихся в рамках Интернет-проекта «Гражданин Самарской области – Гражданин России» (2018) Победитель территориального этапа Всероссийского конкурса сочинений (ВКС) (2018). Призер муниципального тура Всероссийской олимпиады ОБИО «Наше наследие»(2019).

ЮРИЙ НЕЧИПОРЕНКО (1956), Россия

Нечипоренко Юрий Дмитриевич – прозаик, арт-критик, учёный, культуролог. Исследователь творчества Николая Гоголя, Александра Пушкина, Михаила Ломоносова и Гайто Газданова. Член Международного сообщества писательских союзов. Член Ассоциации искусствоведов. Основатель и председатель общества друзей Газданова. Является инициатором проведения Всероссийского фестиваля детской книги и директором фестиваля, который проходит с 2014 года в Российской государственной детской библиотеке (г. Москва). Родился в Ровеньках Луганской области. По специальности биофизик, доктор физико-математических наук. Работал литературным редактором в издательском доме «Весёлые картинки». С начала 2000-х годов – главный редактор интернет-обозрения «Русская жизнь» и детского журнала «Электронные пампасы». Сотрудничал с издательским центром «Чёрная курица», журналом «Огонёк», Институтом языкознания РАН и мн. др. Лауреат премий «Заветная мечта» (2009), им. Алексея Толстого (2009), им. Сергея Михалкова (2011), «Живая литература» (2012), «Серебряный Дельвиг» (2013), «Ясная поляна» (2013).

ДМИТРИЙ НЕЧИПУРЕНКО (1913–2012), Россия

Нечипуренко Дмитрий Алексеевич родился в 1913 году в деревне Новогригорьевка Березнеговатского района Херсонской области. Дмитрий Нечипуренко закончил профессионально-техническую школу, получил специальность слесаря-токаря 6-го разряда; был призван в армию, закончил лётную школу и служил стрелком-радистом на Дальнем Востоке в конце 30-х годов, о чём оставил воспоминания (опубликованы в журнале «Сибирские огни»). Военный стрелок-радист, лётчик Дальней бомбардировочной авиации, начальник радиостанции, в мирное время – начальник узла связи. После службы в армии работал на судостроительном заводе в Николаеве. Прошёл всю Великую Отечественную войну старшиной, начальником радиостанции батальона аэродромного обслуживания. После войны работал начальником узла связи треста «Фрунзеуголь»

г. Ровеньки Луганской области, писал очерки и статьи, печатался в местной прессе. Автор более сотни рационализаторских предложений и трёх изобретений. Первая публикация Дмитрия Нечипуренко в центральной прессе состоялась в 2007 году в журнале «Русская жизнь».

ВЛАДИМИР НОВИКОВ (1947), Латвия

Новиков Владимир Михайлович – поэт, художник, детский писатель. Член Союза российских писателей, Союза писателей Латвии, Союза художников Латвии. Родился 6 мая 1947 года в Риге. Окончил Рижское мореходное училище (1967), судоводитель (штурман), 3-х годовичные курсы в Латвийской академии художеств, (1984). С морем связано более 10 лет. В 1984–2006 гг. – автор и ведущий детских страниц в журналах «Дружба» (Москва – София), «Берегиня» (Москва), «Шпиль» (Рига), а также в латвийских газетах «Юрмала», «СМ», «Телеграф», «Диена» и других. Публиковался в журналах: в московских – «Весёлые картинки», «Простоквашино», «Берегиня»; в рижских – «Гном», «Шпиль» «Ezis» («Ёж») «Zilīte» («Синичка»), «Sveiki!» («Привет!») и в других; в альманахах: «Рижский альманах», «Письмена» (Рига), «Провинциальный альманах», альманах-ежегодник поэзии для детей «Gaļā rura» (Рига) (на лат. яз.) и в других. В 1991–1995 гг. – главный редактор и издатель журнала для русских детей Латвии «Гном». В 1993–1997 гг. – редактор журнала-пособия для изучения латышского языка русскими детьми «Sveiki!». С 2007 по 2015 гг. – главный редактор двуязычного (русско-латышского) журнала «Вестник моряка»/ «Jūrnīkuvēstnesis». За время работы в журнале записал со слов моряков и опубликовал более 600 историй. Стихи и рассказы опубликованы в семи различных хрестоматиях и сборниках издательства АСТ, Москва. Многие стихи Новикова переведены на латышский язык и опубликованы. В Москве и Риге издано более 30 книг стихов, рассказов, повестей, переводов с латышского. Проиллюстрировал около 50 книг и брошюр. Владимир Новиков сотрудничает с Латвийским театром кукол – перевёл с латышского на русский 9 пьес (включая тексты песен), является автором 3-х пьес. Лауреат Всероссийского конкурса литературы для детей и юношества имени П. П. Ершова (2010); премии Латвийского государственного фонда интеграции общества – за популяризацию русской литературы в латышских школах и латышской – в русских (2011); стихи и рассказы Владимир Новикова входили в шорт листы «Корнейчуковской премии» (г. Одесса) (2015, 2016, 2017 гг.). Награждён почётной грамотой Правительства Москвы (2017). В 2020 году приступил к изданию журнала «Матроскин».

МИХАИЛ НОЖКИН (1937), Россия

Ножкин Михаил Иванович – советский и российский актёр театра и кино, поэт, поэт-песенник, музыкант, Народный артист РСФСР

(1980), член Союза писателей России. Родился 19 января 1937 года в Москве. Окончил строительный техникум Моссовета. В 1961 году окончил Театральную студию эстрадных искусств Московского театра эстрады, в том же году был принят в труппу. Автор слов, музыки и исполнитель ряда известных и популярных песен: «Последний бой», «Я люблю тебя, Россия», «Бессмертный марш» и др. Михаил Ножкин активно занимается общественной жизнью. Член редакционного совета радиогазеты «Слово». Вице-президент Академии безопасности и правопорядка, вице-президент Московского интеллектуально-делового клуба (клуб Н.И. Рыжкова), член центрального совета Всемирного русского народного собора, вице-президент Академии науки и искусств им. С.П. Королёва. Входит в состав общественного совета при Следственном комитете Российской Федерации. Член центрального штаба движения «Бессмертный полк России». Награждён орденами «Знак Почёта», преподобного Сергия Радонежского III степени, Орденом Почёта (30 марта 2007 г.) – за заслуги в области культуры и искусства, многолетнюю плодотворную деятельность, орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени (28 июля 2011 г.) – за большие заслуги в развитии отечественной культуры и искусства, многолетнюю плодотворную деятельность, орденами святого благоверного князя Даниила Московского I степени, преподобного Серафима Саровского I степени, «За сбережение народа». Государственная премия РСФСР им. братьев Васильевых (1982) – за сценарий документального фильма «Ради жизни на земле». Большая литературная премия России СП России, премия «На благо России» (2007) – за многолетнее служение отечественной литературе. Национальная премия «Имперская культура» им. Эдуарда Володина (2006) в номинации «Поэзия» – за стихи и песни последних лет.

ЗАКИ НУРИ (1921–1994), Россия

Нурутдинов Заки Шарафутдинович – татарский писатель. Родился 24 декабря 1921 года в деревне Татарские Тюки Буинского кантона. Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького (Москва, 1957). Участник Великой Отечественной войны, воевал в партизанском соединении К. Заслонова в Белоруссии (подрывник, начальник разведотряда). Работал заместителем редактора газеты «Яш сталинчы», заведующим редакцией детско-юношеской литературы Татарского книжного издательства, главным редактором журнала «Казан утлары». В 1957–1963 гг. – ответственный секретарь, в 1971–1974 гг. – председатель правления Союза писателей ТАССР, член президиума правления Союза писателей РСФСР (1970–1975). Писал и для детей. Перевёл на татарский язык сочинения Н. А. Некрасова, В. В. Маяковского и др. Произведения Заки Нури переведены на русский, казахский, азербайджанский, белорусский, марийский, якутский языки. Награждён орденами Отечественной войны II степени, «Знак Почёта», Дружбы народов. Умер 28 февраля 1994 года в Казани.

СВЕТЛАНА САВИЦКАЯ (1963), Россия

Савицкая Светлана Васильевна – писатель, журналист, художник, общественный деятель. Родилась 10 октября 1963 года в г. Орджоникидзе. Член Союза писателей (Московская организация. Проза). Академик Международной академии интеграции науки и бизнеса, член-корреспондент Международной академии наук экологической безопасности, член-корреспондент Православной русской академии (ПРА). Доктор философии в области социологии и культурологии по диссертации «Символ, как социально-культурный феномен управления». С 2005 г. – учредитель международного конкурса «Национальная литературная премия «Золотое перо Руси»», организатор и председатель оргкомитета. Основатель и президент содружества литературных сообществ «Золотое Перо Руси». Выпущено более 80 художественных и научных книг, военно-исторический роман «Балканы» был удостоен почётного знака «Самарский крест» от правительства Болгарии и медали Победы, переведён на арабский язык, и выпущен в Дамаске (Сирия). Исследовательский роман «Распутай время» признан лучшей книгой 2011 года в Германии (Гран-при Берлин, Институт изучения русского языка, 2011), Сербия вручила писателю «Златну круну». В 2016 году – Гран-при по прозе и диплом Гомера в Греции. В 2018 году – Гран-при «Лучший роман года» от Военной студии баталлистов и маринистов при министерстве обороны РФ за роман «Балканы». Награждена медалью «65 лет победы над фашистской Германией» от министерства обороны РФ «за истинный патриотизм романа «Распутай время»». Сегодня её книги читают более чем на 20 языках мира, которые являются лидерами продаж. Единственный русский писатель, переведённый на цыганский язык. Светлана Савицкая – обладатель более 150 лауреатских и почётных дипломов российских и зарубежных конкурсов и проектов.

РАМЗАН САМАТОВ (1963), Россия

Ахметянов Линар Анасович — литературный псевдоним Рамзан Саматов. Родился 1 февраля 1963 года в деревне Костино Янаульского района Башкирской АССР. Окончил военно-медицинский факультет при Куйбышевском Медицинском институте. Служил начальником Казанского военного госпиталя, работал главным врачом клиник Республики Татарстан и Казани. В настоящее время возглавляет одну из медицинских организаций в Казани. Кандидат в члены Интернационального союза писателей. Публиковался в американском журнале «Новый континент» и журнале «Казань». Выпущено 2 романа и сборник рассказов. Живёт в Казани.

КОНСТАНТИН СКВОРЦОВ (1939), Россия

Скворцов Константин Васильевич – русский писатель. Родился 13 апреля 1939 года в Туле. Живёт в Москве. Мастер драматической

поэзии. В Центральном музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе в Москве установлены Щит и Меч Победы, на которых в золоте выгравированы слова:

*Россияне! Не уроним чести
И плечом к плечу сомкнёмся впрёдь.
Выстоять дано нам только вместе,
Порознь – только умереть!..*

Эти слова принадлежат поэту Константину Скворцову и, по сути, являются лейтмотивом его творчества. Поэт пишет о том, что раньше называлось «о доблести, о подвигах, о славе». Он пишет о судьбе человека, о судьбе народа, о судьбе страны, о судьбе мира. Константин Скворцов – автор двадцати пьес, опубликованных и шедших в различных театрах России, но главное в том, что все они относятся к сложнейшему в искусстве жанру – драматической поэзии. Его произведения отличаются глубиной исторической памяти, смелой трактовкой исторических событий, афористичностью языка, то есть тем, чем издавна славилась русская драматическая поэзия. Награждён орденами «Знак Почёта» (1976), «За развитие польской культуры» (1989), медалью «За развитие русской мысли» им. И.А. Ильина (2008) и др.

ВЛАДИМИР СКИФ (1945), Россия

Скиф Владимир Петрович – русский поэт, детский писатель, литературовед. Родился 17 февраля 1945 года в пос. Куйтун Иркутской области. Автор 36 книг.

Член Союза писателей СССР, Член СП России. Секретарь Правления Союза писателей России. Член Приёмной коллегии Союза писателей России. Член редколлегии журнала «Подъём» (Воронеж), зав. отделом поэзии журнала «Сибирь». Член редколлегии ежемесячника «Литературный Крым». Советник Губернатора Иркутской области по культуре. Академик Российской Академии поэзии. В. П. Скиф награждён Орденом «За службу России», Золотой Есенинской медалью «За верность традициям русской культуры и литературы», медалью М. В. Ломоносова, медалью М. Ю. Лермонтова, медалью В. М. Шукшина, медалями Адмирала Кузнецова, Георгия Жукова, медалью Акинфия Демидова и другими медалями. Он победитель V Московского международного конкурса поэзии «Золотое перо-2008», победитель поэтического конкурса «Неизбывный вертоград» им. Николая Тряпкина (2010), Лауреат Международных премий им. П. П. Ершова (2009), «Имперская культура» им. Э. Ф. Володина (2014), «Югра» за перевод «Слова о полку Игореве» (2015), Лауреат Всероссийских литературных премий «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова (2013), им. Николая Клюева (2014), Лауреат премии издательского дома «Российский писатель» (2014, 2016), Лауреат премии журнала «Наш современник» (2015), Лауреат конкурса одного стихотворения «Донбасс, Донбасс, земля моя, ты

весь горишь в огне» в Петербурге за стихотворение «Бескрылый ангел» (2016), Лауреат конкурса им. Николая Денисова (2017). Лауреат Большой литературной премии России (2018). Четырежды лауреат Губернаторской премии Иркутской области (2010, 2011, 2015, 2019). Печатался в Америке, Аргентине, Канаде, Болгарии, Венгрии, Сербии. Стихи переведены на сербский, венгерский, болгарский, немецкий языки. Живёт в Иркутске.

АНДРЕЙ СМЕТАНИН (1970), Испания

Сметанин Андрей Викторович – поэт. Родился 4 сентября 1970 года в Крыму. Окончил Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов. Долго жил в Санкт-Петербурге и Минске. В настоящее время проживает в Испании, является учредителем и директором агентства недвижимости. Автор более 40 книг стихотворений для детей. Член союзов писателей России и Беларуси, лауреат литературных премий и конкурсов им. А. Н. Толстого, им. П. П. Ершова, «Хрустальный родник», «Детское время», «Золотое перо Руси» и многих других. Вел литературные рубрики в детских журналах России, Беларуси и Украины, был инициатором ряда проектов в области детского и семейного чтения. Награждён медалями Союзов писателей России и Беларуси, почётным знаком «За трудовую доблесть».

НАТАН СОЛОДУХО (1952), Россия

Солодухо Натан Моисеевич — литератор, философ, физик, художник. Родился 18 марта 1952 года в Казани. Окончил физический факультет Казанского государственного университета (КГУ) и параллельно факультет общественных профессий. Выпускная работа искусствоведа Натана Солодухо была посвящена творчеству писателя Леонида Андреева. Доктор наук, заведует кафедрой в Казанском техническом университете, является действительным членом ряда российских академий. Автор философских монографий, литературно-художественных книг, публиковался в литературных журналах, сборниках, газетах Москвы, Санкт-Петербурга, Казани и за рубежом. Член Союза российских писателей и Союза писателей XXI века, член Профессионального Союза художников России. Лауреат и дипломант изо- и литературных конкурсов.

ВАСИЛИЙ ТИШКОВ (1936), Россия

Тишков-Одоевский Василий Петрович – писатель, публицист, кинорежиссёр-документалист. Предводитель Княжеского совета Всея Руси. Родился в 1936 году в степи под Ужуром Красноярского края. Окончил факультет драматургии ВГИК. Первая книга коротких рассказов «Неграмотные голуби» вышла во Владикавказе. Рабо-

тал в Госкино СССР главным редактором по документальному кино. Курировал все 36 киностудий документальных фильмов Советского Союза. В это время стал автором одного из первых фильмов об охране окружающей среды «Наш дом – Земля наша» (диплом первой степени 1974 г.). Одновременно в 1977 году в журнале «Юность» выходит повесть о целине «Встреча на расстани» и в журнале «Наш современник» очерк «Кинь добро назад, очутится впереди». За «уникальные научные и практические организационные работы в реставрации» вошёл в пантеон «Звёзды России» – на ЦСДФ снят о Тишкове документальный фильм «Хозяин» (1992). Действительный член трёх академий. Лауреат целого ряда литературных премий.

ХАТИП УСМАНОВ (1908–1992), Россия

Усманов Хатип Усманович (Хатип Госман) – татарский писатель, журналист, литературовед. Родился 21 мая 1908 года в с. Сульмаш. Вначале учился в религиозной татарской, затем – русской школе. В 1926 году он приезжает в Казань и поступает на Татарский рабфак, однако через год из-за социального происхождения его исключили. С сентября 1929 года заведует библиотекой Свердловского татарского педучилища. Работает в редакциях газет «Социализм юлы» («Путь социализма», Свердловск), «Сталинчы» («Сталинец», Астрахань), «Коммунист» (Москва), «ЯшьСталинчы» («Молодой Сталинец», Казань) и др. В 1935–1939 годах – студент отделения татарской филологии Казанского государственного пединститута. Получив диплом с отличием, Хатип Усманов в течение года был старшим преподавателем Елабужского учительского института, затем читал лекции по западноевропейским литературам в Казанском пединституте, параллельно работал в музее Максима Горького в качестве научного сотрудника. С 13 июля 1941 по 6 мая 1946 года он находился в рядах Красной Армии: в начале войны был рядовым, затем – политработником, сотрудником фронтовых газет Северо-Западного, 2-го Белорусского фронтов, служил в инженерно-сапёрной штурмовой гвардейской бригаде. За боевые заслуги капитан Хатип Усманов награждён орденом Красной Звезды и медалями. После демобилизации, в 1946–1951 годах, работает старшим преподавателем на кафедре зарубежной литературы Казанского пединститута. 24 сентября 1964 года ему было присвоено звание профессора. Умер в Казани 12 февраля 1992 года.

ИННА ФРОЛОВА (1972), Беларусь

Фролова Инна Николаевна – поэт, переводчик. Родилась 6 августа 1972 года в городе Минске. Окончила Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка (1996); ВЛК Литературного института имени А.М. Горького (2020). Работает в штате Минского городского отделения Союза писателей

Беларуси. Пишет на русском и белорусском языках. Автор трёх поэтических сборников: «Чакаю першы снег» (2011), «Там у светлых барах» (2012), «Белы бераг» (2016), а также книг для детей «Ромашки на асфальте» (2018), «Апельсин» (2019) и книги переводов «Радка живога пілігрымы» (2018). Публиковалась в России и Белоруссии. Лауреат ряда литературных премий. Член Союза писателей Беларуси и России.

ВЕРА ХАМИДУЛЛИНА (1960), Россия

Хамидуллина Вера Петровна – поэт, переводчик, издатель. Член Союза российских писателей, Литфонда России, Союза писателей Республики Татарстан и Союза писателей XXI века. Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств (ПАНИ). Родилась в городе Красноуральске Свердловской области. Окончила Горьковскую школу-интернат спортивного профиля (1977), факультет физического воспитания Казанского государственного педагогического института (1981) и магистратуру института филологии и межкультурной коммуникации им. Л. Н. Толстого Казанского (Приволжского) федерального университета (2016). Руководитель литературно-издательских проектов «Современные авторы – детям» (САД) и «Современные авторы – детям. Издано в Казани» (САДИК) на русском и татарском языках. Председатель комиссии по детской литературе Союза российских писателей. Призёр и лауреат ряда международных и российских литературных конкурсов. Награждена почётными знаками «Золотое перо Руси», «Трудовая доблесть России», «За заслуги перед городом Набережные Челны».

ЛЮДМИЛА ЧЕБОТАРЁВА (1957), Израиль

Чеботарёва Людмила (литературный псевдоним Люче) – поэт, прозаик, переводчик с английского, испанского и иврита. Автор и исполнитель песен. Родилась 31 декабря 1957 года в Воронеже. В 1980 г. окончила с отличием факультет романо-германской филологии Воронежского государственного университета по специальности «английский язык и литература». Жила в России, Украине и Беларуси. С 1993 года живёт в Израиле. Преподавала английский язык в школе, ныне на пенсии. Автор 8 поэтических сборников и 20 книг для детей и подростков. Помимо авторских книг, публиковалась в коллективных сборниках, альманахах, журналах и газетах в Австралии, Бельгии, Беларуси, Великобритании, Германии, Израиле, Канаде, России, США, Украине, Финляндии. Победитель, лауреат, призёр, финалист, организатор и член жюри многих международных литературных конкурсов. Учредитель и Президент Международного Фестиваля русской поэзии и культуры в Израиле «Арфа Давида».

ТАГИР ШАМСУАРОВ (1954), Россия

Шамсуаров Тагир Яруллович – поэт. Член союза писателей Республики Татарстан. Отличник народного образования. Академик Академии гуманитарных наук России. Родился в селе Новый Иштерьяк Лениногорского района Татарской АССР. В 1969 году окончил Новоштерьякскую восьмилетнюю школу, 9–10 класс обучался в Зеленогорщинской средней школе. С 1974 по 2016 год преподавал в районных школах татарский язык и литературу. Тагир Яруллович свои первые стихи начал писать ещё в пятом классе. Его стихи регулярно печатаются в газетах и журналах Татарстана. Лауреат литературных премий им. Ш. Бикчурина (1994), им. Сажиды Сулеймановой.

ЭЛЬМИРА ШАРИФУЛЛИНА (1947), Россия

Шарифуллина Эльмира Мухамметовна – писатель, публицист. Член союза писателей Республики Татарстан. Родилась 4 июня 1947 года в деревне Семяково Муслумовского района Республики Татарстан. После окончания восьмилетней школы учится в Мензелинском педагогическом училище. Трудовую деятельность начала в должности директора Дома пионеров районного центра Мамадыш. В 1968–1973 годах без отрыва от производства училась в Казанском государственном университете на отделении татарского языка и литературы историко-филологического факультета. Начиная с 1997 года преподаёт в педагогическом колледже города Казани. В 1976 году вышла её первая книга «Безнец, зоопарк» («Наш зоопарк»), адресованная детям. Эльмира Шарифуллина – автор популярного выражения «Без-Тукайлы халык» («Мы – народ, у которого есть Тукай»). В 2014 году была удостоена премии им. Сажиды Сулеймановой, учреждённой компанией «Татнефть». В 1993 году присвоено почётное звание «Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан».

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
I глава «Война и детство»	4
Войнушка (Р. Карапетьян).....	5
Рецепт (Р. Карапетьян)	5
Я рисую (Р. Карапетьян).....	6
Рисунок (Р. Карапетьян).....	6
Детские стрельбы (С. Белорусец).....	8
С саблей в руке (Ф. Карим)	10
Кто построил жуткий стул (А. Сметанин).....	11
Полынью пахнет и крапивой (Н. Солодуха).....	12
Бессмертный полк (В. Хамидуллина)	14
Мои цветы (М. Джалиль).....	16
Котёнок (Х. Усманов)	17
Дедушка (Н. Кузнецова).....	22
Десять солдат (Н. Кузнецова).....	24
Бумажный папа (Э. Ахадов)	27
Война кончилась (Э. Ахадов).....	28
Калейдоскоп (В. Скиф)	30
Встреча (Д. Нечипуренко).....	31
Сирота (Г. Кольцов)	34
Черно-белый день (В. Хамидуллина).....	35
...Мы не ползли под обстрелом (Н. Алешков).....	40
Дед и внучка (Л. Чеботарёва)	42
Матушка пела (К. Скворцов).....	43
Игра в войну (К. Скворцов).....	44
Тельняшка (К. Скворцов).....	45
... Я помню, мать у прокопчённой печки (К. Скворцов).....	45
2 глава «Воспитание подвигом».....	46
Русские (Э. Ахадов).....	47
Крепостная стена (К. Скворцов).....	48
Переправа (А. Гамí).....	49
Советский солдат (Ф. Карим).....	50
Отрывок из романа «Последний остров» (В. Тишков).....	51
Здесь надо мной черёмуха в снегу (А. Амусин).....	54
Нас расстреляли на рассвете (А. Амусин).....	55
Курс – навстречу торпедам (быль) (В. Новиков).....	56
Моабитская тетрадь (З. Нури)	60
Камень (Р. Саматов).....	61
Передний край (В. Скиф)	64
Ложка (В. Скиф).....	65
Монолог танка Т-34 (В. Скиф)	66
Фронт рядом (А. Евсюков).....	68
Под вязьмой (В. Хамидуллина).....	75

СОДЕРЖАНИЕ

Масштаб подвига в масштабе войны (В. Хамидуллина).....	76
Находчивый старшина (Р. Саматов)	77
Почтальонша (Г. Кольцов).....	80
Чистота (Г. Кольцов).....	81
Брат (Ю. Нечипуренко).....	82
Его университеты (А. Кердан)	89
Бабушка Аня (А. Кердан)	90
...Шло партийное собрание в каземате (А. Кердан)	90
Шел 1943 год (О. Кузьмичева-Дробышевская).....	91
Хлеб победы (Е. Кремнёв)	96
Волжане (Е. Кремнёв).....	97
Какая смерть у храбрых (отрывок из романа «Распутай время») (С. Савицкая).....	98
Под Ржевом (М. Ножкин)	103
Рядовой (А. Кердан)	105
Последний день войны (Э. Вашкевич)	106
3 глава «Чтобы помнили»	114
Глядят на нас фронтовики (М. Ножкин)	115
Бессмертный марш (М. Ножкин)	117
День победы (Отрывок из поэмы «Ради жизни на земле») (М. Ножкин).....	118
Год рождения (Н. Алешков)	119
Держава (Н. Алешков).....	120
«...Всё время думала о том, что было куда важнее, чем она сама» (по книге Б. Л. Васильева «А зори здесь тихие») (Д. Мамедова).....	121
День победы (Э. Шарифуллина)	127
В подземелье (Н. Гасанзаде)	129
Берёзы (Н. Гасанзаде)	130
Прости, солдат Василь Иванович (отрывок из рассказа) (К. Агамирзоев)	132
У могилы неизвестного солдата (Г. Кольцов).....	142
«Никто не забыт и ничто не забыто.» (В. Скиф).....	143
Обелиски (В. Скиф).....	144
Безвестные возвращаются домой (Т. Шамсуаров).....	145
Тайна капитанского бинокля (В. Новиков)	147
Главная тема (М. Грозовский)	151
...Понимаю, страшно это (М. Грозовский)	153
...С охрипшим ветром в унисон (И. Фролова)	154
Воспоминание (С. Кривонос).....	155
... Вечернее солнце природу утешит (С. Кривонос).....	155
Чтобы помнили (М. Комлев).....	156
Наши авторы.....	164

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ...

Стихи и рассказы
для школьников

Литературно-художественное издание

Автор и руководитель проекта:

Надежда Кузнецова

Координатор проекта и ответственный редактор:

Вера Хамидуллина

Составители:

Надежда Кузнецова, Вера Хамидуллина, Геннадий Калашников

Корректор:

Гузель Давлетзянова

Художник:

Ольга Белова-Недовизий

Дизайнер:

Алмаз Хайрутдинов

6+

Знак информационной продукции
согласно ФЗ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

штрих-код

Подписано в печать **.07.2020 г.

Гарнитура Constantia.

Формат 70*100 1/16. Объём 11,5 п.л.

Бумага мелованная. Печать офсетная.

Тираж 3000 экз. Заказ № В-354

Отпечатано в Филиале АО «Татмедиа»

ПИК «Идел-Пресс».

г. Казань, ул. Декабристов, 2.